ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА

М. М. МИХАЙЛОВА.

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ОБЩІЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ КУРСЪ, СТЕНОГРАФИРОВАННЫЙ.

ЛЕКЦІИ I—XVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ
(Литейный просп., № 39).
1871

I ЛЕКЦІЯ.

Государство есть высшая и совершеннѣйшая степень общественнаго устройства всякаго народа. Первоначальная степень развитія всякаго народа выражается въ патріархальной формѣ, когда народъ живетъ семейнымъ и родовымъ бытомъ и не знаетъ другихъ *общихъ* интересовъ, кромѣ безопасности отъ внѣшняго врага и внутренняго мирнаго обладанія занятою землею. Внутренній порядокъ поддерживается въ это время въ каждой семьѣ и родѣ—главами ихъ, старѣйшими родичами да и порядокъ этотъ простъ: онъ обусловленъ сильною по природѣ властью отца, однообразною обстановкою жизни, взаимною любовію близкихъ членовъ рода,—обычаями, т. е. искони заведеннымъ и укоренившимся по привычкѣ соблюденіемъ домашняго порядка. Въ такомъ положеніи народъ можетъ прожить долго, если внѣшній толчекъ историческихъ событій не разбудитъ такъ сказать эту дремлющую первоначальную стихію его будущей общественной жизни. Является внѣшній врагъ: чуждое племя, или народъ угрожаетъ нападеніемъ или дѣлаетъ нападеніе. Бѣгутъ всѣ въ страхѣ за совѣтомъ, что дѣлать, къ своимъ старѣйшинамъ: отцамъ и дѣдамъ, главамъ семей и родовъ. Идутъ старѣйшины на сходъ между собою—остальное населеніе пассивно молча слушаетъ: на чемъ старѣйшины положутъ, тому и быть, они молодшіе — суть исполнители ихъ мудраго постановленія. И долго дѣтски привязанный къ своимъ старѣйшинамъ народъ удерживаетъ у

себя такую форму перваго проявленія общественнаго устройства, которое называется *вѣчемъ.* Первый родъ дѣлъ и совѣщаній на вѣчѣ—дѣло войны, мира, дани, дѣлежа добычи. Отражено нападеніе — вѣче умолкло, народъ живетъ опять обыденною патріархальною жизнью; но въ немъ уже отнынѣ присуще сознаніе того, что всякое дѣло, касающееся судьбы цѣлаго народа—обсуждается на вѣчѣ. Отъ этого что бы ни случилось впослѣдствіи въ быту народа, внѣшняя ли опасность, внутреннее ли бѣдствіе, или раздоры—всему конецъ, всему предѣлъ на вѣчѣ. Вѣче образуетъ органъ воли народной. Но отчего же возникаютъ съ теченіемъ времени у патріархально живущаго народа внутренніе раздоры, при которыхъ возстаетъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, родъ на родъ и братъ на брата. Гдѣ причина, гдѣ корень этой родовой вражды, въ одномъ и томъ же племени, вражды племенной въ одномъ и томъ же народѣ, и отчего эта вражда, начинаясь въ маломъ кругу семейномъ, растетъ и увеличивается какъ пламя раздора въ совокупности родовъ и племенъ образующихъ народъ? Если, сознавая громадную важность этого вопроса, мы не обойдемъ его рутинно, а вникнемъ въ самую первую изъ причинъ, то увидимъ, что это происходитъ прежде всего отъ ослабленія власти семейной и отъ ослабленія въ силу того и обычаевъ патріархальнаго быта. По общему историческому закону жизни всѣхъ народовъ, патріархальный бытъ у нихъ постепенно ослабѣваетъ, уступая мѣсто новой формѣ жизни—общинному устройству. Но не вдругъ переходитъ народъ отъ прежней формы жизни къ новой, и вотъ этотъ то промежутокъ, когда патріархальная форма уже отжила свое время, а общинная еще только народилась и представляетъ тотъ періодъ родовой и племенной вражды, о которой повѣствуютъ нетолько наши, но и многіе другіе лѣтописцы разныхъ народовъ.

Однако до сихъ поръ мы разъяснили лишь *когда* происходитъ эта вражда, но не *отчего* она происходитъ. Пока всѣ члены семьи, а иногда и цѣлаго рода, если онъ не весьма размножился, живутъ близко, вмѣ-

ключается въ томъ, чтобы постепенно изобразить, какъ жилъ народъ въ данную эпоху, какія юридическія отношенія выработалъ онъ впослѣдствіи, какія причины появленія того или другаго закона и каковы результаты его появленія. Юристъ не можетъ ограничиться изслѣдованіемъ отдѣльной какой нибудь эпохи, потому что тогда его знаніе будетъ не полно. Необходимо послѣдовательное изученіе развитія всего законодательства. Во внутренней исторіи права важны не періоды, не время, а указаніе на ходъ постепеннаго улучшенія государственнаго общественного и семейного быта народа. Внѣшняя исторія права имѣетъ дѣло съ памятникомъ извѣстной эпохи и для нея весьма важно время, которое кладетъ свою печать на каждый законъ. Во внутренней исторіи права обращается вниманіе на разнообразіе причинъ, вліяющихъ на развитіе народа. Слѣдовательно, каждая часть исторіи права имѣетъ различныя задачи, а отсюда и происходитъ различный порядокъ при изслѣдованіи. Для полнаго знанія онѣ обѣ равно необходимы. Исторія права должна быть раздѣлена на различныя эпохи, тѣми событіями, которыя имѣли громадное вліяніе на ходъ развитія народа, или важными фактами изъ юридической жизни его. Во внѣшней исторіи эпохи могутъ быть однѣ, во внутренней—другія. Для внѣшней можетъ быть знаменательно появленіе какого нибудь сборника положительныхъ законовъ, но если этотъ сборникъ есть ни что иное, какъ собраніе правилъ прежде существовавшихъ, то появленіе его не можетъ сдѣлать переворота въ развитіи народа и потому для внутренней исторіи права не будетъ имѣть особенного значенія. Теперь укажемъ на взаимную связь между внѣшней и внутренней исторіей права и ихъ равную необходимость для полнаго знанія. Внѣшняя исторія права имѣетъ важное значеніе уже потому, что иногда одно слово древняго закона выражаетъ положеніе народа въ извѣстную эпоху. Изучая исторію права, мы должны имѣть въ виду всѣ эти соображенія, такъ что при изученіи какой либо эпохи должно сперва указать на развитіе общихъ причинъ, затѣмъ изслѣдовать памятники и списки съ указаніемъ

на время ихъ появленія, выяснить бывшее въ извѣстную эпоху положеніе народа, раздѣленіе его на классы, семейный и общественный бытъ, имущественныя отношенія и наконецъ, прослѣдить эти памятники съ точки зрѣнія внутренней исторіи права. Слѣдя за народомъ съ начала его историческаго существованія, мы замѣчаемъ, что у него являются прежде всего, какъ мы уже выше сказали, обычаи. Вслѣдъ за обычаями появляются законы. Но эти законы касаются всегда сначала такъ называемаго уголовнаго права, т. е. власть общественная сначала старается оградить членовъ общества отъ преступленій, явно нарушающихъ его спокойствіе; это весьма естественно. Затѣмъ появляются законы, относящіеся уже къ другимъ предметамъ, такъ называемые, гражданскіе законы, которые опредѣляютъ внутренній порядокъ, устройство и значеніе суда и опредѣляютъ отношенія членовъ общества между собою. Когда является масса законовъ, то составляется сборникъ ихъ. Составленіе перваго сборника есть эпоха для внѣшней исторіи права. Законодательство должно находиться въ постоянномъ движеніи. Дѣйствительно, законы дополняются, отмѣняются или замѣняются. Каждое законодательство развивалось своимъ особымъ путемъ. Имѣя сходство во внѣшнемъ отношеніи (развитіе изъ обычаевъ, постепенность, непрерывность и т. д.), во внутреннемъ они имѣютъ каждое свои особенности. Исторія Русскаго Права есть своеобразный отдѣлъ исторіи права вообще. Законодательство развивалось въ Россіи хотя и изъ обычаевъ, но, какъ и во многихъ другихъ государствахъ, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ другихъ народовъ. Если государство въ исторической жизни моложе другихъ, то оно естественно воспринимаетъ отчасти законы старѣйшихъ. Такъ Римское право имѣло вліяніе на права Франціи, Германіи, Англіи и др. Французское право, уже нѣсколько установившееся, имѣло вліяніе въ свою очередь на развитіе законовъ южно-германскихъ государствъ и законовъ Италіи. На законы Россіи имѣло вліяніе право греко-римское или византійское, германское и другія. Петръ Великій заимствовалъ нѣкоторые законы изъ раз-

личныхъ иностранныхъ государствъ. Эти заимствованія, постепенно ослабляясь, дошли почти до нашихъ временъ. Нѣтъ законодательства, совершенно самостоятельнаго. Вліяніе иноземныхъ законовъ можетъ продолжаться до извѣстнаго времени и эти заимствованія прекращаются, когда разобьются объ индивидуальность народа. Въ это время заимствованія хотя и продолжаются, но съ измѣненіемъ и принаровленіемъ сообразнымъ характеру каждаго народа. У одного народа болѣе самобытно развивается одна часть законодательства, у другаго—другая. Это указываетъ намъ на новый интересъ изученія исторіи права: типичность характера каждаго народа. Обратимся теперь къ тому, какое отношеніе между исторіей права и исторіей вообще. Историка интересуютъ отдѣльныя личности и событія а не вѣковой и послѣдовательный ходъ развитія народа. Доказательствомъ этому можетъ служить классическое сочиненіе Нибура, который, не смотря на свою геніальность, даетъ только отрывочныя свѣдѣнія. Ни одно историческое сочиненіе, отдѣльно взятое, не можетъ представить полной картины государственной, общественной и семейной жизни народа; но хотя исторія и имѣетъ эту односторонность, она все-таки служитъ важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи права.

II ЛЕКЦІЯ.

Страна, гдѣ было русское государство, до призванія князей, представляла слѣдующее устройство. На обширномъ пространствѣ живетъ много племенъ, рѣдко согласныхъ между собой, а по большей части враждующихъ.

Указанія Нестора, перваго нашего лѣтописца, показываютъ, что масса населенія была чисто славянскаго происхожденія, слѣдовательно славянскій элементъ

въ этой странѣ былъ преобладающій, коренной. Лѣтописецъ говоритъ, что племена эти имѣли разное устройство. Если бы устройство ихъ было одинаково, то не произошло бы тѣхъ явленій, о которыхъ онъ далѣе повѣствуетъ. Разнообразіе шло далеко и начиналось уже съ обычаевъ. Несторъ хвалитъ полянъ, новгородскихъ славянъ. „У нихъ", говоритъ онъ, „поля и земли воздѣланы, хлѣбопашество идетъ хорошо". „Другія племена, какъ напр. Древляне, живутъ звѣрскимъ образомъ, у нихъ нѣтъ порядка"; порядокъ же былъ патріархальный. Этотъ общій историческій фактъ, о которомъ Несторъ упоминаетъ слегка, важенъ тѣмъ выводомъ, что племена враждовали между собою. „Не бысть у нихъ правды, возста родъ на родъ и быша усобицы многи", говоритъ лѣтопись (*). Причины того, что племена постоянно враждовали, что у нихъ были разные нравы и причины, по которымъ они находились на разной степени развитія, были тѣ, что почва была не равно плодородна, климатъ не вездѣ одинаковъ, а климатъ и почва имѣютъ громадное вліяніе на характеръ народа: на жизни человѣка отпечатывается мѣстность, на которой онъ живетъ. Гдѣ земля плодородна, тамъ племя можетъ заниматься мирными занятіями, сосредоточивать трудъ на земледѣліи. Тогда народъ дорожитъ землею, дѣлается мирнымъ, въ немъ болѣе внутренняго порядка. Племена-же, занимающіяся звѣроловствомъ, должны имѣть характеръ совершенно иной, — хищный, даже звѣрскій. Происходитъ столкновеніе между мирными и воинственными племенами. Образуется рабство, и въ силу этого различіе въ положеніи лицъ. Тогда племена составляютъ союзы и слабое племя находитъ себѣ защиту у сильнаго. Этихъ союзовъ не было достаточно для поддержанія спокойствія. Другая причина заставила позаботиться о томъ, какъ устроить лучшій порядокъ вещей. При патріархальномъ образѣ жизни не только одно семейство зависѣло отъ своей главы, но и нѣсколько семействъ зависѣло отъ главы рода.

(*) Несторъ Лавр. стр. 7, Маврикій, Прокопій и др.

Эти начальники родовъ назывались князьями. Имъ не принадлежала верховная власть надъ родомъ, они были только главами рода, старѣйшинами его. Такъ было до призванія князей. Порядокъ сохранялся, пока были въ семьѣ семейные и родовые обычаи. Семьи стали раздѣляться, старые обычаи разрознились и образовались новые. Семейные обычаи по патріархальному порядку сохранились, но они слабѣютъ и уступаютъ мѣсто другимъ. При такомъ порядкѣ общество существовать не могло: каждый дѣйствовалъ по своему,—развились самоуправство, самосудъ и, наконецъ, обычай кровавой мести, при которомъ отъ одного убійства являлось много другихъ. Это мщеніе вооружило семью противъ семьи и возста родъ на родъ. У этихъ племенъ не было правды, имъ не доставало власти, которая установила бы для нихъ порядокъ, правду. Это положеніе понимали сами болѣе развитыя племена. Они совѣщаются, какъ устроить порядокъ, прекратить междоусобія и рѣшаютъ наконецъ отправить посольство за море къ тремъ князьямъ. Послы должны были сказать князьямъ: „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и владѣть нами. Это призваніе полагаетъ основаніе новому порядку вещей. Въ лицѣ Рюрика возникаетъ государственная власть. Призванные князья понимали цѣль, въ силу которой они были призваны и потому стараются дать миръ и порядокъ племенамъ. Они издаютъ повелѣнія, которыя имѣютъ значеніе русскихъ законовъ. Первая мѣра, принятая князьями, было стараніе объ искорененіи обычая кровавой мести, который былъ сильно распространенъ у славянъ. Искоренить его вдругъ было невозможно. Полное искорененіе этого обычая мы замѣчаемъ только послѣ смерти Ярослава, послѣ изданія пространной Русской Правды; слѣдовательно обычай долго держится и при законѣ. Затѣмъ князья раздѣляютъ землю на округи оставляя прежнее общинное устройство. Въ случаѣ преступленій налагается на виновнаго наказаніе. Община платитъ виру, какъ бы выкупъ за преступленіе своего члена. Установленіе этого хотя и не искоренило дурныхъ обычаевъ, но обуздало ихъ. Оно имѣло ту цѣль, что община должна наблюдать за поступками своихъ

членовъ. Преступленіе являлось, какъ фактъ, нарушающій интересы всѣхъ лицъ. Князья назначаютъ виру за самоуправство, распредѣляютъ земли по округамъ, назначаютъ тіуновъ и заводятъ города въ смыслѣ малыхъ крѣпостей. И такъ съ прибытіемъ князей происходятъ перемѣны и наружныя и внутреннія. Первоначальные, существовавшіе до князей, города были собственно не города: это были мѣста на вершинѣ горы, окруженныя частоколомъ, куда при нападеніи непріятеля жители спѣшили укрыть дѣтей, женъ, старцевъ и съѣстные припасы. Князья въ каждомъ городѣ помѣщаютъ часть своей дружины. Кромѣ дружины въ городѣ вокругъ кремля поселяются мирные жители; заводятся промыслы. Въ странѣ, знавшей только земледѣліе, являются торговля и ремесла. Между дружиной и мирными жителями образуются новыя общія отношенія, образуются зачатки будущихъ сословій. Являются различныя права для разныхъ лицъ: городской житель, оставившій земледѣліе, нуждается въ однихъ правахъ, а сельскій житель въ другихъ. Одна мѣра вызываетъ другія мѣры. Законъ является по мѣрѣ общественной потребности. Главнымъ дѣломъ первыхъ князей было устройство каждаго племени отдѣльно. Отношенія князей не были одинаковы ко всѣмъ племенамъ. Князья оставляли тотъ порядокъ, который существовалъ до нихъ, но ограничивали его общими мѣрами. Въ это-же время является наложеніе дани. Князья должны были содержать дружину, для существованія которой были необходимы средства. Но князья налагаютъ дань только на покоренныя племена, которыя, будучи менѣе развиты, не хотѣли признать ихъ князьями безъ побѣды надъ ними. При покореніи образовалось рабство. Если племя покорялось менѣе упорно, то, за лишеніемъ земли, оставлялась свобода, если же покорялось племя послѣ болѣе упорнаго сопротивленія и кровопролитія, то и свобода отнималась отъ нихъ. Это послужило къ образованію различныхъ классовъ народа. Такъ образовался высшій классъ людей, владѣющихъ землями и свободой, затѣмъ классы людей, хотя лично свободные, но не владѣющіе землею и наконецъ рабы—безъ свободы и

земли. Второй классъ, классъ лично свободныхъ д. б. изыскивать средства къ существованію посредствомъ найма у другихъ лицъ, на чужихъ земляхъ. Являются земли княжескія, земли дружины, земли городскія, которыя обработывались или рабами, или лицами лично свободными, но не имѣющими своей земли. Изъ этихъ лицъ образовался классъ *наймитовъ*, жившій на земляхъ княжескихъ или монастырскихъ и отличавшійся отъ землевладѣльцевъ своими правами.

III ЛЕКЦІЯ

Разберемъ различное положеніе и значеніе земель и различное положеніе классовъ народа. Лица, оставшіяся безъ владѣнія земли, но сохранившія свою личную свободу, должны были искать себѣ труда и работы посредствомъ найма. Изъ нихъ образовался классъ, такъ называемыхъ наймитовъ, который жилъ на земляхъ княжескихъ и на земляхъ частныхъ лицъ, но рѣзко отличался и своимъ положеніемъ и своими правами отъ класса лицъ землевладѣльцевъ. Затѣмъ былъ значительный классъ людей несвободныхъ. Рабство, которое имѣло свое начало со времени вражды племенъ, вслѣдствіе покоренія одного племени другимъ, распространилось на многія лица и увеличивалось различными другими способами. Такъ, свободный человѣкъ терялъ свою свободу, отдаваясь добровольно въ вѣчное рабство къ другому лицу; продавать себя па всю жизнь, было дѣломъ дозволеннымъ. Затѣмъ рабство переходило въ потомство: жена и дѣти раба, также были рабами. Взглядъ на раба былъ, какъ на обыкновенную вещь: раба можно было купить, продать, уступить другому и вообще распорядиться, какъ собственностью. Рабство увеличивалось вслѣдствіе послѣдующихъ завоеваній. Первые князья для того, чтобы утвердить свою власть и чтобы показать свою силу и могущество, не ограни-

чивались покореніемъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ племенъ, но производили набѣги и на сосѣдніе народы. Отсюда извѣстно значеніе набѣговъ руссовъ на Византію, которые имѣли огромное историческое послѣдствіе, но прежде обратимъ вниманіе на составъ войска этого времени. Самъ князь во главѣ войска: его окружаетъ дружина; за дружиною слѣдуетъ народное ополченіе. Вотъ здѣсь-то и предстоитъ намъ опредѣлить, что такое дружина и каково было ополченіе народа или войско? Дружина въ первый разъ является у насъ вмѣстѣ съ пришествіемъ князей (862 г.). Сначала она имѣла устройство подобное тому, какое было и на западѣ, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ въ первоначальное время ихъ историческаго развитія. Въ это время, когда власть утверждалась завоеваніями, завоеватель имѣлъ при себѣ храбрыхъ сподвижниковъ, съ которыми онъ жилъ, дѣлилъ свои занятія, совѣщался о дѣлахъ управленія и раздавалъ въ награду части своихъ завоеванныхъ земель. Это было повсюду на западѣ Европы; такая же дружина была и у насъ во времена первыхъ князей. Такъ первый русскій князь Рюрикъ, покоряя племена, роздалъ своимъ сподвижникамъ нѣкоторыя области. Эта раздача земель, если бы продолжалась она на Руси совершенно также, какъ происходила она на западѣ Европы, могла бы образовать феодальную систему со всѣми ея невыгодами для развитія государства. Къ счастію у насъ не образовалась ленная система, хотя было положено первое ея начало при раздачѣ земель. Второй князь Олегъ смотритъ на своихъ сподвижниковъ, какъ на прямыхъ слугъ, ему подчиненныхъ. Онъ уже не раздаетъ земли въ собственность, но онъ назначаетъ своихъ слугъ для управленія землями, дѣлая ихъ посадниками или намѣстниками. Различіе громадное отъ феодальной или ленной системы. Членъ дружины, получавшій на западѣ какую-нибудь землю, получалъ ее въ полное и независимое владѣніе, но обязанъ былъ признавать высшую власть своего господина и помогать ему во время войны; во внутреннее же управленіе земель высшая власть уже не вмѣшивалась. Отсюда произошло то, что отдѣльные вас-

салы были иногда сильнѣе своего верховнаго властителя и имѣли большое значеніе, нежели государь. У насъ этого быть не могло. Первые намѣстники и посадники, которыхъ назначалъ Олегъ, имѣли значеніе слугъ, ему подчиненныхъ и подданныхъ. Управленіе и судъ въ ввѣренныхъ имъ областяхъ производился не отъ имени ихъ, а отъ имени князя. Такимъ образомъ единство государства съ самаго древняго времени не могло получить такого раздробленія, какъ на западѣ Европы, вслѣдствіе развитія ленной системы. Дружина оставалась по прежнему ближайшею къ князю и членамъ дружины назначались самыя высшія преимущества. Князь давалъ имъ въ награду за службу отдѣльные участки земель, но не признавалъ безусловнаго права на управленіе этихъ земель. Дружина, будучи отборнымъ и привилегированнымъ классомъ людей, составляла только частицу войска. Съ одною этою дружиною князь не могъ бы дѣлать завоеванія, потому что она была немногочисленна. Въ подкрѣпленіе ея князь набиралъ ополченіе изъ покоренныхъ племенъ. Характеръ военнаго дѣйствія имѣлъ такое значеніе: князь шелъ съ дружиною къ городамъ и селамъ и за нимъ слѣдовали всѣ свободныя лица, способныя носить оружіе. Это-то народное ополченіе и составляло силу войска. Но во время такого похода, земли могли бы оставаться невоздѣланными, если бы не оставались рабы, которые и были съ самыхъ древнихъ временъ нисшимъ классомъ народа. Съ такимъ то войскомъ, состоящимъ изъ дружины и лицъ свободныхъ, князь совершалъ свои набѣги и завоеванія. Но для чего было князьямъ совершать такіе набѣги? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать въ состояніи тогдашнихъ средствъ или финансовъ, т. е. для удовлетворенія первыхъ и необходимыхъ государственныхъ потребностей. Государство уже возникло, въ немъ была верховная власть. Его нужды были различны: расходы для содержанія войска, для вознагражденія должностныхъ лицъ и для различныхъ другихъ потребностей. Средствъ же для этого не представлялось никакихъ, кромѣ дани и сбора съ племенъ. Но что могло дать племя, которое занималось землѣдѣ-

ліемъ, изрѣдка торговлею, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звѣроловствомъ и рыболовствомъ! Поэтому первоначальный сборъ дани состоялъ изъ самыхъ простыхъ предметовъ: изъ хлѣба, различныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, мѣховъ и т. п. предметовъ. Такимъ образомъ проявился первый источникъ средствъ — дань, и первый цѣнный продуктъ—мѣха именно потому, что они имѣли значеніе цѣннаго товара, который скупали иностранцы въ новгородской области и вывозили за предѣлъ государства. Обстоятельство это важно потому, что мѣха получили у насъ значеніе равное монетѣ и древнее выраженіе знаковъ цѣнности опредѣлялось у насъ мѣхами. Это мы встрѣчаемъ и въ древнихъ законахъ, гдѣ упоминаются куны и другія однородныя названія. Но и такую дань не всякое племя было въ состояніи дать, поэтому недостатокъ средствъ государства оставалось дополнить путемъ добычи и завоеваній. Но завоевывать нельзя было въ такой странѣ, гдѣ водворился порядокъ; оставалось обратиться силою оружія на сосѣдей. И вотъ причина первыхъ походовъ на Византію: она была въ то время самымъ богатымъ, но при томъ и самымъ слабымъ государствомъ, такъ что служила приманкою не только для руссовъ, но и для другихъ неславянскихъ племенъ. При своей слабости Византія представляла тогда государство необыкновенно развитое и цивилизованное, но съ успѣхами цивилизаціи въ ней не соединялись крѣпость, сила и могущество государства. Доказательствомъ этого было то, что греки откупались отъ набѣговъ варваровъ, но этотъ откупъ въ свой чередъ привлекалъ различныхъ воинственныхъ сосѣдей для нападенія. Вотъ причина объясняющая нападеніе руссовъ на Византію. Между тѣмъ это первое столкновеніе съ Византіею имѣло громадный результатъ: сблизивъ насъ сначала непріязненно, оно подало поводъ Византіи стараться обратить руссовъ въ союзниковъ. Для этого недостаточно было откупаться данью, потому что, сдѣлавъ нападеніе, взявъ дань и раздѣливъ ее съ дружиной, князья повторяли вновь набѣги. Такъ какъ они были часты, то греки, заключая договоры съ русскими, старались сдѣ-

лать ихъ союзниками и распространить между ними христіанство“. И вотъ причина, которая произвела громадный результатъ, именно принятіе христіанства отъ Византіи. Греки разсуждали, что въ руссахъ христіанахъ они найдутъ союзниковъ, и что только язычество Руси можетъ продолжать враждебныя отношенія. Однакоже христіанство стало проникать въ Русь задолго до св. Владиміра: еще во время Игоря текстъ договора руссовъ съ греками доказываетъ намъ, что были между руссами, руссы-христіане и руссы-язычники. Такимъ образомъ набѣги князей въ первый разъ сближаютъ Русь съ Византіею. Сближеніе это производитъ принятіе христіанства; съ другой стороны производитъ тотъ важный результатъ, что византійское законодательство переходитъ къ намъ въ Русь и становится образцомъ при изданіи первыхъ законовъ. Такъ перешли къ намъ различные греческіе законы въ формѣ церковныхъ уставовъ, данныхъ св. Владиміромъ и др. Это объясняетъ намъ, что на первоначальное развитіе нашего законодательства имѣли вліяніе различные элементы: элементъ славянскій, элементъ варяжскій и элементъ византійскій. Опредѣлимъ значеніе ихъ. Славянскій элементъ выразился въ томъ, что масса населенія принадлежала къ одному и тому же племени. Эта масса имѣла свои обычаи, свой внутренній порядокъ, устройство патріархальной жизни. Это устройство перемѣнилось отчасти съ прибытіемъ варяжскихъ князей. Тогда начинается вліяніе варяжскаго элемента. Оно выразилось въ различныхъ постановленіяхъ князей: такъ появился въ первый разъ законъ русскій въ смыслѣ повелѣнія князей, имѣющій обязательную силу для всей земли славянской. Но вліяніе варяжскаго элемента не могло быть значительнымъ по самой малочисленности варяговъ и по сходству ихъ обычаевъ съ славянскими. Пришедшіе варяги поселились въ средѣ славянъ и заимствовали обычаи той области, гдѣ поселились, такъ что славянскій элементъ не только не уменьшился, а напротивъ, поглотилъ элементъ варяжскій, такъ что за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣръ первыхъ князей и нѣкоторыхъ постановленій, какъ то: виры и немног. др. мы не видимъ никакихъ другихъ слѣдовъ заимствованія. Затѣмъ, со введеніемъ христі-

анства начинаетъ проникать въ нашу общественную жизнь и въ государственное устройство, элементъ византійскій сначала весьма медленно и постепенно; вліяніе этого элемента выразилось въ древнихъ церковныхъ уставахъ. Затѣмъ это вліяніе продолжаетъ постепенно распространяться не только на предметы церковные, но и на предметы свѣтскаго быта: всѣ семейныя и нѣкоторыя гражданскія отношенія были опредѣлены у насъ церковными законами, а не свѣтскими. Съ другой стороны вліяніе византійское выразилось въ томъ, что у насъ образовалось новое сословіе—духовенство, и сразу стало оно въ ближайшее отношеніе къ верховной власти. Первые князья видѣли въ духовныхъ лицахъ, вышедшихъ изъ Византіи ближайшихъ своихъ совѣтниковъ въ дѣлахъ управленія. Такъ лѣтопись повѣствуетъ намъ, что Владиміръ разсуждалъ и думалъ съ духовенствомъ, какъ ему устроить управленіе государствомъ, разсуждалъ съ нимъ о дѣлахъ чисто свѣтскихъ, напр. требовалъ мнѣнія о томъ, отмѣнить или удержать смертную казнь надъ преступникомъ? Съ тѣхъ поръ духовенство, получивъ вліяніе на дѣла государственныя также получило различныя льготы, права и преимущества и заняло такимъ образомъ положеніе высшаго класса народа. Такимъ образомъ мало-по малу образовались два высшіе класса народа: во 1-хъ) дружинники, изъ которыхъ образовалось впослѣдствіи дворянское сословіе и во 2-хъ) духовенство. Затѣмъ слѣдуютъ низшіе классы народа, т. е. городскіе и сельскіе жители. Славянскій элементъ выразился, какъ я сказалъ, въ устройствѣ племенномъ, которое однако было различно у каждаго племени. Обратимся теперь къ этимъ отдѣльнымъ племенамъ и на сколько позволятъ скудныя древнія свидѣтельства опредѣлимъ, какія это были племена и въ чемъ заключалось ихъ различное устройство. Племена, по свидѣтельству Нестора, занимали различныя пространства; всѣ они были осѣдлы, т. е. не переходили кочевьями изъ одной страны въ другую, но занимали постоянное жилище. Такъ на югѣ Руси отъ нижняго теченія Дуная до Днѣпра жило племя *Уличи* и въ сосѣдствѣ съ этимъ племенемъ *Тиверцы*. Они имѣли развитую общественную жизнь, но, занимая

мѣстность, которой угрожало постоянно нападеніе со стороны другихъ племенъ, они вели образъ жизни воинственный. Лѣтопись насчитываетъ у первыхъ до 318 и у вторыхъ до 150 отдѣльныхъ городовъ или укрѣпленій. Значеніе ихъ уже было опредѣлено: это были не города, а простыя огороженныя мѣста для склада вещей, для защиты отъ нападеній непріятеля и для убѣжища гражданъ. Несторъ повѣствуетъ, что они были сильнымъ племенемъ и 10-лѣтніе попытки Олега и Игоря покорить ихъ стоили имъ большихъ усилій. Игорь 3 года осаждалъ одно изъ укрѣпленій *Пересѣчень*, и наконецъ успѣлъ принудить ихъ къ платежу дани. На сѣверѣ отъ Уличанъ и Тиверцевъ по рѣкѣ Бугу, жили слѣд. племена: *Дулебы* или *Бужане* и *Волыняне*. Объ ихъ внутреннемъ устройствѣ имѣется мало свѣденій въ лѣтописи. Извѣстно только по свидѣтельству Несторовой лѣтописи, что они переселились сюда съ Дуная и въ половинѣ VII вѣка были покорены аварами. На сѣверъ отъ Дулебовъ и Волынянъ жило племя совершенно дикаго устройства: это были *литовцы*. Въ сосѣдствѣ жили дикіе и воинственные *Ятвяги*. На сѣверѣ-востокѣ отъ Тиверцевъ жило племя *древлянъ*, о которыхъ лѣтопись сохранила нѣсколько свѣдѣній. Такъ лѣтописецъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ древлянъ. Онъ говоритъ, что у нихъ былъ главою племени особенный князь, отъ князя зависѣли намѣстники, люди держащія землю Древлянскую и *вѣче*—рѣшавшее дѣла касавшіяся всего племени (*). Родовая связь у этого племени была слаба—при развитіи частной собственности; племя занималось набѣгами, вело жизнь грубую, занималось звѣроловствомъ, часто было въ ссорахъ съ сосѣдними племенами, имѣло также свои города или укрѣпленія. Кромѣ того лѣтопись упоминаетъ объ особенномъ походѣ Игоря и Ольги на это племя и затѣмъ упоминаетъ объ особомъ раздѣленіи земли древлянской на погосты. На востокъ отъ древлянъ по западному берегу Днѣпра жило племя *полянъ*. По свидѣтельству Нестора сначала поляне жили отдѣльно по горамъ и лѣсамъ, занимая отдѣльную мѣстность, отдѣльными родами, потомъ они сблизились между собою и образовали особыя общины.

(*) Лавр. сп., стр. 29.

У этого-то племени были не только укрѣпленныя мѣста, но и города, въ которыхъ производилась торговля. Такъ у этихъ полянъ былъ городъ Кіевъ съ самыхъ древнихъ временъ замѣчательный своею торговлею: онъ производилъ торговыя сношенія съ Византіею; чрезъ этотъ городъ былъ торговый путь съ сѣвера на югъ въ Византію: въ немъ даже обращались византійскія монеты и здѣсь были склады товаровъ, греческихъ купцовъ. Это значеніе Кіева съ самыхъ древнихъ временъ придало ему особое положеніе въ ряду послѣдующихъ городовъ Россіи. Въ Кіевѣ было вѣче. Поляне имѣли тихіе, мирные нравы: у нихъ существовалъ бракъ въ противоположность другимъ племенамъ, напр. древлянамъ, у которыхъ не было брака, а было многоженство. Браки у Полянъ заключались по уговору, при чемъ опредѣлялось и приданое невѣсты. У нихъ были и другіе добрые обычаи въ жизни семейной. Несторъ говоритъ о полянахъ слѣдующимъ образомъ: „Поляне, говоритъ онъ, имѣютъ и сохраняютъ обычаи своихъ отцевъ; обычай этотъ кроткій и тихій; они имѣютъ правильное хозяйство, живутъ въ мірѣ". Рядомъ съ полянами жили сѣверяне. По свидѣтельству Нестора они принадлежали къ одному племени съ новгородцами, кривичами и полочанами. Но прежде всѣхъ отъ новгородцевъ отдѣлились полочане, отъ полочанъ кривичи, а отъ нихъ сѣверяне. Это свидѣтельство Нестора показываетъ, что между племенами была различная степень развитія и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли значеніе покровительствующихъ племенъ. Такъ отъ новгородскаго болѣе сильнаго племени зависѣли и были съ ними въ союзѣ кривичи, полочане и сѣверяне. Мало помалу они пріобрѣтали самостоятельность и отдѣлялись. Несторъ говоритъ, что сѣверяне были общежительны, что у нихъ были сходбища и игрища, даже семейные обычаи у нихъ имѣли характеръ общиннаго праздника: помолвка невѣсты происходила при мірскомъ сборищѣ. Послѣ погребенія умершаго совершали общинную тризну. Какъ при помолвкѣ, такъ и на тризнахъ устраивали игры. У сѣверянъ были города: Черниговъ, Любечь, Новгородъ—Сѣверскъ, Переяславль; они вели торговлю съ

Византіею, Болгарами и Хазарами. Торговымъ путемъ служилъ Днѣпръ. Въ Итилѣ главномъ городѣ Хазаръ, сѣверяне имѣли свою слободу и отправляли свое богослуженіе. За сѣверянами жили кривичи. Они занимали верховья рѣкъ Днѣпра, Западной Двины и Волги, и имѣли главный укрѣпленный городъ Смоленскъ, отъ котораго зависѣли многіе другіе города этого племени, Несторъ говоритъ, что кривичи имѣли особое общественное устройство; у нихъ было, вѣче, т. е. собраніе представителей отъ различныхъ племенъ, родовъ и различныхъ земель. Они занимали страну выгодную въ торговомъ отношеніи, а такъ какъ торговля всегда обогощаетъ, то племя, которое ею занимается, слѣд. и кривичи были богаче въ матеріальномъ смыслѣ слова. И потому они были сильны; въ той мѣстности, которую они занимали, протекаютъ три главныя рѣки и поэтому всѣ укрѣпленія и города получили мало по малу значеніе настоящихъ торговыхъ городовъ. Такъ Смоленскъ, на Днѣпрѣ, Витебскъ, на Двинѣ, Изборскъ близъ Чудскаго озера и другіе города кривичей на верхнемъ теченіи рѣкъ, получили значеніе торговыхъ пунктовъ, по сношеніямъ съ Византіею, Болгарами и Хозарами, кромѣ того они вели торговлю и съ западомъ, Двинѣ и въ особенности съ Литвою. По рѣкамъ западной Двинѣ и Полотѣ, жило племя полочанъ. Они были одноплеменны съ новгородцами и сначала отъ нихъ зависѣли. Полочане ранѣе другихъ отдѣлились отъ Новгорода и у нихъ былъ главный городъ Полоцкъ. По западной Двинѣ простирались укрѣпленія Полочанъ до самаго Балтійскаго моря, а на юго-западѣ, до Нѣмана и западнаго Буга. Племя было воинственно и даже Литовцы платили ему дань. Какъ Полочане, такъ и Кривичи имѣли въ Литвѣ свои многія поселенія. Несторъ называетъ Полочанъ Княженіемъ и говоритъ, что они управлялись вѣчемъ. Предъ призваніемъ Варяго—Русскихъ князей, Полочане зависѣли отъ Новгородцевъ и Рюрикъ посылалъ къ Полочанамъ своего посадника. Такимъ образомъ племена имѣли различное устройство, различное положеніе въ отношеніи другъ къ другу и каждому изъ нихъ недоставало міра и тишины для развитія внутрен-

няго и матеріальнаго благосостоянія. Поэтому-то со времени прибытія князей первоначальное значеніе городовъ постепенно измѣняется и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ племена имѣли укрѣпленныя мѣста, тамъ происходитъ значительное развитіе городовъ въ смыслѣ торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ. Это развитіе городовъ имѣло то важное значеніе, что каждый городъ, который имѣлъ вліяніе на дѣло цѣлой области, принималъ подъ защиту менѣе сильные города и становился въ значеніе главного города. Образцомъ въ этомъ отношеніи былъ Новгородъ. Съ самаго отдаленнаго времени Новгородъ имѣлъ особое значеніе и положеніе въ средѣ славянскихъ городовъ: онъ имѣетъ значеніе торговое, онъ производитъ торговлю съ нѣмецкими городами, онъ уже такъ богатъ, что можетъ помогать князьямъ значительною суммою—монетою. Это развитіе Новгорода обусловливалось тѣмъ, что отъ него зависѣли многія племена, а его устройство и весь порядокъ былъ образцомъ для другихъ городовъ. Все это указываетъ намъ на необходимость сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ самой Новгородской области. Съ древнихъ временъ новгородцы или племя славянъ ильменскихъ было самымъ сильнымъ и могущественнымъ изъ всѣхъ другихъ племенъ. Оно было окружено инородными племенами финовъ и чудью. Новгородцы покорили эти племена и чтобы удержать свою власть, они построили многія укрѣпленія. По свидѣтельству Нестора они построили городъ при истокѣ Волхова который и получилъ названіе Новгорода. Въ подчиненныхъ земляхъ финовъ и чуди они построили другія города: Псковъ, Ладогу, Ростовъ и др. Такимъ образомъ они распространили кругъ своего владычества отъ Финскаго залива, до Уральскихъ горъ, и весь сѣверъ Россіи составлялъ область Новгородскую. Въ составѣ этой области было особое устройство: Земли новгородскія, земли сосѣднихъ племенъ, находящихся подъ покровительствомъ новгородцевъ, земли данниковъ, которые платили только дань Новгороду, но въ остальномъ были отъ него независимы.

IV ЛЕКЦІЯ.

Новгородская область раздѣлялась на волости и отдѣльные округи. Эти волости и округи имѣли особенное внутреннее управленіе. Въ отличіе отъ управленія самаго города Новгорода эти области носили различныя наименованія: такъ подъ именемъ *волостей* разумѣлась обширная часть земли, простиравшаяся отъ Торжка до Ростова. Подъ именемъ *Заволочья* называлась часть земель отъ Онежскаго озера до самой Мезени. Весь этотъ край былъ заселенъ и представлялъ во многихъ мѣстахъ укрѣпленные города и села, принадлежавшія новгородскимъ боярамъ. Затѣмъ слѣдовали земли финскаго племени: печоры, перми и югры, земли простиравшіяся отъ Заволочья до рѣки Оби. Такъ какъ земли эти были слишкомъ удалены отъ Новгорода, то новгородцы не заводили здѣсь особыхъ укрѣпленій, не назначали своихъ управителей, а ограничивались только однимъ сборомъ дани. Самый же городъ Новгородъ представлялъ слѣдующее устройство: Новгородъ раздѣлялся на 5 концевъ или отдѣльныхъ пятинъ или пятыхъ частей; кромѣ того каждая патина дѣлилась на улицы. При этомъ цѣлый Новгородъ имѣлъ общественное вѣче и каждая улица и каждый конецъ или пятина имѣли также свои мѣстныя вѣча. Значеніе ихъ заключалось въ томъ, что сужденіе о дѣлахъ общественныхъ повѣствовалось сначала малому вѣчу, состоящему изъ всѣхъ домохозяевъ, а потомъ обсуждалось на большомъ вѣчѣ. Новгородъ имѣлъ своего посадника, выбраннаго изъ самыхъ жителей, имѣлъ своихъ судей, своихъ различныхъ должностныхъ лицъ, напр. тысяцкаго, которому поручалось предводительствовать въ войскѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, управлять торговыми людьми, живущими въ Новгородѣ. Постановленія вѣча новгородскаго имѣли силу закона не только для самаго Новгорода, но и для всѣхъ его пригородовъ и областей. Однообразное вѣчевое устройство имѣли и пригороды новгородскіе: Псковъ, Ладога и др. Села новгородскія составляли *погосты*, а совокупность погостовъ—уѣздъ. Новгородъ участвуетъ въ призваніи

князей варягорусскихъ и получилъ отъ нихъ нѣкоторыя льготы и преимущества. Такъ первые князья оставили Новгороду его внутреннее устройство и довольствовались въ полученіи опредѣленной дани отъ новгородцевъ и назначеніемъ особыхъ намѣстниковъ, которые представляли въ Новгородѣ лицо князя. Такимъ образомъ въ Новгородѣ было совсѣмъ иное управленіе, нежели въ прочихъ областяхъ древней Россіи; въ прочихъ областяхъ управленіе принадлежало намѣстнику, въ Новгородѣ намѣстникъ княжескій судилъ дѣла не иначе, какъ съ согласія вѣча и раздѣлялъ дѣла управленія въ Новгородѣ съ посадникомъ и тысяцкимъ; кромѣ того въ новгородскую область князь не посылалъ другихъ должностныхъ лицъ, не посылалъ своихъ бояръ и новгородцевъ всегда судили на основаніи ихъ собственныхъ обычаевъ. Эта древняя льгота новгородская осталась и послѣ первыхъ князей.

Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, новгородцы были самымъ могущественнымъ, наиболѣе дѣятельнымъ по торговлѣ и потому болѣе богатымъ. Мѣстность занятая ими по близости къ морю и по сообщеніямъ рѣкъ и озеръ—содѣйствовала и ихъ торговымъ занятіямъ и набѣгамъ. Обыкновеннымъ торговымъ путемъ новгородцевъ были Балтійское море, Нева, Ладожское озеро, Волховъ, Ловать, откуда волокомъ товары сводили къ Днѣпру и, чрезъ Днѣпръ, въ Черное море, доходили до Константинополя. Но къ югу новгородцы встрѣчали противодѣйствіе со стороны полочанъ и кривичей, и потому главная дѣятельность ихъ была устремлена на сѣверо-востокъ, въ земли финскихъ племенъ, гдѣ они проложили собственный торговый путь, въ Камскую Болгарію, бывшую въ торговыхъ сношеніяхъ съ Азіею. Проложивъ себѣ торговый путь въ этомъ направленіи, они упрочили его за собою, покоривъ Корелу, Чудь, Весь, Мурому и Мери, образовавъ здѣсь города: Ростовъ, Ладогу, Бѣлоозеро и др. подчинивъ себѣ весь этотъ край, ославянили тамошнія финскія племена, введя славянское общественное устройство по образцу новгородскаго—въ городахъ и волостяхъ. Въ то же время Новгородцы вели дѣятельную торговлю съ западомъ

Европы чрезъ Скандинавію и впослѣдствіи вступили въ прямыя сношенія съ знаменитымъ Ганзейскимъ союзомъ. Внѣшнее могущество Новгородцевъ было несравненно сильнѣе внутренняго ихъ порядка: въ новгородскую общину принимался всякій свободный человѣкъ— и славянинъ и финнъ и иноземецъ; это разнообразіе составныхъ элементовъ сначала было незначительно, но когда самое вѣче раздѣлилось на партіи, то безпорядокъ внутренняго быта усилился, особенно къ половинѣ IX-го вѣка. Къ этому времени относятся слова лѣтописи Нестора: „вста родъ на родъ и не бѣ въ нихъ правды и бѣша въ нихъ усобицы многія и начаша воевати сами на ся". Чтобъ предупредить окончательную неурядицу, новгородцы въ 862 году созвали общее вѣче изъ новгородцевъ, кривичей и чуди, которое положило: искать князя, который бы володѣлъ всѣми, рядилъ по ряду и судилъ по праву. При этомъ, новгородцы, находившіеся въ частыхъ сношеніяхъ съ Скандинавіею, указали посламъ отъ племенъ на варягоруссовъ, жившихъ по берегамъ Ботническаго залива. и на князя ихъ Рюрика. Варяго-руссы еще и до этого времени не только посѣщали Новгородъ, но даже имѣли въ новгородской области свое поселеніе — *Старую Русу*. Много было сходнаго и роднаго въ этомъ племени съ новгородцами: та же воинственность, то же дѣятельное участіе въ торговлѣ, то же внутреннее устройство: князь и вѣче. Были и семейныя связи: бояре новгородскіе роднились съ варяжскими семействами и Несторъ называетъ новгородцевъ сродниками варяговъ.

Разсмотрѣвъ значеніе славянскаго, варяжскаго и византійскаго элементовъ, мы переходимъ теперь къ опредѣленію внѣшнихъ памятниковъ законодательства. До сихъ поръ, то, на чемъ мы останавливались, касалось общаго обозрѣнія, которое уяснило намъ первоначальный бытъ и различныя юридическія его начала. Затѣмъ мы приступимъ собственно къ внѣшней исторіи этого отдаленнаго времени, т. е. къ обозрѣнію значенія и содержанія памятниковъ законодательства. Къ памятникамъ законодательства перваго періода отно-

сятся договоры Олега и Игоря съ греками. (*) Договоры эти признаны, по ученымъ изслѣдованіямъ, за несомнѣнные памятники древности вошедшіе въ составъ лѣтописи въ томъ самомъ видѣ, какъ они были составлены греками и русскими. Первый договоръ Олега съ греческими императорами Львомъ и Александромъ относится къ 911 году 2-го сентября. Онъ сохранился въ лѣтописи съ копіи съ грамоты, привезенной изъ Византіи за подписью византійскихъ императоровъ и русскихъ пословъ. 2-й договоръ, заключенный Игоремъ съ греческими императорами Романомъ, Стефаномъ и Константиномъ въ 945 году; договоръ до нашего времени дошелъ также въ лѣтописи Нестора Договоры эти имѣютъ весьма важное значеніе историческое и въ особенности юридическое: въ нихъ выражаются нѣкоторыя стороны русскаго общества, въ нихъ сохранились нѣкоторые законы, имѣвшіе силу обязательнаго закона тогдашняго времени. Отдаленность этого времени придаетъ особенную важность этимъ первымъ законамъ, именно потому, что они были законы, въ первый разъ, смѣнившіе обычаи. Поэтому нельзя ограничиться однимъ только общимъ обозрѣніемъ значенія договоровъ, а для исторіи права, напротивъ, важна каждая статья, каждое выраженіе, помѣщенное въ этихъ договорахъ. Договоры заключались по взаимному согласію руссовъ съ греками. Договоръ, заключенный отъ всей Руси, и что въ особенности важно, между государствами, изъ которыхъ одно существовало уже нѣсколько вѣковъ, между государствомъ развитымъ и цивилизованнымъ, между Византіею и только что вновь сложившимся государствомъ Руси. Византія признаетъ въ первый разъ равнымъ себѣ государство, только что образовавшуюся Русь. Это признаніе въ высшей степени важно и дорого для нашего національнаго чувства: въ это отдаленное время, въ X-мъ вѣкѣ, Русь договаривается съ Византіею, какъ равное государство съ равнымъ и, если мы взвѣсимъ условія этихъ договоровъ, то увидимъ, что условія предписаны руссами грекамъ, потому что весь смыслъ этаго договора

(*) Изслѣд. Шлецера, Эверса, Рейца, Лавровскаго и др.

клонится въ пользу русовъ, а не грековъ. Такимъ образомъ эти договоры прежде всего имѣютъ значенiе, какъ первые дипломатическiе документы, признающiе государственное значенiе Россiи; въ первый разъ является въ системѣили въ совокупности существовавшихъ тогда государствъ, новое государство и это государство успѣваетъ заявить себя на первомъ же шагу преобладающимъ государствомъ, потому что условiе договора клонится въ пользу русовъ и къ невыгодѣ грековъ. Общее значенiе договоровъ заключается еще и въ томъ, что они были вызваны набѣгами русовъ на Византiю. Заключая договоры съ русами, греки хотѣли достигнуть различныхъ льготъ, хотѣли обезопасить себя отъ нападенiя, хотѣли обезпечить торговыя сношенiя съ русами, а эти сношенiя были для нихъ дороги, потому что обширная страна, Русь, представляла имъ возможность проникать съ торговою цѣлью до самаго сѣвера Балтiйскаго моря черезъ Кiевъ, Днѣпромъ и въ другiе торговые пункты. Изъ Россiи вывозили они дорогiе мѣха и различные другiе товары, а ввозили въ Русь различные предметы, дотолѣ неизвѣстные славянскимъ племенамъ. До тѣхъ поръ, пока въ странѣ, занимаемой славянами не утвердилось государственное устройство, не проникъ порядокъ, они неохотно посѣщали эту страну, но когда же порядокъ возникъ, для торговли русовъ съ греками наступило благопрiятное время и поэтому то они просятъ позволенiя посѣщать Русь и заниматься торговлею; и Русь выговариваетъ себѣ у грековъ не только право торговать въ Византiю, но она выговариваетъ себѣ полученiе, обеспечивающее въ матерiальномъ отношенiи; такъ напр. всѣ русы, прiѣзжающiе въ Константинополь, должны быть содержимы на счетъ грековъ, кромѣ того греки должны имъ давать снасти корабельныя, различные другiе необходимые предметы; напротивъ подобнымъ преимуществомъ не пользовались греки въ Россiи. Такимъ образомъ договоръ имѣлъ значенiе государственное, торговое и международное установляющее союзъ между двумя государствами. Замѣчательно, что греки были извѣстны своею ловкостью въ заключенiи трактатовъ; они стараются придать

смыслъ условія договоровъ совершенно равный, но на самомъ дѣлѣ этого равенства не было, напр.: греки условливаются, чтобы, въ случаѣ войны какого-либо изъ двухъ государствъ съ какимъ нибудь изъ другихъ сосѣдей, взаимно помогать другъ другу; но понятно, что Русь не могла нуждаться въ помощи слабыхъ грековъ и что это было необходимо самимъ грекамъ, а не русамъ. Послѣ этого общаго опредѣленія значенія договоровъ, скажемъ, что содержаніе обоихъ договоровъ представляетъ много сходства, а именно, что договоръ Игоря былъ подтвержденіемъ предшествовавшаго договора Олега, но есть и различіе. Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что до заключенія этихъ письменныхъ договоровъ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Несторъ, былъ заключенъ договоръ словесный въ 907 г., но условія и основанія его не дошли до насъ, потому что лѣтопись не упоминаетъ ничего объ этомъ. Затѣмъ, обратимся къ частному разсмотрѣнію каждаго договора. Законы заключающіеся въ договорахъ, по содержанію своему, раздѣляются: въ 1) на законы уголовные, которые опредѣляютъ различныя преступленія; во 2) на законы гражданскіе, которые опредѣляютъ отношенія между частными лицами, и въ 3) на законы государственные или общественные, опредѣляющіе отношеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ частныхъ лицъ къ государству. Что касается уголовныхъ законовъ, то число ихъ значительнѣе, нежели другихъ, т. е. въ содержаніи обоихъ первыхъ договоровъ Олега и Игоря большая часть относится къ уголовному законодательству: въ нихъ мы встрѣчаемъ опредѣленіе различныхъ преступленій, опредѣленіе различныхъ наказаній; такъ во 1) договоръ говоритъ, что самоуправства не должно быть и преступника надо судить; далѣе о наказаніи убійцы, признаннаго виновнымъ по суду: „аще ли убьетъ русскій христіанина, или христіанинъ русскаго, да умретъ тамъ же на мѣстѣ, гдѣ причинилъ убійство; если же убѣжитъ причинившій убійство и если онъ имѣетъ достатокъ или имущество, то возьметъ ближній родственникъ убитаго кромѣ части слѣдующей женѣ убійцы, если же убійца убѣжитъ и не оставитъ никакого имѣнія, то судъ надъ нимъ и искъ на него не прекращаются до

тѣхъ поръ, пока его не отыщутъ и не казнятъ смертію". Въ этомъ законѣ мы видимъ слѣды уже извѣстнаго намъ обычая мести. Въ самомъ дѣлѣ этотъ законъ есть не что иное, какъ признаніе прежняго обычая, по которому ближній родственникъ можетъ убить и мстить за своего родственника. „Убійца да будетъ убитъ, гдѣ совершилъ убійство", ясно, родственникомъ. Кромѣ того: „имущество убійцы да возьметъ ближній убіеннаго", и въ этомъ послѣдствіи преступленія выражается признаніе родственной связи, силы родственнаго права, которое выражается въ правѣ мстить, въ правѣ убить или въ правѣ получить имущество убійцы. Затѣмъ, если убійца не имѣетъ имущества, а имѣетъ родственника, который за него могъ бы дать выкупъ, то родственнику убіеннаго предоставляется или право мстить или взять выкупъ. Такимъ образомъ, при существованіи обычая мести, при полномъ признаніи права родственника, мы видимъ, что здѣсь месть является въ нѣкоторомъ смягченіи: родственникъ можетъ мстить или взять выкупъ. Такимъ образомъ статья договора Олега объ убійствѣ и о наказаніи за убійство, указываетъ на особенность этого права. Обычай мести признается. Это служитъ доказательствомъ того, что первоначальный законъ есть не что иное, какъ повтореніе существовавшаго обычая. Но этотъ обычай уже смягчается, онъ не считается безусловнымъ: предоставляется право взять выкупъ, и не мстить. Законъ первоначально дѣлаетъ уже шагъ впередъ на пути развитія и именно отличается отъ обычая. По обычаю нельзя было не мстить: ктобы поступилъ противъ обычая, тотъ заслужилъ бы нареканіе, а кто не мститъ по закону, тотъ не получитъ нареканія. Послѣ законовъ объ убійствѣ мы находимъ въ договорахъ Олега законы, опредѣляющіе плату за личныя оскорбленія—и въ этомъ степень совершенствованія. Въ прежнее время, когда не было обязательнаго закона, можно было убить, мстить и за убійство и за личное оскорбленіе. При этомъ легко могло послѣдовать за личное оскорбленіе и самое убійство. Договоръ Олега говоритъ о законѣ русскомъ, который опредѣляетъ плату за личное оскорбленіе: „если кто

ударитъ кого мечемъ или другимъ чѣмъ либо, тотъ да заплатитъ пять литръ серебра". Здѣсь, прежде всего: „по закону русскому" это выраженіе показываетъ, что эта статья установлена не для дѣлъ только между русами и греками, не для взаимной ихъ ссоры, но это есть повтореніе правила, которое имѣетъ значеніе закона для всей земли Русской. Если причинившій оскорбленіе не будетъ имѣть чѣмъ заплатить, то долженъ отдать столько, сколько можетъ, за то онъ долженъ отдать все что имѣетъ и самую свою одежду, а затѣмъ пусть поклянется по своей вѣрѣ, что у него нѣтъ болѣе никакого имущества и что нѣтъ у него никакого ближняго, кто бы могъ помочь ему въ уплатѣ денегъ; послѣ этого ему не нужно ни мстить, ни отбирать отъ него послѣ никакого имущества, потому что онъ далъ все, что могъ даже драгоцѣнное оружіе, и нѣтъ у него самаго близкаго кто бы могъ ему помочь. Мы видимъ, что и здѣсь законъ дѣлаетъ ограниченіе мести; болѣе нѣтъ мѣръ взысканія въ отношеніи подобнаго лица: кто бы позволилъ себѣ мстить такому человѣку, тотъ совершилъ бы преступленіе противъ закона русскаго. Всѣ эти ограниченія въ высшей степени важны, потому что они уменьшали число случаевъ самоуправства, не искореняя окончательно права мести. Замѣчательно также и то, что статья эта упоминаетъ о томъ, что недостатокъ имущества долженъ быть доказанъ клятвою; здѣсь клятва есть способъ доказательства. Впослѣдствіи мы встрѣтимъ присягу, какъ средство для доказательства дѣла. Теперь мы разберемъ случаи, когда ближній могъ бы уплатить за родственника. Сначала понимали подъ ближними только родственниковъ, но потомъ стали понимать не только однихъ родственниковъ, но и такихъ людей, которые принадлежали къ одной общинѣ, были связаны порукою платить другъ за друга въ случаѣ совершенія преступленія. Весь городъ, вся область дѣлились на верви. Этотъ округъ отвѣчалъ тогда, когда случалось преступленіе и за виновнаго платилъ штрафъ; тогда жители отвѣчали другъ за друга имуществомъ. Въ статьѣ закона, подъ ближними, кромѣ родственниковъ, разумѣются и эти общины; можно

было принадлежать къ нимъ и не принадлежать къ подобнымъ общинамъ. Свободный человѣкъ могъ вступить въ общину и могъ не вступать въ подобный общественный договоръ. Въ такомъ случаѣ, за него и неотвѣчала община и вотъ подобный случай и представляется въ статьѣ договора. Тотъ случай, когда цѣлая община отвѣчала за виновнаго и платила за него пеню, именуется впослѣдствіи *дикою вирою*. Вира была пенею за извѣстное преступленіе, но эту пеню платили и виновный и община. Затѣмъ слѣдуетъ статья, опредѣляющая наказаніе за другія преступленія, именно: за воровство или кражу. Договоръ Олега запрещаетъ самоуправство въ отношеніи вора и налагаетъ пеню въ четверо противъ цѣны краденой вещи. До появленія этого закона можно было убить вора или можно было подвергнуть его различнымъ другимъ наказаніямъ, но, по договору Олега, самоуправство запрещается и пеня опредѣляется въ четверо (сходно съ византійскими законами) противъ цѣнности украденной вещи; но, если убійство вора послѣдовало нечаянно, напр. при задержаніи его, тогда взысканіе подобное за кражу не положено. Сопротивляющагося вора можно убить, въ противномъ случаѣ взять *втрое* противъ взятаго; тоже въ случаѣ насильнаго отнятія вещи у другого по подозрѣнію въ кражѣ. Преступники должны быть выдаваемы изъ Греціи въ Русь по требованію руссовъ.

Затѣмъ, кромѣ постановленій объ уголовныхъ законахъ, въ договорѣ Олега упоминаются постановленія, касающіяся личныхъ правъ. Такъ, изъ сооображеній различныхъ частей договора, можно вывести заключеніе, что правами пользовались только свободныя лица; рабы не считались лицами имѣющими право, рабы приравнивались съ вещами. Затѣмъ весьма важно постановленіе договора Олега, изъ котораго можно заключить, что отвѣтственность за противозаконныя дѣйствія падаетъ на самаго виновника, но не на лицъ съ нимъ близко связанныхъ: мужъ не отвѣчаетъ за преступленіе жены, жена—за преступленіе мужа. Что касается правъ гражданскихъ, то замѣчательно постановленіе договора, опредѣляющее значеніе завѣщанія и правъ наслѣдства:

такъ о лицахъ умершихъ безъ завѣщаній, статья договора говоритъ, что если русскій умретъ въ Византіи подобнымъ образомъ, т. е. безъ распоряженія на счетъ своего имущества, то имущество должно быть вручено близкимъ родственникамъ; если же русскій умретъ въ Византіи и оставитъ завѣщаніе, то отдаютъ имущество тому, кому оно назначено. Такъ же слѣдуетъ поступать и съ имуществомъ грека, умершаго въ Россіи. Эта статья договора вызвала споры и сомнѣнія въ первоначальныхъ изслѣдованіяхъ этаго договора; прежде всего возникли сомнѣнія: могли ли руссы знать такія тонкости и усовершенствованія общественной жизни, каково завѣщаніе. Завѣщанія являются у народа уже образованнаго, достигшаго уже извѣстной степени развитія, и въ самомъ дѣлѣ, завѣщаніе есть актъ, въ которомъ лицо сознаетъ и свое право собственности и до такой степени увѣрено въ признаніи этого права со стороны другихъ лицъ, что оно, умирая, знаетъ, что съ имуществомъ его будетъ такъ поступлено, какъ оно назначило въ завѣщаніи.

Но для такого убѣжденія нужно, чтобы народъ достигъ нѣкотораго развитія, слѣдовательно, какимъ образомъ произошла эта статья, какимъ образомъ договоръ русовъ съ греками можетъ упоминать о завѣщаніи? Притомъ письменности и грамотности не существовало въ въ то время по крайней мѣрѣ въ массѣ народа, а потому смыслъ статьи договора, возбуждающій различныя мнѣнія, становится очевиднымъ, такъ какъ греки старались охранить свои собственные интересы на случай смерти грековъ въ Россіи; завѣщанія были въ большомъ употребленіи у грековъ, а не у русовъ. очевидно, греки хлопотали о внесеніи этихъ статей въ договоръ и нельзя допустить чтобы существовали на Руси письменные завѣщанія: ихъ не было. Наслѣдство, дѣлежъ имущества происходили на основаніи однихъ только обычаевъ. О существованіи этихъ обычаевъ упоминаетъ Несторъ: послѣ смерти умершаго совершали тризну или поминки и для этого нужны особые расходы, а потому часть изъ имѣнія умершаго отлагалась на расходы, другая же часть отдавалась его ближнему родственнику. Тѣмъ не менѣе

статья эта принесла пользу; она въ первый разъ знакомитъ русскихъ, что такое завѣщательное распоряженіе; она могла навести на мысль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезно соблюдать подобное правило. И такъ какъ нѣкоторые русы посѣщали Грецію въ видахъ торговли, то чрезъ этихъ лицъ понятія могли проникнуть и въ древнюю Россію. Впослѣдствіи, когда распространилось христіанство и когда первыя духовныя лица, которыя были изъ грековъ, занесли къ намъ многіе греческіе законы и познакомили насъ съ различными греческими понятіями, они еще болѣе развили обычай оставлять завѣщаніе.

Кромѣ постановленія о завѣщаніи, договоръ заключаетъ въ себѣ указаніе на существованіе различныхъ должностныхъ лицъ и званій служебныхъ въ тогдашнее время; такъ въ договорѣ упоминаются: послы отъ князя русскаго—послы великіе и обыкновенные; бояре великіе и бояре обыкновенные; упоминаются князья подручные и князья свѣтлые. Всѣ эти наименованія возбуждаютъ конечно необходимость ученаго ихъ разъясненія.

V ЛЕКЦІЯ.

Изъ договора Олега видно, что главою Руси былъ великій князь, отъ котораго зависѣли князья, ему подвластные, бояре и весь народъ, ибо упоминаются послы *отъ Олега великаго князя русскаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ князей и бояръ* по хотѣніемъ *нашихъ* князей *и по повелѣнію отъ бояръ, иже суть подъ рукою его, сущихъ Руси.*

Князья подручники т. е. князья племенъ покоренныхъ великимъ княземъ. За тѣмъ упоминаются: *свѣтлые бо-*

ere—это богатые землевладѣльцы, высшіе изъ служилыхъ людей великаго князя, вполнѣ ему подвластные. За ними упомянуты гости и купцы, какъ особый классъ людей торговыхъ.

Въ договорахъ руссовъ съ греками, заключаются постановленія касательно международныхъ отношеній тогдашняго времени. Въ силу этихъ постановленій русамъ представляются нѣкоторыя опредѣленныя льготы, во время пребыванія ихъ въ Византіи; изъ этихъ льготъ, предоставленныхъ руссамъ, замѣчательны слѣд.: дозволеніе русамъ торговать въ Константинополѣ безплатно, жить въ Византіи не болѣе шести мѣсяцевъ, но съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, а именно: русы, приходившіе въ Константинополь по дѣламъ торговымъ, должны жить въ опредѣленномъ мѣстѣ, должны ходить по городу подъ присмотромъ императорскихъ чиновниковъ и пребывать въ Византіи въ числѣ не болѣе 50 человѣкъ. Это послѣднее указываетъ на то, что греки боялись значительнаго числа русовъ, пріѣзжающихъ въ Византію. При этомъ, во время отправленія своихъ торговыхъ сдѣлокъ, русы не должны причинять никакихъ насилій и обидъ грекамъ, и по окончаніи срока, должны отправляться въ Русь. При поѣздѣ въ Русь они могли получать различныя вспомоществованія, съѣстные припасы, корабельныя снасти и кромѣ того могутъ получать проводниковъ. Сюда-же нужно отнести условія между русами и греками касательно взаимной обязанности о выкупѣ плѣнныхъ: если русинъ попадетъ въ плѣнъ къ кому-нибудь, или грекъ будетъ въ плѣму, то греки или русы должны выкупить плѣннаго и возвратить его на родину, причемъ за такой выкупъ плѣннаго опредѣляется извѣстная плата; плата эта опредѣлена греческими монетами и различна по возрасту плѣнныхъ: за юношу и молодаго человѣка болѣе, за старца и женщину менѣе. Это назначеніе платы за плѣнныхъ греческою монетою, равно и множество греческихъ выраженій, заключающихся въ текстѣ договора, еще болѣе доказываютъ, что составителями текста договора были сами греки. Еще болѣе приходимъ къ этому, сравнивая текстъ договора съ греками съ прочими

византійскими актами и съ договорами, которые они заключали съ другими государствами; здѣсь является поразительное сходство въ слѣдующемъ: греки были чрезвычайно склонны къ многословію, къ особымъ фразамъ и эта же склонность выражается въ текстѣ нашихъ договоровъ. Такъ сначала идетъ пространное изложеніе о необходимости союза и мира между договаравающимися государствами; затѣмъ нѣсколько разъ повторяются изъявленія намѣренія жить дружно, пріязненно; затѣмъ слѣдуетъ указаніе клятвы, чтобы никогда не нарушать мира и пребывать въ мирѣ; кромѣ того раздѣленіе самаго договора, довольно систематичноедл я тогдашняго времени, указываетъ уже на извѣстную степень образованности, что странно бы было предполагать тогда о руссахъ. Наконецъ самый оборотъ и складъ рѣчи и выраженія во многихъ мѣстахъ суть чисто византійскіе. Обращаясь далѣе къ договору Олега съ греками, мы видимъ также, что нѣкоторыя изъ его выраженій указываютъ намъ и на власть великаго князя. Такъ они насъ удостовѣряютъ, что власть Олега была уже властію верховною въ полномъ смыслѣ этого слова. Олегъ именуетсявеликимъ княземъ, т. е. главою всего государства русскаго, именно это выраженіе заключается вначалѣ самаго текста договора; притомъ Олегъ именуется великимъ княземъ — новое доказательство, что верховная власть съ этого отдаленнаго времени пользовалась этимъ титломъ. Наконецъ въ этой первоначальной статьѣ договора Олега, въ самомъ вступленіи его, мы видимъ, что отъ Олега зависѣли всѣ прочіе князья и эти прочіе князья именуются сущими подъ рукою Олега, т. е. вполнѣ зависѣли отъ него. Это были князья отдѣльныхъ племенъ добровольно покорившихся власти или принужденныхъ къ покоренію, вслѣдствіе завоеванія. Такимъ образомъ и самое начало этаго договора даетъ матеріалъ весьма важный для государственнаго права Обратимъ вниманіе на слѣд. выраженія, находящіяся вначалѣ: послы Олега и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его. Сначала исчисляются имена всѣхъ пословъ отправленныхъ отъ князя и отъ всѣхъ прочихъ,

сущихъ подъ рукою Олега. Это последнее выраженіе показываетъ во 1) зависимость всѣхъ членовъ отъ великаго князя, во 2) что не только всѣ другіе князья были въ подчиненіи у великаго князя, но и свѣтлые бояре; при томъ упоминается, что эти бояре также желаютъ мира и соблюденія условій съ Византіею. Это указываетъ на то, что бояре, какъ высшій и приближенный классъ къ великому князю, имѣли весьма важное вліяніе на рѣшеніе великихъ государственныхъ вопросовъ въ древнее время. Но всѣ эти князья, сущіе подъ Олегомъ, и тѣмъ болѣе бояре, находятся въ прямой зависимости отъ Олега. И такъ слова, что они всѣ сущіе подъ рукою его въ высшей степени знаменательны: они показываютъ, что Олегъ былъ *самодержавнымъ* государемъ а не таковымъ, каковымъ были государи на западѣ. Всѣ эти князья, сущіе подъ рукою Олега, всѣ эти великіе, свѣтлые бояре, всѣ они слуги великаго князя, потому что всѣ они не имѣютъ права управлять независимо и самостоятельно; напротивъ того на западѣ мы видимъ, что всѣ феодальные владѣльцы находились въ такихъ отношеніяхъ къ странѣ ихъ населенія, что они были уже какъ бы отдѣльными и независимыми государями,—новое доказательство, о которомъ мы уже упомянули прежде, что ленная система не могла зародиться у насъ на Руси и что возникающее государство Русь представляла съ самаго начала развитіе совершенно самостоятельное.

Обратимся теперь къ договору Игоря съ греками. Этотъ договоръ заключенъ съ греками во время греческихъ императоровъ Романа, Константина и Стефана и относится къ 945 г. Поводъ заключенія его былъ тотъ-же самый, какъ и поводъ заключенія договора Олега, т. е. желаніе Византіи утвердить мирныя отношенія къ Руси и обезпечить торговлю. Въ немъ большею частію повторяются тѣже условія, какъ и въ договорѣ Олега, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть и добавленіе. Особенно замѣчательно указаніе, касающееся общественнаго положенія тогдашняго времени и значенія различныхъ классовъ общества. Такъ прежде всего мы встрѣчаемъ въ этомъ договорѣ длинный рядъ именъ

пословъ, отправленныхъ въ Константинополь для заключенія договора: до 42 именъ встрѣчается. Кромѣ обыкновенныхъ пословъ именуется еще главный посолъ. Изъ этого видно, что въ заключеніи договора участвовало все общество тогдашняго времени, т. е. что всѣмъ племенамъ, сущимъ подъ властію, было извѣстно о заключеніи этаго договора. Однимъ словомъ заключеніе договора съ греками было дѣломъ участія цѣлой страны.

Въ этомъ договорѣ, на ряду съ варяжскими именами, встрѣчаются имена славянскія, и такъ какъ эти имена указываютъ во всякомъ случаѣ на главныхъ или приближенныхъ лицъ великаго князя, то изъ этого можно вывести заключеніе, что варяжскій элементъ въ то время совершенно уравнивался съ русскимъ. Не нужно думать, чтобы варяжская дружина получила перемѣну въ томъ смыслѣ, что она была замѣнена славянами: они оставались около князя и на ряду съ ними князья принимали въ составъ дружины и высшихъ лицъ изъ самыхъ славянскихъ племенъ, и это имѣло важное послѣдствіе въ томъ, что славянскій элементъ получилъ съ самыхъ древнихъ временъ важное значеніе на дѣла государственныя. Кромѣ пословъ упоминаются купцы и гости. Это обстоятельство указываетъ на то, что договоръ заключался съ цѣлію торговою и что купцы и гости составляли высшій классъ народа, т. е. что занятіе торговлею считалось не обыкновеннымъ занятіемъ, а занятіемъ почетнымъ. Здѣсь конечно нужно разумѣть только торговлю внѣшнюю съ Византіею. Сначала думали, въ первоначальномъ изслѣдованіи отечественной страны, что подъ гостями нужно разумѣть людей исключительно занимающихся торговлею, но дальнѣйшія изслѣдованія показали, что иногда даже сами князья давали членамъ своей дружины порученія торговыя, даже сами князья, занимались непосредственно торговлею: князь самъ отправлялъ для торговыхъ цѣлей своихъ гостей и этимъ объясняется то обстоятельство, что гости и купцы имѣли особенныя грамоты отъ князя или указанные знаки, что они суть лица извѣстныя князю русскому и пользующіеся отъ него довѣріемъ. Такъ договоръ упоминаетъ, чтобы гости и купцы предъ-

являли императорскимъ чиновникамъ золотыя и серебряныя печати или грамоты знакъ, что они дѣйствительно прибыли по порученію князя и съ торговою цѣлію. Греки хотѣли этимъ отличать ихъ отъ лицъ, которыя подъ видомъ торговли могли бы приходить въ Византію для грабежа. Такимъ образомъ не нужно удивляться тому, что въ ряду пословъ встрѣчаются имена гостей и купцовъ. Подъ ними нужно разумѣть лицъ, которыя пользовались особымъ почетомъ и князь давалъ имъ различныя порученія. Особенно важны свѣдѣнія, которыя указываютъ намъ на то, что въ то время христіанство проникало уже въ языческую Русь. Въ одной статьѣ договора упоминаются слѣд. выраженія: „если кто изъ русскихъ помыслитъ нарушить миръ съ греками, то тѣ изъ нихъ, которые крещены, пусть примутъ месть отъ Бога Вседержителя, а тѣ, которые не христіане, да не будутъ имѣть помощи ни отъ Бога, ни отъ перуна". Этимъ греки угрожаютъ русамъ, напоминаютъ имъ, что если они нарушатъ миръ, то не будутъ имѣть помощи ни отъ Бога христіанскаго, ни отъ перуна. И это важно въ томъ отношеніи, что въ числѣ русовъ были уже и христіане, что число ихъ довольно значительно, потому что статья отличаетъ русовъ христіанъ отъ русовъ язычниковъ. Христіанство могло проникать въ языческую Русь съ древнихъ временъ и путемъ къ этому представлялись сношенія съ Кіевомъ и съ Новгородомъ. Частое посѣщеніе русскихъ язычниковъ Византіи не могли оставаться безъ послѣдствій, т. е., что русы могли узнать свойство и значеніе христіанской религіи, ея обряды и догматы. Они принимали новую религію въ Византіи и возвращались въ Русь, конечно это были отдѣльные примѣры русовъ, масса оставалась въ язычествѣ. Нужна была государственная мѣра, чтобы христіанство получило перевѣсъ надъ язычествомъ, и эту государственную мѣру производитъ Св. Владиміръ. Общее значеніе договора Игоря представляется, по сравненію съ договоромъ Олега, наименѣе благопріятнымъ для русовъ, нежели статьи договора Олега, именно: нѣкоторыя изъ торговыхъ льготъ уменьшены, встрѣчаются нѣкоторыя ограниченія и въ другихъ статьяхъ. Каса-

тельно текста, содержанія и расположенія, нужно замѣтить, что они обратили на себя вниманіе почти всѣхъ изслѣдователей нашей юридической старины. Изъ наиболѣе важныхъ изслѣдованій нужно упомянуть о трудѣ Эверса, который, въ своемъ сочиненіи подъ названіемъ „Древнѣйшее русское право“, занимается толкованіемъ и объясненіемъ различныхъ статей договора. Однако его объясненія имѣютъ болѣе частный характеръ: нѣтъ общихъ выводовъ, нѣтъ сравненія, нѣтъ въ особенности доказательствъ, что на составленіе этихъ договоровъ имѣлъ большое вліяніе византійскій элементъ. Впослѣдствіи времени въ изслѣдованіи Лавровскаго профессора харьковскаго университета, было обращено вниманіе на доказательства присутствія въ текстѣ этихъ договоровъ византійскаго вліянія. Несторъ упоминаетъ еще о договорѣ Святослава съ греками, но какъ подтвержденіе прежнихъ договоровъ онъ научной важности не имѣетъ.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ.

Великокняжеская власть.

Теперь обратимся къ изслѣдованію значенія государственнаго быта, на сколько матеріалъ для этого представляется возможнымъ изъ общихъ памятниковъ законодательства и нѣкоторыхъ юридическихъ свѣдѣній; т. е. мы переходимъ къ внутренней исторіи этой отдаленной эпохи. При этомъ мы должны указать въ какомъ состояніи находилось государство, только что образовавшееся до принятія христіанства, и это указаніе необходимо теперь потому что христіанство производитъ существенную перемѣну въ первоначальномъ устройствѣ. О значеніи власти великокняжеской и объ отношеніи этой власти къ подчиненнымъ князьямъ мы уже говорили. Сдѣлаемъ изъ этого выводъ: власть верховная сосредоточивалась въ одномъ лицѣ, въ лицѣ великаго князя; всѣ племена обширной страны признавали эту власть, которая господствовала не надъ отдѣльными какими нибудь лицами, но надъ цѣлыми пространствами, и князь былъ главою

всей земли русской. Затѣмъ возлѣ этой власти въ непосредственной зависимости стоитъ особое учрежденіе съ самаго древняго времени подъ названіемъ дружины. *Дружина.* Посмотримъ что такое дружина, изъ какихъ элементовъ она сложилась, какъ она раздѣлялась, въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ князю и въ какихъ отношеніяхъ члены дружины находились между собою. Это есть первое учрежденіе во вновь устроенномъ государствѣ. Изслѣдованіе значенія дружины тѣмъ болѣе важно, что дружина была новымъ явленіемъ на Руси. До пришествія Рюрика дружины не было, потому что характеръ жизни славянскихъ племенъ былъ совершенно иной. Дружина, пришедшая изъ Скандинавіи, первоначально должна была имѣть и характеръ скандинавскій. Такъ она состояла изъ воиновъ, которые окружали князя, какъ предводителя этого войска, которые пользовались отъ князя содержаніемъ, которые раздѣляли съ княземъ всѣ обязанности военной жизни, которыхъ князь надѣлялъ изъ добычи, отдѣляя какъ часть для себя, такъи для своихъ сподвижниковъ. Что князья и впослѣдствіи соблюдали этотъ скандинавскій обычай, это мы видимъ изъ многихъ прослѣдующихъ завоеваній которыя дѣлали наши князья. Они дѣлили добычу и не забывали ни одного члена, даже на убитыхъ отдѣлялась эта часть и отдавалась близкимъ родственникамъ или ихъ семействамъ. Почти такое же устройство дружины мы встрѣчали и у нашихъ князей, но однако же съ самаго перваго времени должно было возникнуть существенное различіе между дружиною, первоначально пришедшею съ первыми князьями, и дружиною послѣдующею. Такія отношенія князя къ своимъ сподвижникамъ и товарищамъ конечно могли существовать только при безпрерывныхъ завоеваніяхъ, какія были часто на западѣ, т. е. когда предводитель дружины, сдѣлавъ одно завоеваніе и ограничившись добычею, переходилъ въ другую область. И подобное товарищество дружина могла сохранить тамъ, гдѣ властьне утверждала свое земское управленіе, но какъ только съ образованіемъ дружины воспослѣдовало правильное и точное устройство государства, характеръ дружины долженъ быть перемѣниться и тѣмъ болѣе тогда, когда завоеванія

совершенно покончились и, когда нужно было занять этихъ сподвижниковъ уже не ратнымъ дѣломъ, а дѣломъ мирныхъ обязанностей. Дѣйствительно мы видимъ, что первые князья обращаютъ своихъ сподвижниковъ въ управители и сажаютъ ихъ въ качествѣ посадниковъ. Нѣкоторую же часть дружины они оставляютъ при себѣ, именно: эта часть дружины въ мирное время обращаетъ свои занятія на вспомоществованіе князю во внутреннемъ управленіи. Князь изъ нихъ назначаетъ судей, сборщиковъ податей и исполнителей другихъ порученій. Изъ сего видно, что она получаетъ значеніе въ государствѣ должностныхъ лицъ. Отношенія дружины къ князю основывались, какъ въ мирную, такъ и въ военную эпоху, на томъ началѣ, что служба князю есть не только обязанность, но исключительное право и преимущество каждаго дружинника. Притомъ, въ силу этой служебной зависимости отъ князя, каждый изъ дружинниковъ пріобрѣтаетъ право защиты отъ князя и притомъ право на обезпеченіе содержанія. Отсюда развивается такъ называемая у насъ на Руси помѣстная система, въ силу которой каждый служащій получаетъ за службу опредѣленный участокъ земли. Между членами дружины однако существовало нѣкоторое различіе. Различіе опредѣлялось личными качествами, особенными способностями управленія въ мирное время, особою близостію къ князю, наконецъ самымъ временемъ службы. Такимъ образомъ возникаетъ различіе между старшею и младшею дружинами, такъ что не всѣ члены дружины находились въ одинаковомъ отношеніи къ князю. Для большаго разъясненія этого отношенія мы должны прибавить, что поступленіе въ дружину предоставлялось каждому свободному человѣку, который желалъ себя посвятить княжеской службѣ. Однакоже пріемъ въ дружину зависѣлъ не только отъ князя, но и отъ общаго желанія дружины. Такъ въ члены дружины могъ попасть только человѣкъ извѣстный своими личными качествами. Сохранились обычаи весьма важные въ этомъ отношеніи, изъ которыхъ можно заключить, какъ производился этотъ пріемъ въ дружину. Такъ желающаго вступить въ дру-

жину спрашивали: откуда онъ родомъ и племенемъ и въ чемъ его отвага и доблести? По роду и племени давали мѣсто, но личной храбрости и ловкости давали тотъ или другой почетъ дружиннику. Это обстоятельство показываетъ намъ, что самое вступленіе въ дружину, зависящее отъ общаго желанія дружины, связывало еще болѣе членовъ дружины. Кромѣ этого отношенія различіе положенія въ дружинѣ зависѣло отъ степени силы и, такъ сказать, отъ важности людей. Такъ предводитель какой либо дружины могъ придти и вступить въ службу къ князю. Сдѣлавшись такимъ образомъ членомъ дружины, онъ имѣлъ самъ въ своей зависимости свою дружину. Такъ что составъ дружины слѣдующій: князь—глава дружины, затѣмъ старѣйшіе дружинники и изъ числа ихъ нѣкоторые имѣютъ свою дружину. Бояринъ приводилъ своихъ людей и вступалъ въ службу къ князю и, чѣмъ болѣе приводилъ ихъ, тѣмъ старше становился онъ посреди другихъ людей. Всѣ эти-то высшіе дружинники именуются боярами или мужами, младшіе дружинники называются отроками, дѣтскими, гридями и другими наименованіями. Вообще дружина была въ самыхъ тѣсныхъ и близкихъ, такъ сказать, дружественныхъ, союзныхъ отношеніяхъ къ князю, что видно изъ того, что дружина считала своею обязанностію мстить за князя и князь считалъ своею обязанностію мстить за обиженнаго члена дружины. Изъ разсказа лѣтописи о набѣгахъ первыхъ князей мы встрѣчаемъ указаніе на эту тѣсную связь между княземъ и дружиною. Самый образъ жизни первыхъ князей еще болѣе помогалъ взаимному отношенію между княземъ и дружиною. Такъ князь жилъ въ шатрѣ на полѣ, окруженный своею храброю дружиною, дѣлилъ свои дни и занятія съ дружиною и въ образѣ жизни ничѣмъ не отличался отъ дружины. Но такъ могло продолжаться не долго. Съ наступленіемъ мирнаго періода положенія перемѣнились: князю нѣтъ надобности содержать многочисленную дружину, при томъ содержаніе ея требуетъ слишкомъ много расходовъ, а доходовъ у князя мало было въ тогдашнее время. Что дружина была значительна у первыхъ князей, это мы ви-

димъ изъ различныхъ лѣтописныхъ разсказовъ. Вотъ почему первые князья распустили часть своей дружины и отправили въ различныя области, оставивъ при себѣ небольшую дружину. Они поселились между полянами и тамъ сдѣлалось первое постоянное пребываніе первыхъ князей. Была и другая причина, побудившая распустить значительную часть ея и поселиться между полянами. Эта причина заключалась въ неравномѣрной подчиненности различныхъ племенъ власти. Такъ Новгородъ имѣлъ совершенно различное устройство и, на основаніи этого устройства, платя князю значительную дань, помогая ему различными способами, Новгородъ выговорилъ себѣ право внутренняго своего устройства по стариннымъ обычаямъ, а слѣдовательно князю собственно въ административномъ отношеніи было меньше дѣлъ съ Новгородскою областію, нежели съ остальною частію Руси и нужно было болѣе пребывать на югѣ Руси, нежели на сѣверѣ. Въ отношеніи Новгорода князь довольствуется данью и посылаетъ туда своихъ намѣстниковъ для совокупнаго управленія съ посадникомъ. Въ остальной мѣстности власть князя имѣла другой характеръ.

VI. ЛЕКЦІЯ.

Вслѣдствіе того, что князья поручили различнымъ членамъ дружины различныя обязанности, произошло съ самаго древняго времени соединеніе и смѣщеніе разныхъ должностныхъ обязанностей въ одномъ и томъ же лицѣ. Такъ съ древнихъ временъ существовало соединеніе въ одномъ и томъ же должностномъ лицѣ обязанности и администратора, и судьи, и посадники и различныя другія должностныя лица вмѣстѣ были и управителями областей, и судьями, и сборщиками дани и исполнителями отдѣльныхъ княжескихъ порученій. Наивысшія служебныя порученія возлагались на бояръ и это значеніе служебное сохраняютъ бояре въ про-

долженія всего древняго періода. На младшихъ же дружинниковъ возлагались не постоянныя, а отдѣльныя служебныя порученія: такъ въ этомъ смыслѣ упоминаются: вирники для сбора виръ и другія должностныя лица. Лѣтопись упоминаетъ о нѣкоторыхъ должностныхъ званіяхъ въ составѣ дружины для управленія отдѣльными частями: такъ упоминается въ особенности о воеводахъ.

Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ разумѣлся предводитель отдѣльной части дружины, которая имѣла значеніе отдѣльнаго отряда и составляла иногда авангардъ тогдашняго войска. Замѣчательно, что это выраженіе указываетъ намъ, что и самое должностное званіе „воевода", которое мы встрѣтимъ гораздо позже, имѣетъ свое начало съ самаго древняго времени: такъ о воеводѣ упоминается еще при Игорѣ и Святославѣ. Что касается наконецъ племеннаго происхожденія, то дружина Рюрика состояла вся исключительно изъ варяговъ, но уже дружина Олега, который удалившись изъ Новгородской области набралъ ее изъ племени славянъ ильменскихъ, изъ кривичей и другихъ племенъ, состояла не только изъ варяговъ, но изъ русовъ, финновъ и др. Послѣдующія князья, какъ напримѣръ: Игорь, Святославъ и Владиміръ, принимали въ дружину всякого, кто только желалъ поступить и заслуживалъ по своимъ личнымъ достоинствамъ. Такимъ образомъ, дружина была самая разнообразная въ отношеніи состава. Вообще чѣмъ отдаленнѣе время, т. е. чѣмъ ближе къ эпохѣ самаго основанія государства, тѣмъ болѣе преобладаетъ элементъ варяжскій; чѣмъ дальше отъ основанія его, тѣмъ болѣе разнообразенъ составъ дружины. Затѣмъ нужно кромѣ дружины отличать земщину, т. е. населеніе цѣлой области, какъ то: села, деревни и т. д. Всѣ жители, которые пользовались землею, имѣли значеніе земскихъ людей и всѣ имѣли общественное устройство съ нѣкоторыми остатками прежняго патріархальнаго устройства. Наиболѣе общественное устройство было развито въ Новгородской области, наименѣе въ тѣхъ земляхъ и у тѣхъ племенъ, которыя были порабощены или примкнули позже другихъ къ составу государства.

Мы видимъ также постепенность классовъ лицъ. Въ этой постепенности первое мѣсто принадлежитъ князьямъ, сущимъ подъ рукою Олега, затѣмъ, боярамъ, *Бояре.* которые, какъ богатые землевладѣльцы, составляютъ высшій классъ народа. Здѣсь нужно замѣтить, что подъ боярами разумѣлись не только члены дружины, но и вообще высшія лица въ каждомъ племени, которыхъ лѣтопись именуетъ различными именованіями: иногда старцами, иногда мужами. Но здѣсь нужно разумѣть не въ смыслѣ возраста, но въ смыслѣ старѣйшинства. Вотъ почему земщина имѣетъ не только одинаковое устройство, но сохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ остатокъ патріархальнаго, семейнаго, родоваго устройства. Вотъ почему, именно, высшій классъ лицъ состоитъ изъ лицъ, имѣющихъ большее значеніе въ обществѣ какъ по значительности участка земли, такъ и потому, что эти лица были въ старину начальниками родовъ, отъ которыхъ зависѣло нѣсколько семействъ, вмѣстѣ жившихъ. Однимъ словомъ, родовое и племенное происхожденіе и землевладѣніе составляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ принадлежностей званія бояръ. Съ этимъ званіемъ народъ соединялъ убѣжденія, что это люди высшіе и лучшіе не только по матеріальному своему положенію, но и потому, что это суть прежніе старѣйшины родовъ, или потомки отъ нихъ происходящіе. Эти то бояре, непринадлежащіе къ составу дружины, назначались волостелями и тіунами отъ князя въ области, которыя находились подъ управленіемъ намѣстниковъ и посадниковъ; области дѣлились на округи, называющіеся волостями. И эти должностныя лица, назначенныя изъ славянскихъ старѣйшинъ, т. е. изъ высшаго класса лицъ тогдашняго времени, имѣли обязанностію и управлять ввѣренными округами, и производить судъ и расправу. Сохранились свѣдѣнія о томъ, что каждый житель съ жалобою приходилъ къ тіуну, отъ котораго получалъ судъ и расправу. На тіуна приносилъ жалобу волостелю, на волостеля намѣстнику, судъ же надъ намѣстникомъ принадлежалъ великому князю. Такъ устроилась первая администрація въ землѣ Русской, основаніемъ которой была связь высшей власти съ земщиною.

Нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи представляетъ Новгородская область. Въ Новгородѣ бояре носятъ различныя названія: иногда они именуются большими людьми, иногда лучшими людьми, иногда правдивыми. Названія эти конечно чисто обычныя, неимѣющія особеннаго значенія. Затѣмъ всѣ прочіе раздѣляются въ Новгородѣ на гридней, огнищанъ, купцовъ и черныхъ людей какъ платящихъ подать, какъ носящихъ тягло, какъ находящихся подъ управленіемъ и подъ распоряженіемъ большихъ людей. Въ Новгородѣ каждый конецъ, каждая улица составляли отдѣльно свою общину и при этомъ въ общественномъ устройствѣ больше голоса принадлежало тѣмъ людямъ, которые именовались большими или лучшими. Затѣмъ за боярами здѣсь встрѣчаемъ классъ огнищанъ. Названіе это имѣло различное толкованіе: нѣкоторые подъ огнищанами разумѣли каждаго владѣльца дома, имѣющаго свой очагъ, свое огнище, однимъ словомъ свое имущество. Но это толкованіе чисто буквальное и при томъ сюда можно было бы подвести всѣхъ свободныхъ лицъ, имѣющихъ какую нибудь постоянную осѣдлость. Другіе понимали подъ ними лицъ принадлежащихъ къ составу дружинъ но не имѣющихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. Мы упомянули, что дружина поселилась на вершинахъ горъ и образовала различныя укрѣпленія, для господства надъ окружающею мѣстностію. Затѣмъ около дружины поселились жители свободные, которыхъ первоначальная обязанность состояла въ службѣ самой дружинѣ. Они имѣли постоянное жилище около дружины и занимались различною службою для дружины, и они имѣли огнища. Но это толкованіе имѣетъ тотъ недостатокъ, что оно не объясняетъ существованія этого класса огнищъ тамъ, гдѣ не было городовъ, между тѣмъ они встрѣчаются повсюду въ каждой земщинѣ. Значеніе этаго класса заключалось въ томъ, что это были землевладѣльцы, но не столь богатыхъ участковъ земли, какъ бояре, и не имѣвшіе должностныхъ обязанностей. Здѣсь огнищане являются въ смыслѣ землевладѣльцевъ, которые не работаютъ на землѣ другаго лица, но имѣютъ своихъ рабочихъ людей—рабовъ и занимаютъ положеніе наравнѣ

Огнищане.

съ боярами, уступая только первенствомъ, потому что не имѣли службы опредѣленной. Что такое значеніе могло подходить подъ истинное значеніе огнищанина, это доказываетъ намъ то, что огнищане, какъ землевладѣльцы, старались распространять земледѣльческій промыселъ и именно хлѣбопашество, но такъ какъ земля была покрыта лѣсомъ, то большая часть разчищала лѣсъ подъ пашни, выжигая его, отсюда можетъ быть по обычаю самое названіе огнищанъ. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ вмѣсто земскихъ бояръ часто именуются огнищане. Всѣ эти соображенія доказываютъ намъ только то, что значеніе огнищанъ различно. Прибавимъ къ этому различію еще и то, что въ прежнее время были толкованія весьма оригинальныя такъ напр. нѣкоторые полагали, что подъ ними нужно разумѣть тѣхъ жителей, на обязанности которыхъ было освѣщеніе улицъ. Но возможно ли относить къ такому отдаленному времени такое понятіе и принимать ихъ въ смыслѣ полицейскихъ служителей; огнищане встрѣчаются повсюду, а такъ какъ число селъ и волостей было болѣе, нежели число городовъ, то подъ огнищанами разумѣлся значительный высшій классъ населенія. Во всякомъ случаѣ высшій классъ земскаго населенія составляли бояре, а затѣмъ огнищане; за ними классъ купцовъ, о которыхъ первое извѣстіе встрѣчается въ лѣтописяхъ и договорахъ русовъ съ греками; нѣкоторые изъ купцовъ называются гостями, пріѣзжавшіе въ Константинополь по торговымъ дѣламъ. Здѣсь мы должны прибавить, что число подобныхъ лицъ было незначительно въ сравненіи съ массою населенія, и незначительность класса лицъ происходила по слѣдующей причинѣ: городовъ, въ смыслѣ торговыхъ пунктовъ, было весьма мало, остальные города имѣли значеніе укрѣпленныхъ мѣстъ а не производили торговлю и еще не было класса лицъ, который бы занимался торговымъ промысломъ. Были не многія лица, которыя занимались торговыми сношеніями съ Византіею и Новгородомъ, но вести торговлю съ другими странами—это есть занятіе и дѣло которое требуетъ значительныхъ средствъ и значительную степень образованности по понятіямъ тог-

Купцы.

дашняго времени, а все это могло принадлежать только незначительному классу. Купцы и гости вели образъ жизни, такъ сказать, кочующій, они не были осѣдлыми, а напротивъ, кочующими. Чтобы быть купцомъ или гостемъ нужно было оторваться отъ семьи и нужно было пуститься на предпріимчивость въ отдаленныя страны. Съ другой стороны, заграничная внѣшняя торговля была въ рукахъ самаго князя. Князь посылалъ нѣкоторыхъ своихъ бояръ съ торговыми порученіями и конечно никто, кромѣ князя, не могъ такъ удобно производить оборотовъ торговыхъ, какъ онъ. Слѣдовательно, хотя и были лица, которыя занимались торговыми оборотами, но число ихъ было мало и конкуренція подобныхъ лицъ была весьма невыгодна, потому что никому не могло быть такого удобнаго производства торговыхъ сношеній, какъ князю. Вотъ почему они такъ малочисленны и притомъ занимаютъ почетное мѣсто въ ряду общества тогдашняго времени и стоятъ иногда съ боярами и во всякомъ случаѣ за этими, такъ сказать, привиллегированными классами населенія, которое, подъ общимъ наименованіемъ черныхъ людей, составляетъ остальное населеніе городовъ, селъ и вообще областей. Иногда эти люди назывались людинами, иногда горожанами, иногда сельчанами, иногда слободчанами. Названія эти показываютъ на различіе правъ, на различіе осѣдлости. Какъ купцы и гости, такъ, съ другой стороны, черные люди имѣли свое общинное управленіе. Купцы и гости имѣли своихъ выборныхъ людей, для суда и расправы встрѣчаются старосты, а у черныхъ свои тысяцкіе; у тѣхъ и другихъ есть свои общины и особенныя собранія. Само собою разумѣется, что численность черныхъ людей болѣе, чѣмъ численность купцовъ. Черные люди были людьми свободными и поэтому ихъ нельзя было смѣшивать съ несвободнымъ классомъ населенія. Названіе черныхъ людей происходитъ отъ того, что эти люди носили вообще тягловыя обязанности тогдашняго времени. Они платили подати и повинности и собирались для сбора дани. Дань эта распредѣлялась по селамъ, раскладывалась по чернымъ людямъ и эти люди посредствомъ вы-

Гости.

Черные люди.

борныхъ собирали дань и представляли ее князю. Другая обязанность заключалась въ томъ, что въ случаѣ войны масса населенія должна присоединиться къ дружинѣ и сражаться за князя въ составѣ ополченія (*). Кромѣ свободныхъ былъ еще классъ несвободныхъ. Такъ съ древнихъ временъ видно уже различіе рабовъ пожизненныхъ и даже съ потомствомъ и
Рабы. рабовъ временныхъ. Если должникъ не заплатитъ долгъ въ срокъ, то онъ можетъ быть кредиторомъ взятъ въ услуженіе и рабство до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ деньги или не заработаетъ занятой суммы. Такимъ образомъ низшій классъ народонаселенія составляетъ людей несвободныхъ. Что касается до отношенія этихъ лицъ къ мѣсту осѣдлости, то нужно замѣтить, что они уже съ самаго древняго времени не могли перемѣнять мѣсто, т. е. переходить изъ одной области въ другую, напротивъ того, черные люди могли переходить на жительство изъ села въ городъ, изъ одной области въ другую. Притомъ, если они не имѣли сами недвижимаго имущества, если не владѣли сами какимъ нибудь, хотя малымъ участкомъ земли, то они вступали въ наемъ къ другимъ и образовали такъ называемыхъ наймитовъ. Наконецъ былъ классъ лицъ, который неимѣлъ никакой осѣдлости—это классъ такъ называемый лихихъ людей, въ томъ смыслѣ, что эти лица не обязывались ни данью и никакой изъ другихъ повинностей и не имѣли никакой поземельной собственности и не имѣли семьи или рода, который привязывалъ бы ихъ къ одному опредѣленному мѣсту жительства. Они образовывали изъ себя родъ товарищества и, соорудивши на общій счетъ ладьи и суда, плыли по рѣкамъ для отважныхъ грабежей, добычи, съ цѣлью отыскать удобное мѣсто для поселенія и устроить себѣ постоянную осѣдлость. Такъ въ древніе времена, при неразвитости внутренняго порядка, подобный обычай не только былъ терпимъ, но въ немъ видѣли нѣчто воинственное. Этотъ обычай былъ развитъ въ Новгородской области. И такъ жители, которые не имѣли земской

(*) Сельскіе черные люди назывались смердами.

осѣдлости, сооружали подобныя экспедиціи, отправлялись на ладьяхъ и основывали въ дальнихъ мѣстностяхъ поселенія. Такимъ набѣгамъ обязаны своимъ происхожденіемъ многіе наши древніе города. Разсмотрѣвъ теперь значеніе состава населенія перейдемъ къ отношеніямъ князя и дружинниковъ къ самому народу. Эти отношенія выражались, кромѣ зависимости, собираніемъ извѣстныхъ доходовъ. Къ доходамъ князя нужно отнести: во 1) дань, собираемую съ племенъ непокоренныхъ 2) доходы съ племенъ покоренныхъ и составлявшихъ владѣніе князя; дань съ племенъ непокоренныхъ собиралась силою оружія. Такъ Олегъ бралъ дань съ древлянъ, сѣверянъ, тиверцевъ, родимичей, хорватовъ и др. Послѣдующіе князья также брали дань съ нѣкоторыхъ племенъ, но съ тѣмъ различіемъ, что первоначальная дань не была опредѣляема въ ея количествѣ; впослѣдствіи же, когда устроился мирный порядокъ, количество дани было опредѣлено и собиралось въ извѣстные сроки. Для сбора дани выбиралось особое лицо, а впослѣдствіи, когда племя достигало болѣе правильнаго устройства, выбирались выборные изъ самихъ жителей и нѣкоторые виды дани и тягла были распредѣлены. Такъ собирались виры, значеніе которыхъ намъ уже извѣстно. Такимъ образомъ, источники княжескихъ доходовъ были слѣдующіе: различные сборы и пошлины, во 1) постоянная дань, которая иногда именовалась урокомъ, иногда полюдьемъ. Вообще послѣднее названіе дани означало болѣе дань добровольную, т. е. родъ подарковъ, которые приносило племя князю во время объѣзда его по странѣ ихъ. Объ этомъ полюдьѣ въ лѣтописи говорится такъ, что при объѣздѣ князя племя, кромѣ дани обязательной, приносило и добровольную. Затѣмъ къ доходамъ относились виры и продажи. Подъ именемъ продажи разумѣлась пошлина или денежный штрафъ, который имѣлъ сходство съ вирою, но различіе состояло въ томъ, что продажа взыскивалась за убытокъ или за вредъ наносимый преступленіемъ, а вира за самое преступленіе. Затѣмъ сюда же нужно отнести и 2) различныя судебныя пошлины. Производство суда предоставлялось намѣстникамъ, волостелямъ и тіунамъ. На судъ смотрѣли въ

древнее время съ 2-хъ сторонъ: какъ на необходимость общественнаго порядка, какъ на обузданіе самоуправства; а съ другой стороны, какъ на статью доходовъ княжескихъ. Поэтому за каждое нарушеніе, законъ и обычай древняго времени полагали извѣстную пошлину въ пользу князя или его чиновниковъ. Изъ этихъ то различныхъ сборовъ составлялась казна княжеская, которая служила средствомъ къ удовлетворенію потребностямъ тогдашняго времени. Дань собиралась преимущественно для содержанія дружины, такъ какъ дружина была размѣщена по различнымъ мѣстностямъ и не занималась земледѣліемъ. Дань собиралась мѣхами. Мѣха собранные продавались, а обрѣзки ихъ съ клеймомъ княжескимъ служили удостовѣреніемъ того, что дань получена. Это въ родѣ нынѣшней квитанціи. Отъ этого то вышло то, что эти обрѣзки съ клеймомъ княжескимъ подъ именемъ кунъ получили значеніе денегъ и обращались въ народѣ. Мало по малу народъ привыкъ каждый предметъ оцѣнять извѣстнымъ количествомъ кунъ. Кромѣ того князю принадлежали различныя земли и угодья, съ которыхъ онъ получалъ оброки. Что касается до внутренняго устройства частнаго быта этого времени, то во внутренній бытъ жизни народа князья не имѣли ни времени, ни возможности вникать, да притомъ не было и надобности, потому что самая жизнь народа вполнѣ соотвѣтствовала существовавшимъ тогда обычаямъ (*). Поэтому всѣ явленія государственныя, какъ то эта первоначальная жизнь племенъ въ формѣ общиннаго устройства, эта верховная власть, этотъ новый классъ лицъ въ смыслѣ дружины, эти различныя отношенія племенъ къ власти княжеской, однимъ словомъ все новое государственное устройство, возникшее въ землѣ славянскихъ племенъ, не произвело никакихъ перемѣнъ ни въ семейныхъ отношеніяхъ ни вообще въ томъ, что мы называемъ гражданскими отношеніями. Гражданскій бытъ народа оставался въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ онъ былъ и до осно-

---

(*) Обычному праву мы удѣляемъ мѣсто въ особенной части нашего курса.

ванія Русскаго государства. Это мы видимъ во многомъ: такъ бракъ продолжалъ совершаться исключительно по языческимъ обычаямъ, нѣкоторыя племена имѣли бракъ въ смыслѣ единобрачія, у другихъ племенъ существовало многоженство. Сами князья иногда слѣдовали этому обычаю. Все это указываетъ намъ, что семейное устройство оставалось безъ всякихъ преобразованій въ то время, когда въ общественномъ устройствѣ происходятъ существенныя перемѣны. Частный бытъ, семейныя отношенія преобразовываются лишь подъ вліяніемъ христіанской религіи. Такимъ образомъ существенная перемѣна общественнаго состоянія начинается со времени принятія христіанства.

VII ЛЕКЦІЯ.

Мы уже знаемъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ христіанство такъ легко и скоро распространилось въ языческой странѣ; оно было подготовлено и обусловлено различными обстоятельствами: съ одной стороны были уже многіе русы христіанами, съ другой стороны частыя и близкія сношенія съ Византіею помогли весьма много осуществленію этого. Греки старались, посредствомъ распространенія христіанства, окрѣпить еще болѣе и установить навѣки мирныя отношенія съ Россіею. Съ принятіемъ христіанствавъ составѣ государственнаго устройства появляется у насъ новый классъ лицъ, занимающій сразу высшее и почетное положеніе—духовенство. Этотъ классъ сначала состоялъ исключительно изъ грековъ и съ ихъ приходомъ началось сильное вліяніе византійскаго элемента. Но въ послѣдствіи число лицъ изъ грековъ въ составѣ духовенства уменьшается, такъ что при Ярославѣ встрѣчаются духовныя лица уже изъ русскихъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе иноземный элементъ уступаетъ мѣсто элементу природному.

Христіанство производитъ существенную перемѣну какъ въ государственномъ устройствѣ, такъ и въ частномъ быту народа. Съ перваго взгляда казалось бы, что христіанство могло болѣе сильнымъ образомъ отразиться въ средѣ частныхъ и семейныхъ отношеній. Напротивъ того мы увидимъ, что вліяніе христіанства отразилось и на самой княжеской власти и на различныхъ государственныхъ учрежденіяхъ древняго времени. Оно не осталось безъ вліянія и на такія учрежденія, которыя повидимому могли бы быть внѣ этого вліянія. Такъ въ отношеніи княжеской власти вліяніе христіанства было весьма благотворно по отношенію вразумленія народа къ должному повиновенію этой власти. До этого времени племена подчинялись верховной власти князя, какъ въ силу призванія князей, такъ и въ силу военныхъ послѣдствій. Христіанство вразумило народъ, что власть верховная имѣетъ свое начало отъ Бога, что выше этой власти нѣтъ ничего на землѣ; оно пояснило народу нравственную и религіозную сторону его обязанностей подданства къ этой власти, оно возвеличило эту власть, придавъ ей значеніе священное и торжественное. Такъ до этого времени не было у народа ни какой религіозной обстановки, которая бы, украшая эту власть свѣтскую, дѣлала ее священною въ глазахъ народа. Со введеніемъ христіанства появилось у насъ вѣнчаніе и помазаніе на княженіе и это-то религіозное начало должно было вразумить народъ еще болѣе въ важности его отношеній къ этой власти. Кромѣ того христіанство ввело еще присягу, какъ внѣшнюю религіозную и торжественную форму, связующую отношенія подданства къ власти. Понятно, что съ этой точки зрѣнія вліяніе христіанства на значеніе самой княжеской власти было громадно. Вліяніе это отразилось въ томъ, что великокняжеская власть, уже сильная сама по себѣ, получила еще большую моральную силу вслѣдствіе религіозной поддержки. Съ другой стороны вліяніе христіанства выразилось въ томъ, что въ составѣ народа появилось новое учрежденіе, новый классъ народа—духовенство съ особымъ положеніемъ, съ особыми правами, точно опредѣленными законами,

съ особымъ вліяніемъ на всѣ дѣла государственныя не только религіозныя, но и чисто свѣтскія, съ особымъ вліяніемъ, наконецъ, на всѣ остальные классы народа. Вліяніе христіанства выразилось въ томъ, что появились новыя учрежденія, появились церкви, монастыри и этимъ то учрежденіямъ были предоставлены различныя права отъ перваго христіанскаго князя Св. Владиміра. Права эти были весьма значительны: огромное пространство земель было предоставлено во владѣніе церквей, во владѣніе духовенства. При пользованіи этими землями дано было право не только владѣть этими землями, извлекая изъ нихъ доходы, но и имѣть право по управленію и суду надъ всѣми лицами, живущими на ихъ земляхъ. Этимъ то выразилось вліяніе духовенства и на прочіе классы народа. Наконецъ вліяніе христіанства было весьма значительно въ отношеніи частнаго и семейнаго быта: брачныя отношенія потеряли языческую форму и бракъ поставленъ на степень таинства. Семейныя отношенія, выясненныя подъ вліяніемъ религіи и стараніями духовенства, само собою разумѣется, должны были существенно перемѣниться, существенно должны были перемѣниться и старинные обычаи народа. Обычай мести долженъ былъ самъ собою исчезнуть, потому что месть несогласна съ правилами христіанства, и подобно ей и другіе обычаи должны были уничтожиться. Самый взглядъ на нанесеніе обидъ и различныхъ оскорбленій долженъ былъ смягчиться подъ вліяніемъ религіи. Само собою разумѣется, что это вліяніе не могло быть мгновеннымъ и скорымъ, но оно только лишь съ трудомъ и то мало по малу могло проникнуть въ прежній языческій бытъ. Тѣмъ не менѣе не нужно думать, чтобы принятіе христіанства на Руси было только общимъ государственнымъ распоряженіемъ, какъ бы волею одного Владиміра, это было дѣломъ всей земли русской. Извѣстно, что еще задолго до того, когда Владиміръ рѣшился на такую важную мѣру, онъ совѣщался не только съ боярами, но и съ различными людьми со всѣхъ концовъ земли руской. Вслѣдствіе этого общаго совѣщанія было положено отправить пословъ для удостовѣ-

ренія: гдѣ вѣра лучше. Результатъ, какъ извѣстно, былъ тотъ, что возвращенные послы хулили всѣ прочія вѣры, а греческую хвалили. Слѣдствіемъ такаго отвѣта было принятіе христіанства и быстрое распространеніе его. Это объясняется многими соображеніями: во 1) уже тѣмъ, какъ мы знаемъ, что до Владиміра были уже христіане, во 2) тѣмъ, что не было однимъ только распоряженіемъ власти, но что это было дѣломъ и желаніемъ всей земли русской; кромѣ того этому много способствовало еще и то, что русы знали Византію и часто посѣщали Византію, что греки также часто посѣщали Русь и слѣд. Византія не была незнаемою страною, а была до нѣкоторой степени уже близкою еще и до принятія христіанства. Такимъ образомъ вліяніе христіанства составляетъ эпоху въ государственной жизни русскаго народа, эпоху, съ которой соединены важныя и существенныя послѣдствія, какъ въ государственномъ, такъ и въ частномъ и гражданскомъ отношеніи. За тѣмъ важно еще болѣе вліяніе христіанства въ послѣдствіи, т. е. съ момента принятія христіанства и далѣе. Православная религія составляла всегда одно изъ самыхъ завѣтныхъ и драгоцѣнныхъ благъ русскаго народа. Подъ вліяніемъ религіи духовенство старалось постепенно и весьма дѣятельно о смягченіи народныхъ обычаевъ, объ улучшеніи нашего законодательства и рано получило вліяніе на государственныя дѣла. Уже Св. Владиміръ, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, совѣщался съ духовенствомъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ. По совѣту съ духовенствомъ были перенесены изъ Греціи не только священныя и церковныя книги, но и книги свѣтскихъ законовъ, которые имѣли на первый разъ ближайшее отношеніе къ церкви. Эти то книги важны потому, что чрезъ посредство ихъ на наше древнее законодательство начинаетъ вліять византійское право. Посмотримъ, что это были за книги и въ какой степени ихъ было вліяніе у насъ на Руси. Нужно сказать, что въ Византіи законы духовные и гражданскіе составляли такъ называемый Номоканонъ. Подъ нимъ разумѣлось въ Византіи всякое постановленіе, которое опредѣляло отношенія свѣт-

ской власти къ церкви, къ духовенству, но не опредѣляло исключительно предметовъ церковныхъ. На основаніи подобнаго Номоканона управлялась церковь византійская и опредѣлялись права, обязанности и преимущества духовенства въ Греціи. Затѣмъ является вопросъ: съ принятіемъ христіанства Владиміръ далъ-ли русской церкви такое точно положеніе, какое она имѣла въ Византіи, или видоизмѣнилъ это положеніе, такъ какъ Русь тогдашняго времени представляла многія особенности, многія отличительныя черты устройства которыхъ не было въ Византіи. Владиміръ по совѣту съ духовенствомъ даетъ русской церкви всѣ тѣ права, которыя она имѣла въ Византіи, и не только не уменьшаетъ ихъ, но напротивъ того прибавляетъ къ нимъ и другія права. Это прибавленіе правъ выразилось въ томъ, что Владиміръ предоставилъ духовенству права административныя и судебныя въ земляхъ, которыя имъ были назначены, и при томъ такія, какими не пользовалось духовенство и въ самой Византіи. Сверхъ того Номоканонъ былъ переведенъ на славянскій языкъ и явился въ формѣ церковнаго устава Св. Владиміра, въ которомъ за духовенствомъ были оставлены нѣкоторыя преимущества въ отношеніи къ такимъ предметамъ, какихъ тогда еще и не существовало на Руси, такъ въ Византіи, напримѣръ, духовенству поручалось, вспоможеніе и попеченіе надъ больницами, надъ страннопріимными домами, надъ различными богоугодными заведеніями, надъ пріютами и т. п. Само собою разумѣется, что въ древней Руси, при Владимірѣ, еще не могло существовать такихъ учрежденій, а между тѣмъ они упоминаются въ церковномъ уставѣ. Это служитъ доказательствомъ того, что Св. Владиміръ не только не хотѣлъ уменьшать права и преимущества но напротивъ желалъ сохранить ихъ во всей полнотѣ и увеличилъ ихъ тѣмъ, что духовенство получило право властвовать, управлять и судить всѣхъ свѣтскихъ людей, живущихъ на земляхъ, принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ. Затѣмъ еще болѣе важно то обстоятельство, что за духовенствомъ было упрочено, какъ въ силу греческихъ законовъ, такъ и на основаніи цер-

ковнаго устава, право суда надъ лицами всякаго званія, хотя бы они и не жили на земляхъ ихъ, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ дѣлахъ, а именно: во всякаго рода дѣлахъ семейныхъ, споры между супругами, дѣла о раздѣлѣ наслѣдства между дѣтьми послѣ смерти родителей, дѣла о духовныхъ завѣщаніяхъ и вообще всѣ отношенія семейнаго быта были предоставлены власти и суду церкви, т. е. духовенство, этимъ получило на долгое время непосредственное вліяніе на народъ, такъ какъ не только обыкновенные классы народа но и самые высшіе бояре подчинялись суду духовенства въ дѣлахъ семейныхъ, брачныхъ, родственныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ семейнаго быта и во многихъ отношеніяхъ, касающихся имущества. Такимъ образомъ духовенство сразу заняло слѣд. положеніе: было высшимъ классомъ въ непосредственномъ покровительствѣ верховной власти; оно получило земли съ значительными правами, оно получило вліяніе на всѣ остальные классы народа и во многихъ случаяхъ имѣло совѣщаніе съ великимъ княземъ. Такъ какъ высшіе чины духовенства встрѣчаются въ составѣ думы или собора, въ присутствіи которыхъ князь разсуждалъ о дѣлахъ государственныхъ, то положеніе громадное и значительное. И къ чести русскаго духовенства нужно сказать, что исторія представляетъ множество примѣровъ, что духовенство своимъ положеніемъ и своимъ значительнымъ вліяніемъ оказало громадныя услуги государству въ разныя эпохи времени. На первый разъ мы остановимся надъ разсмотрѣніемъ церковнаго устава Св. Владиміра, какъ перваго юридическаго акта, на основаніи котораго церковь получила свои преимущества, а духовенство свои права и обязанности. Духовенство въ томъ его составѣ, въ какомъ можемъ видѣть его съ самыхъ древнихъ временъ, представляетъ совокупность высшихъ и подчиненныхъ лицъ; главою духовенства былъ митрополитъ, а за нимъ епископы; вторую степень въ этомъ отношеніи занимаютъ монастыри и монастырскіе причты, за ними слѣдуетъ бѣлое духовенство и наконецъ причты церковные, находящіеся въ зависимости отъ бѣлаго духовенства. Митрополитъ былъ главою русской церкви и сперва на-

значался исключительно изъ грековъ, а въ послѣдствіи времени они являются уже изъ среды русскихъ, это относится ко времени Ярослава. Ярославъ замѣчателенъ еще и въ другомъ отношеніи: къ его времени относится увеличеніе числа монастырей, такъ какъ монастыри появились у насъ послѣ образованія церквей. Все пространство Россіи было раздѣлено, въ отношеніи управленія духовнаго или религіознаго, на округи или епархіи, которые находились въ вѣдомствѣ епископа, причемъ отношеніе ихъ къ митрополиту опредѣлялось совершенно сходно съ Византійскими правилами и въ этомъ отношеніи зависимость епископовъ и подчиненность ихъ митрополиту мало по малу становилась неравною во всѣхъ частяхъ Россіи, а именно: въ Новгородской области, по исключительному положенію Новгорода и отношеніе Новгородскаго архіепископа было совершенно иное, нежели прочихъ епископовъ къ митрополиту, да вообще въ отношеніяхъ частныхъ въ древней Руси епископы были такіе же начальники и управители во всей епархіи, какъ митрополитъ и отношеніе зависимости выражалось въ томъ случаѣ, когда жалоба приносилась на епископа митрополиту, но случаи подобныя были весьма рѣдки. Что касается до монастырей, то основаніе ихъ относится ко времени принятія христіанства въ Россіи, затѣмъ постепенно число ихъ увеличивалось. Въ самое отдаленное время въ XIII вѣкѣ по Кіевской области насчитывалось до 17, въ Новгородѣ до 22. Это превосходство числа въ Новгородской области передъ Кіевской зависѣло преимущественно отъ пространства, которымъ болѣе владѣла Новгородская область, чѣмъ Кіевская. Затѣмъ бѣлое духовенство на Руси никогда не составляло особаго класса лицъ. Въ этотъ классъ могли вступать лица всѣхъ званій, даже священники выбирались самимъ народомъ, а потому положеніе бѣлаго духовенства стало совершенно различно отъ чернаго; всѣ преимущества были на сторонѣ высшаго духовенства, напротивъ того нисшее духовенство не пользовалось льготнымъ владѣніемъ землею, правомъ суда и администраціи; оно даже не было обезпечено съ матеріальной стороны, оно зависѣло отъ прихода, кото-

рый самъ выбиралъ въ священники того, кого считали за лучшаго человѣка. За тѣмъ на основаніи Номаконона къ вѣдомству духовенства должны были быть отнесены всѣ благотворительныя заведенія, всѣ убогія, больные, сироты, вообще лица безпомощные были предоставлены надзору и покровительству духовенства. Начало многихъ благотворительныхъ заведеній древней Руси на основаніи этого имѣло свой почина въ духовенствѣ. Когда въ древнее время при различныхъ распряхъ и раздорахъ между свѣтскими и духовными властями нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ упрекали въ томъ, что они собранныя деньги въ церкви, не обращали на богоугодныя дѣла, тогда въ опроверженіе этого епископы доказывали сколько на церковныя деньги они содержатъ странниковъ, сколько частныхъ лицъ и вообще сколько бѣдныхъ находится при церкви. Начало подобнаго положенія было постановлено номаконономъ.

На основаніи номоканона и устава св. Владиміра церковь получила значительныя свѣтскія права. Разсмотримъ значеніе этихъ правъ: во первыхъ, св. Владиміръ, желая сразу обезпечить матеріальное положеніе церкви и духовенства, сначала назначилъ десятую часть всѣхъ своихъ доходовъ въ пользу церкви, и это то обѣщаніе давать церкви десятую часть того, что принадлежитъ князю, образовало такъ называемую десятину. Это названіе удержалось у насъ на Руси долго, такъ что и самая церковь въ Кіевѣ носила названіе десятинной. Впослѣдствіи этому обычаю подражали и другіе князья (*) въ религіозномъ желаніи обезпечить церковь навсегда. Церковь давно уже была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи, но подобныя пожертвованія въ пользу ея не прекращались: не только князья, но и бояре и прочіе классы народа старались обогащать церковь различными вкладами, пожертвованіями. Наконецъ, въ народѣ укоренился обычай, что умирающій долженъ, въ

(*) Ярославъ, Мстиславъ Влад., Всеволодъ Мстис., Ростиславъ Смоленскій и Святославъ Новгор.—дали церковные уставы.

силу своего духовнаго завѣщанія, заботиться и о церкви. Этотъ то обычай и объясняетъ намъ тѣ огромныя богатства и ту обширность поземельныхъ владѣній, которыми пользовалось русское духовенство. Поэтому то, принимая въ соображеніе обширность этихъ владѣній, принадлежащихъ церкви, которую насчитываютъ почти до $^1/_3$ всѣхъ государственныхъ земель зависящихъ отъ церкви, весьма замѣчательны были тѣ преимущества, которыя были предоставлены церкви на этихъ земляхъ. Эти преимущества заключались, во первыхъ, въ правѣ своего суда: церковь имѣла свой судъ не только въ дѣлахъ чисто церковныхъ, но и въ дѣлахъ гражданскихъ, которыя были отнесены къ суду церкви, какъ то: брачные разводы, заботы о сиротахъ, т. е. дѣла по завѣщанію, дѣла о спорѣ между наслѣдниками въ одномъ и томъ же имуществѣ, и сверхъ того, дѣла о нѣкоторыхъ преступленіяхъ и вообще по такимъ поступкамъ и противозаконнымъ дѣйствіямъ, которыя, кромѣ вреда общественнаго, заключали что нибудь противунравственное. Сужденіе о всѣхъ подобныхъ дѣлахъ было предоставлено духовенству. Съ этимъ въ связи находилось взиманіе особенной пени или штрафа подобно тому, какъ свѣтская власть взимала виры или денежный штрафъ за нѣкоторыя преступленія. Во многихъ древнихъ законахъ мы встрѣчаемъ опредѣленія денежнаго взиманія въ пользу князя и митрополита или церкви, потому что преступленіе принадлежало къ числу противонравственныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, новая причина, объясняющая богатство церкви и матеріальное пріобрѣтеніе имущества. Итакъ духовенство было обременено множествомъ дѣлъ: съ одной стороны управленіе самой церкви, постепенное обращеніе остальныхъ язычниковъ составляло постоянное занятіе первыхъ нашихъ духовныхъ лицъ; съ другой стороны на немъ были дѣла свѣтскія. Для управленія обширными землями надобно было содержать своихъ должностныхъ лицъ и вотъ появляются намѣстники и волостели; также упоминаются въ смыслѣ должностныхъ лицъ владѣтельные бояре, тіуны, приставники, сборщики и тому подобныя лица. Такимъ образомъ въ составѣ об-

щаго государственнаго устройства образуются два рода должностныхъ лицъ: съ одной стороны намѣстники, посадники и должностныя лица княжеской службы, а съ другой стороны высшія и низшія должностныя лица, исполняющія свѣтскія обязанности должностныхъ лицъ въ духовныхъ владѣніяхъ. Затѣмъ для управленія землями духовенство ввело свой особый порядокъ, который не соблюдался въ прочихъ земляхъ. Нужно сказать, что въ Византіи былъ обычай составлять инвентарныя описанія земель; инвентарныя книги были не что иное, какъ подробныя описи того, что принадлежитъ духовенству, съ указаніемъ границъ, качества земли, доходовъ, которые могутъ быть собраны съ земли, однимъ словомъ встрѣчаются и статистическія и экономическія описанія земли. Греки понимали всю важность и необходимость самыхъ точныхъ и подробныхъ описаній поземельнаго владѣнія. У насъ греки получили право на владѣніе обширными поземельными владѣніями и завели подробное описаніе земель; эти описанія земель вводятъ особое прочное устройство въ земляхъ церкви. Этотъ порядокъ служилъ причиною того, что въ народѣ укоренилось понятіе о поземельной собственности, т. е. что каждый владѣлецъ долженъ пользоваться своимъ участкомъ не заходя за предѣлы своего участка; а такъ какъ съ извѣстнымъ объемомъ земли соединялась впослѣдствіи и обязанность уплаты опредѣленной дани, то примѣръ духовенства, которое вело правильное устройство, имѣлъ важное послѣдствіе для порядка въ финансовомъ отношеніи при сборѣ дани. Наконецъ, кромѣ права суда и кромѣ права на поземельное владѣніе, церковь получила важное и существенное право, а именно: производить торговлю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и собирать пошлину за право торговли. Не нужно удивляться тому, что церкви дано было такое преимущество, несогласное съ ее назначеніемъ, но образецъ этого былъ въ Византіи. Въ Византіи духовенству былъ предоставленъ постоянный надзоръ за торговлею, надъ мѣрою и вѣсами, самыя даже мѣры и вѣсы хранились въ византійскихъ церквахъ. Смыслъ этого былъ тотъ, что народъ имѣлъ довѣріе къ торговцамъ лишь потому,

что за правильностью вѣсовъ имѣютъ надзоръ епископы и прочія лица. У насъ не было правильной системы мѣры и вѣсовъ, но въ силу устава былъ предоставленъ надзоръ за мѣрами и вѣсами духовенству.

Этимъ правомъ воспользовалось духовенство съ большою пользою для себя; такъ еще въ древнія времена монастыри пользовались праздниками, чтобы во время ихъ производить торговлю въ оградѣ монастырской различными предметами. Само собою разумѣется, что не само духовенство занималось торговлею, но позволяло производить торговлю народу и получало за то значительную пошлину; это было началомъ самыхъ древнихъ ярмарокъ въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началомъ постояннаго права духовенства имѣть надзоръ за торговлею въ мѣстахъ, принадлежащихъ церкви. Когда внутренняя торговля была не развита, по недостатку торговыхъ городовъ въ собственномъ смыслѣ слова, въ это отдаленное время, земли монастырскія были самымъ удобнымъ мѣстомъ для производства подобныхъ торговыхъ оборотовъ. Кромѣ того, была еще другая причина, которая привлекала народъ заниматься торговлею болѣе на земляхъ духовныхъ, нежели на земляхъ княжескихъ и другихъ свѣтскихъ лицъ. Причина этого была та, что на земляхъ духовенства никакой княжескій чиновникъ, никакая свѣтская власть не могли имѣть никакого вліянія. Еще св. Владиміръ запретилъ тіунамъ вмѣшиваться въ какія либо дѣла, касающіяся управленія церкви, права суда и также права торговли. Таковы были преимущества, которыя получило духовенство съ самыхъ древнихъ временъ.

VIII ЛЕКЦІЯ.

Внѣшняя исторія.

Всѣ тѣ преимущества, о которыхъ было сказано касательно церкви, выражены въ такъ называемомъ церковномъ уставѣ св. Владиміра. Этотъ древнѣйшій

законъ по дѣламъ церкви и составляетъ основаніе всѣхъ послѣдующихъ церковныхъ уставовъ, какъ важнѣйшій въ ряду церковныхъ постановленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, касающійся многихъ свѣтскихъ отношеній: этотъ древнѣйшій памятникъ законодательства весьма важенъ въ исторіи права. На этомъ основаніи мы займемся разсмотрѣніемъ его содержанія и тѣхъ сомнѣній и возраженій, которыя возбуждены между учеными изслѣдователями права касательно вопроса о томъ, дѣйствителенъ ли этотъ уставъ, не подложенъ ли онъ, и дѣйствительно ли далъ его св. Владиміръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до позднѣйшаго времени. Дошло нѣсколько списковъ церковнаго устава св. Владиміра, но текстъ и содержаніе нѣсколько различаются: въ однихъ содержаніе устава болѣе кратко, а въ другихъ болѣе пространно. На этомъ основаніи отличаютъ краткую и полную редакцію устава св. Владиміра. Краткая редакція находится въ спискахъ такъ называемой новгородской кормчей книгѣ и въ кормчихъ 13 и 15 вѣка, а также въ Степенной книгѣ и въ древней русской вивліоѳики, но и самые списки въ кормчей книги различны, а потому въ однихъ изъ нихъ редакція болѣе сжата, въ другихъ болѣе пространна (*). Самое лучшее изслѣдованіе, относящееся къ содержанію древнихъ церковныхъ уставовъ принадлежитъ профессору Неволину. Неволинъ, обозрѣвая содержаніе этаго устава, обратилъ вниманіе на различныя сомнѣнія, которыя возникли въ отношеніи достовѣрности устава св. Владиміра. Онъ старался или объяснить эти сомнѣнія въ пользу достовѣрности устава или высказать по крайней мѣрѣ свои предположенія. Сомнѣнія, касающіяся подложности и недостовѣрности этого устава, заключаются въ слѣдующемъ: въ уставѣ есть рѣзкая несообразность, именно говорится, что Владиміръ принялъ крещеніе отъ патріарха Фотія, между тѣмъ, Фотій жилъ за долго до Владиміра и умеръ въ IX вѣкѣ. Но это сомнѣніе разрѣшается тѣмъ, что списки

(*) Лучшій текстъ устава находится въ 1 т. допол. къ истор. акт. изд. археографическою коммисіею.

уставовъ дошли до насъ путемъ различныхъ перепи-сокъ. Переписчики, не знающіе византійской хронологіи, въ переложеніи могли сдѣлать подобныя ошибки, которыя повторялись и въ другихъ спискахъ, но, собственно говоря, здѣсь нѣтъ ошибки, потому что, какъ это доказано изслѣдованіемъ ученыхъ, нужно понимать это въ томъ смыслѣ, что Владиміръ принялъ *вѣру Фотія*. Затѣмъ сомнѣнія возникали касательно того, что въ церковномъ уставѣ св. Владиміра упоминаются нѣкоторыя такія учрежденія, которыя не могли существовать на Руси въ тогдашнее время. Странно было бы предположить, говорятъ нѣкоторые, чтобы на Руси были больницы, страннопріимные дома и другія учрежденія, слѣдовательно, онъ не принадлежитъ ко времени Владиміра, а слѣдовательно недостовѣренъ. Неволинъ объяснилъ, что этотъ древній уставъ, есть заимствованіе съ греческаго намоканона. Въ Греціи же всѣ подобныя учрежденія существовали и находились въ завѣдываніи у духовенства. Могли возникнуть они и у насъ на Руси, слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что Владиміръ желая опредѣлить не только то, что существовало въ его время, но что могло возникнуть и послѣ упомянулъ и объ этихъ самыхъ учрежденіяхъ. Притомъ мы коснулись того общаго замѣчанія, что св. Владиміръ старался не уменьшить правъ церкви но сохранить буквально всѣ греческія постановленія, опредѣляющія права и преимущества церкви. Затѣмъ указываютъ на противорѣчія въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ касательно преступленій, какъ то: нѣкоторыя преступленія въ подробномъ уставѣ принадлежатъ вѣдомству и суду духовенства, а по уставу Ярослава къ вѣдомству и суду княжескихъ чиновниковъ. Противорѣчіе это кажущееся, потому, что другія изслѣдованія показываютъ намъ что за одно и тоже преступленіе назначалось двоякое наказаніе: одно свѣтское въ пользу князя, а другое въ пользу митрополита, церкви; однимъ словомъ всѣ противорѣчія лишь только кажущіеся и если внимательно сообразить, то эти возраженія теряютъ всякое свое значеніе; съ другой стороны исполнялась ли практическая примѣ-

нимость въ смыслѣ закона, то доказывается множествомъ фактовъ: въ особенности вѣковымъ существованіемъ этого устава, многими списками, которые найдены во всѣхъ концахъ Россіи, слѣдовательно какъ доказательство, что онъ имѣлъ значеніе не въ одномъ мѣстѣ а дѣйствовалъ на большомъ пространствѣ. Другое доказательство состояло въ томъ, что духовенство на всѣхъ соборахъ признавало древній уставъ св. Владиміра за подлинникъ; оно дѣлало дополненіе и объясненія этого закона. Третье доказательство въ подлинности устава заключается въ самой лѣтописи Нестора. Лѣтописецъ повѣтсвуя о принятіи христіанства, говоритъ, что Владиміръ принялъ не только вѣру, но и получилъ изъ Греціи первыя церковныя книги; слова и выраженія устава отличаются древностью. Что касается до объема, то объемъ этого устава незначителенъ и онъ состоитъ изъ довольно краткаго изложенія, именно: сначала говоритъ св.Владиміръ, что онъ по совѣщанію со своими людьми и со всѣми князьями и боярами далъ церкви особенный уставъ и, по совѣщанію съ митрополитомъ и съ прочими епископами Руссокой земли, поручилъ его приводить въ исполненіе; затѣмъ онъ завѣщаетъ своимъ потомкамъ не нарушать установленныхъ правилъ для того, чтобы не заслужить кары Божіей; далѣе исчисляются предметы подсудные духовенству въ подробности. Эти предметы мы уже знаемъ: дѣла брачныя, о разводѣ, объ опекѣ, о суевѣріяхъ, святотатствѣ и всѣ дѣла о людяхъ подвластныхъ вѣдомству церкви. Кромѣ того Уставъ опредѣляетъ правило надзора церкви за торговыми мѣрами и вѣсами, и установляетъ десятую часть судебныхъ доходовъ, князя и частныхъ его доходовъ, а также десятую часть отъ казенныхъ торговыхъ пошлинъ въ пользу церкви.

Далѣе слѣдуетъ исчисленіе лицъ подсудныхъ церкви: 1) духовенство 2) отпущенные на волю рабы, паломники, старцы, вдовы, сироты, лѣкаря и убогія; монастыри, пріюты, больницы, гостинницы—также подсудны церкви. Таково содержаніе устава. Кромѣ устава св. Владиміра, къ числу древнѣйшихъ памятниковъ законодательства относится и уставъ Ярослава. Уставъ

этотъ вызвалъ еще болѣе сомнѣнія въ отношеніи его подлинности, достовѣрности, нежели уставъ Владиміра. Списки церковнаго устава Ярослава дошли гораздо позже списковъ Владиміра. По различнымъ мѣстамъ, гдѣ найдены были списки, они раздѣляются на двѣ редакціи: на русскую редакцію и западнорусскую. Различіе между ними въ томъ, что западнорусская редакція представляетъ еще болѣе основанія для сомнѣнія, нежели восточная и потому что она кратче и потому что она заключаетъ болѣе противорѣчія съ Русскою Правдою, нежели списки восточные, такъ какъ въ ней недостаетъ многихъ словъ и выраженій. Списки устава Ярослава наиболѣе искаженные называются свитками или правилами Ярослава; ими преувеличены права и преимущества духовенству ссылаясь на то, что основаніемъ есть льготы данныя Ярославомъ. Что касается до болѣе точныхъ изданий церковнаго устава Ярослава, то они являются въ первый разъ въ лѣтописи (*) подъ 1058 г., затѣмъ въ примѣчаніи къ „Исторіи" Карамзина, потомъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, напр. въ временникѣ истор. общество въ суздальской лѣтописи XV вѣка. Содержаніе этаго устава заключаетъ въ себѣ подтвержденіе правъ и преимуществъ, предоставленныхъ духовенству первоначальнымъ уставомъ. Въ немъ дѣйствительно встрѣчаются нѣкоторыя выраженія подающія поводъ къ сомнѣнію. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые пени и штрафы исчисляются рублемъ, тогда какъ положительно извѣстно, что этой монеты тогда не существовало. Затѣмъ, между содержаніемъ устава Ярослава и содержаніемъ Русской Правды встрѣчаются значительныя противорѣчія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Если эти противорѣчія съ древнимъ уставомъ Владиміра не могутъ имѣть значенія, то по отношенію къ самому Ярославу, по отношенію къ его времени, они имѣютъ гораздо большее значеніе. Если мы встрѣчаемъ противорѣчія объ одномъ и томъ же предметѣ и въ Русской Правдѣ и въ церковномъ уставѣ, который приписывается Ярославу, то

(*) Архангельской [illegible]

это противорѣчіе не можетъ быть ни чѣмъ объяснено, потому что объ однихъ и тѣхъ же предметахъ Ярославъ не могъ постановить совершенно противоположное рѣшеніе. Не только эти соображенія не говорятъ въ пользу достовѣрности этаго устава, но и слогъ, языкъ и выраженія слишкомъ новы, слишкомъ молоды для той эпохи, къ которой можно было бы отнести уставъ; если признать его достовѣрнымъ и сличить одинаковые предметы устава съ тѣми же предметами Русской Правды, то они различны. Далѣе мы встрѣчаемъ названія о такихъ предметахъ, которые не могли быть во время Ярослава, напр. пошлины рублями и, наконецъ, встрѣчая различіе въ самомъ языкѣ, оборотахъ, нельзя признать древній уставъ Ярослава за уставъ, дѣйствительно данный самимъ Ярославомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ уставъ былъ составленъ безъ авторитета, безъ утвержденія власти. Дѣло въ томъ, что составитель устава могъ быть не Ярославъ, но что уставъ могъ быть данъ гораздо позже Ярослава какимъ нибудь другимъ княземъ, также Ярославомъ. Но что онъ имѣлъ силу закона, то это можно заключить изъ нѣкоторыхъ списковъ, дошедшихъ изъ отдаленнаго времени и во 1) изъ того обстоятельства, что въ постановленіяхъ этаго устава нѣтъ никакихъ существенныхъ измѣненій противъ тѣхъ первоначальныхъ постановленій, которыя церковь получила при введеніи христіанства. Соображая всѣ эти данныя нужно сказать, что церковный уставъ Ярослава имѣлъ силу закона, хотя нѣтъ доказательствъ, что онъ данъ дѣйствительно Ярославомъ; онъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ нашихъ книгахъ, въ нѣкоторыхъ сборникахъ церковныхъ постановленій, а это большое доказательство въ пользу авторитета въ смыслѣ закона. На позднѣйшихъ церковныхъ соборахъ этотъ уставъ не приводится самымъ духовенствомъ въ смыслѣ основанія, на которое ссылалось духовенство, но изъ этого нельзя заключить, что духовенство не признавало, что этотъ уставъ имѣлъ силу закона. Если оно не соглашалось на это, то потому, что могло ссылаться на законъ более древній, именно на церковный уставъ Св. Владиміра. При-

томъ, такъ какъ этотъ древній уставъ не имѣлъ существенныхъ перемѣнъ противъ постановленій Св. Владиміръ, то этою скудностію своего содержанія онъ могъ потерять съ теченіемъ времени всякое значеніе, какъ законъ, который не постановлялъ ничего новаго, а только подтвердилъ то, что существовало до него. Мы остановились на опредѣленіи значенія древнихъ уставовъ съ нѣкоторою подробностію именно потому, что въ этихъ уставахъ выразилось юридическое вліяніе христіанства на государство и частный бытъ тогдашняго времени. Мы говорили о значеніи принятія христіанства, мы указали результатъ этого вліянія, преобразованія, произшедшія вслѣдствіе принятія христіанства, но они всѣ основывались на извѣстныхъ законахъ. Мы должны были указать памятники законодательства, въ которыхъ они были въ первый разъ выражены и слѣд. этотъ уставъ, въ особенности церковный уставъ Св. Владиміра, важенъ не потому, что онъ представлялъ какое либо подробное и разнообразное содержаніе, но потому что это есть первый законъ, въ силу котораго распространилось на Руси византійское вліяніе За тѣмъ, опредѣливъ значеніе этой эпохи, мы перейдемъ къ другому замѣчательному явленію въ исторіи русскаго права и именно къ Русской Правдѣ Ярослава, появленіе которой въ 1019 г. произвело существенныя перемѣны въ томъ отношеніи, что обычный элементъ, ослабѣвшій и почти уже потерявшій свою жизненную силу, получилъ снова эту силу. Чтобы оцѣнить значеніе русской правды, нужно прежде всего быть убѣжденнымъ въ томъ, что обычаи, какъ бы они не были хороши, имѣютъ тѣ существенные недостатки, что они никогда не замѣняютъ письменнаго закона и никогда не поддержатъ такъ крѣпко порядокъ, какъ можетъ быть поддержанъ порядокъ закономъ письменнымъ. Письменный законъ, законъ власти, облекшійся не въ форму одного только словеснаго приказанія, а вылившійся въ формѣ юридической формулы, получаетъ силу гораздо болѣе крѣпкую, нежели обычай, который хотя и живетъ въ памяти народа, но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе забывается и теряетъ вообще свое

значеніе; именно въ такомъ положеніи и находилась Русь до Ярослава. Съ одной стороны она была государствомъ остановившимся и имѣющимъ свои правильныя государственныя формы, государствомъ, въ которомъ была высшая власть, въ которомъ были различные классы народа, различныя учрежденія, и наконецъ государствомъ, въ которомъ были уже и нѣкоторые законы. Какіе это были законы? Это были только словесныя приказанія князя, которыя сохранялись въ памяти его приближенныхъ, но не у всего народа. Во всемъ остальномъ порядокъ держался на основаніи обычаевъ и въ то время, когда церковныя отношенія въ государствѣ опредѣлялись закономъ положительнымъ, для многихъ другихъ дѣлъ, не было подобныхъ письменныхъ законовъ. Однимъ словомъ, примѣръ Св. Владиміра, который списавъ уставъ, этимъ какъ бы далъ право списать другой уставъ, но списать его съ самой жизни народа, съ самыхъ обычаевъ, на которыхъ основывался порядокъ тогдашняго времени, этотъ примѣръ долженъ былъ осуществиться и онъ дѣйствительство осуществился тѣмъ, что Ярославъ былъ первый законодатель русскій, который придалъ многимъ приказаніямъ князей и обычаямъ, которыя хранились въ памяти народа, силу закона, составивъ такъ называемую русскую правду. Появленіе русской правды въ смыслѣ устава, но не для дѣлъ церковныхъ, а для дѣлъ свѣтскихъ въ смыслѣ устава для самой жизни народа, въ высшей степени важно. Самъ Несторъ понималъ важность этаго устава, хотя и выразилъ свое сознаніе въ одномъ словѣ: именно онъ говоритъ, что Ярославъ, списавши этотъ уставъ, сказалъ народу: „по сей грамотѣ ходите“, т. е. по этому закону живите, „управляйтесь, судитесь“ и эту-то русскую правду онъ въ первый разъ далъ своимъ судьямъ для того, чтобы они судили по правдѣ. Отсюда и самое названіе Русской Правды. Появленіе письменнаго закона у каждаго народа составляетъ важный шагъ въ развитіи, важную ступень въ его общественномъ совершенствѣ. Эту-то ступень мы видимъ въ появленіи Русской Правды. И такъ государство существовало, но порядокъ въ немъ

установился, при подчиненіи власти княжеской первоначально на обычаяхъ. Князь посылалъ своихъ должностныхъ лицъ, своихъ слугъ для управленія и суда, но того чѣмъ они должны были руководствоваться при разрѣшеніи споровъ вообще, при опредѣленіи того, что право, что не право не было. Княжескіе чиновники для веденія дѣла должны были прежде обратиться къ народу и спросить какіе у нихъ обычаи. Примѣръ этому встрѣчается и въ лѣтописи при судѣ княжескаго намѣстника. Слѣдовательно, при отсутствіи такого руководящаго начала, появленіе устава письменнаго и общаго, потому что онъ разсматривалъ различныя части законодательства, опредѣлялъ подробно и уголовныя постановленія и постановленіе гражданскаго быта, есть признакъ значительной степени благоустройства государства. Такимъ образомъ Русская Правда составляетъ эпоху въ исторіи права. Затѣмъ выдвигаются различныя соображенія въ отношеніи того, кѣмъ издана Русская Правда и что такое Русская Правда? Признавать ли самаго Ярослава составителемъ этаго устава или только по повелѣнію Ярослава составителемъ былъ кто нибудь другой? Что Русская Правда принадлежитъ самому Ярославу, т. е. что этотъ уставъ получилъ отъ него силу въ смыслѣ закона, въ этомъ отношеніи нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Лѣтопись повѣствуетъ о происхожденіи этого устава въ томъ мѣстѣ, гдѣ Несторъ говоритъ, что Ярославъ, съ помощію Новгорода, покончилъ завоеванія и обратился къ дѣламъ мірскимъ; тамъ же лѣтопись прибавляетъ, что Ярославъ отпустилъ Новгородцевъ, надѣлилъ ихъ богатыми дарами, благодарилъ ихъ за службу и помощь и затѣмъ давъ уставъ, сказалъ: „по сей грамотѣ ходите". Но эти слова дали поводъ къ такому сомнѣнію, что Русская Правда дана не для всей земли Русской, но только для Новгорода. Ложность этого заключенія дѣлается понятною изъ того простаго соображенія, что въ Русской Правдѣ предѣлялись дѣла не только касающіяся Новгородской области, но и во всѣхъ отдѣльныхъ княжествахъ, и во 2) уже сыновья Ярослава собираются на съѣздахъ и совѣща-

ются о томъ, какимъ образомъ дополнить нѣкоторыя постановленія Русской Правды. Этотъ фактъ доказываетъ то, что, владѣя отдѣльными удѣлами, они все-таки считали необходимымъ сдѣлать перемѣны въ Русской Правдѣ; слѣдовательно, Русская Правда была закономъ во всѣхъ княжествахъ, а не въ одной Новгородской области. Итакъ, слѣдовательно, Русская Правда получила силу закона отъ Ярослава. Ярославъ могъ поручить составленіе этаго закона кому-нибудь изъ лицъ грамотныхъ и свѣдущихъ въ тогдашнее время. Во всякомъ случаѣ Русская Правда сохранилась въ Несторовой лѣтописи, затѣмъ во множествѣ списковъ или рукописяхъ; въ различныхъ послѣдующихъ законахъ и постановленіяхъ упоминаются статьи Русской Правды На томъ основаніи, что Русская Правда примѣнялась съ нѣкоторыми добавленіями, слѣдовательно не въ томъ видѣ, какъ она была дана первоначально различаютъ Правду краткую и пространную.

Русская Правда найдена Татищевымъ въ одной изъ Новгородскихъ лѣтописей XV вѣка, хранящейся въ Академіи наукъ, въ первый разъ она издана Шлецеромъ въ 1767 г., а во 2-й разъ Академіею наукъ при изданіи Татищевской рукописи. Послѣ этого изданія отысканы были другіе списки болѣе подробныя въ Ростовской лѣтописи и въ Кормчей книги. Въ 1792 г. и 1799 г. Болтинъ издалъ Русскую Правду на основаніи нѣскольких списковъ. — Затѣмъ послѣдовали изданія Русской Правды Московскимъ обществомъ исторіи и древностей въ 1815 г.,—Строевымъ въ 1821 г., Дубенскимъ въ 1843 г. и Калачевымъ въ 1846 г., на основаніи многихъ списковъ и другое изданіе его же въ 1846 г. по четыремъ главнѣйшимъ спискамъ: академическому, троицкому (изъ кормчихъ), карамзинскому и по списку кн. Оболенскаго; изданія Калачева—лучшія и наиболѣе удобныя для справокъ съ текстомъ.

IX ЛЕКЦІЯ.

Подъ именемъ Русской Правды нельзя разумѣть сборника законовъ, относящихся собственно только къ Ярославу, но что Русская Правда имѣетъ значеніе, какъ Правда Ярослава, и какъ дополненная законами его преемниковъ, его сыновьями и послѣдующимъ законодательствомъ. Это послѣдующее развитіе и дополненіе къ Русской Правдѣ дало основаніе отличать ее въ смыслѣ Правды краткой и пространной. Краткая Русская Правда заключается въ 17 статьяхъ уголовныхъ законовъ, принадлежащихъ времени Ярослава. Пространная Русская Правда является въ видѣ Правды Ярослава съ прибавленіемъ остальныхъ статей установленныхъ послѣдующими князьями въ теченіи XI и XII вѣка. Но пространная Русская Правда за исключеніемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ значеніи статей краткой Русской Правды содержитъ въ себѣ, и повтореніе ея постановленій, собственно говоря, это есть не отдѣльный сборникъ законовъ, но это есть болѣе или менѣе пространные списки одного и того же закона. Такъ что въ пространныхъ спискахъ совмѣщаются постановленія краткихъ списковъ съ послѣдующими прибавленіями. Содержаніе Русской Правды относится къ различнымъ частямъ законодательства, но не равномѣрно, такъ наибольшая часть постановленій Русской Правды относится къ опредѣленію преступленій и наказаній слѣд. къ уголовному законодательству. Въ этомъ отношеніи не только Русская Правда, но и первые сборники у каждаго другого народа отличаются тѣмъ же самымъ характеромъ. Они наполнены опредѣленіемъ наказаній за преступленія, и естественно, потому что законодатель на первый разъ старается познакомить народъ съ требованіемъ порядка или запретить обычаи, которые вредны для государства и общества. Поэтому въ Русской Правдѣ преимущественное содержаніе посвящено закону уголовному. Кромѣ того въ Русской Правдѣ находятся поста-

новленія касательно самаго порядка суда. Весьма естественно, что законодатель опредѣливъ преступленія и наказанія счелъ необходимымъ опредѣлить и самый порядокъ суда въ случаѣ совершившагося преступленія. Кромѣ того находятся постановленія относящіяся къ гражданскому законодательству, постановленія о поземельной собственности, постановленія о наслѣдствѣ, объ опекѣ, о различныхъ договорахъ или условіяхъ между частными лицами. Между этими постановленіями встрѣчаются отдѣльные законы, касающіеся опредѣленія различныхъ классовъ или сословій тогдашняго времени съ опредѣленіемъ нѣкоторыхъ особенныхъ ихъ преимуществъ. При опредѣленіи нѣкоторыхъ законовъ въ Русской Правдѣ встрѣчаются опредѣленія такихъ предметовъ, которые указываютъ на нѣкоторую уже степень развитія благоустройства въ тогдашнее время, нѣкоторыя постановленія, касающіяся городовъ и сельскаго хозяйства, нѣкоторыя постановленія касательно торговой промышленности, также касательно ремеслъ, замѣчательныя въ томъ отношеніи, какъ указанія, что общественная жизнь народа достигла уже нѣкоторой степени развитія. Коль скоро является законъ о торговлѣ, о ремеслахъ, то такія опредѣленія въ законѣ, указываютъ что задолго всѣ эти предметы существовали, что народъ жилъ далеко не патріархальною жизнію. Такимъ образомъ, изучая Русскую Правду, основаніе нашего древняго законодательства, мы должны дорожить всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать основаніе къ заключенію о бытѣ тогдашняго времени, т. е. независимо уголовнаго и гражданскаго законодательства мы должны указать и на отдѣльныя слова и выраженія Русской Правды, изъ которыхъ можно было бы вывести заключеніе о тогдашнихъ юридическихъ отношеніяхъ. Съ этою цѣлью мы остановимся на весьма пространномъ разборѣ Русской Правды. Сначала разберемъ Правду самого Ярослава, *Правда Ярослава* 1019 года по содержанію своему заключаетъ; 1) законы объ убійствѣ 2) о личныхъ оскорбленіяхъ и 3) о преступленіяхъ противъ права собственности, она начинается закономъ объ убійствѣ. Этотъ законъ, а равно и нѣкоторые слѣдующіе опредѣляютъ не

столько значеніе убійства, какъ преступленія, сколько послѣдствія того преступленія. Это начало Русской Правды имѣетъ нѣкоторыя отношенія къ предъидущему законодательству. Такъ, мы видимъ связь между этою первою статьею Русской Правды съ тѣмъ закономъ русскимъ, о которомъ упоминается въ договорѣ русовъ съ греками, гдѣ право мести было предоставлено *всѣмъ* родственникамъ. Эта статья есть слѣдующая: если убъетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, любо отцу, любо сыну, любо брату чаду, любо братню сынови, оже не будетъ кто его мстяй, то положить за голову 80 гривенъ; аще ли будетъ княжъ мужъ или тіунъ княжъ, аще ли будетъ русинъ, горожанинъ или гридь, или купецъ, или тіунъ боярскій, или мечникъ любо изгой или словѣнинъ 40 гривенъ положити зань. Изъ этой статьи мы видимъ, что въ дѣлахъ по убійству во время Ярослава основаніемъ закона принималась еще месть какъ вѣковой обычай. Понятіе народа того времени еще не могло оторваться отъ этого кореннаго и древняго родственнаго обычая, но тѣмъ не менѣе эта статья указываетъ, что общество уже сознавало весь вредъ, происходящій отъ такого обычая мести, и въ законѣ Ярослава ограничило его извѣстными степенями родства. Вотъ почему первыя приведенныя слова статьи закона опредѣляютъ, кто имѣетъ *право* мстить, а именно только ближайшіе родственники убитаго: отецъ, сынъ, братъ, племянникъ и дядя могли мстить убійцѣ. Никто болѣе не имѣлъ права мстить. Если же не было ближайшихъ родственниковъ убитаго, въ такомъ случаѣ никто не могъ мстить и взыскивалось съ убійцы въ пользу родственниковъ убитаго 80 или 40 гривенъ за каждаго свободнаго человѣка. Замѣтимъ, что вира взыскивалась за убійство свободнаго человѣка, а не за убійство раба. За убійство раба не позволялось мстить даже ближнимъ родственникамъ. Затѣмъ статья эта замѣчательна и въ другомъ отношеніи. Мы видимъ, что жизнь убійцы ограждается отъ мести не только опредѣленіемъ права ближайшихъ родственниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и взысканіе съ имущества, которому онъ можетъ подвергаться, опредѣляется также извѣстнымъ размѣромъ. Напримѣръ, въ

договорѣ Олега мы видѣли, что родственники убитаго могли взять все имущество: убійца долженъ былъ отдать все, что имѣетъ и долженъ подтвердить клятвою, что у него ничего нѣтъ. Все имущество убійцы отбиралось въ пользу родственника убитаго. Здѣсь мы видимъ ограниченіе самоуправства: нельзя отобрать все имущество, но можно взыскать только постановленное закономъ. Не смотря на эти ограниченія, месть все-таки осталась, и получила значеніе *права*, хотя ограниченнаго, но твердого въ силу закона. До сихъ поръ месть была обычаемъ, съ этого времени она сдѣлалась правомъ, закономъ. Затѣмъ законъ упомянутый не входитъ въ разбирательство, правъ или виноватъ совершившій убійство, т. е. убитый подалъ-ли поводъ, оскорбилъ-ли, что было побужденіемъ, вслѣдствіе котораго совершилось преступленіе. Таковъ вообще характеръ древняго закона. Онъ еще не входитъ въ изслѣдованіе причинъ или побужденій, онъ не разбираетъ, было-ли убійство сознательно или несознательно, произошло-ли оно вслѣдствіе оскорбленія, или какихъ либо другихъ причинъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что является въ первый разъ мысль закона о томъ, что преступленіе нужно судить не въ силу того, что оно окончилось убійствомъ, но нужно судить о томъ, былъ-ли умыселъ, сознаніе и карать не видимое послѣдствіе преступленія, а причину, которая произвела это послѣдствіе. И въ той же самой Русской Правдѣ (пространной) мы найдемъ и первые проблески развитія законодательства въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ важно то, что первое преступленіе и самое значительное имѣетъ характеръ опредѣленный закономъ, обращающимъ вниманіе только на *послѣдствія* преступленія. Законъ говоритъ о томъ, какому наказанію можно подвергать убійцу, но не разбираетъ совершено ли убійство случайно или умышленно. Такъ что для закона все равно, съ умысломъ-ли, или безъ умысла было убійство. Во всякомъ случаѣ, если убійство было, то оно даетъ право мести ближнему родственнику, или право виры. Смыслъ этого закона заключается въ томъ, что онъ желаетъ устранить вредныя послѣдствія мести, но не могъ этого сдѣлать

вполнѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что законодатель могъ совершенно отмѣнить право мести, и сыновья Ярослава въ пространной Правдѣ запрещали и самымъ близкимъ родственникамъ мстить. Наказаніе является въ этомъ древнемъ законѣ съ чисто частнымъ характеромъ, оно назначается въ пользу родственниковъ безъ всякаго общественнаго удовлетворенія. Затѣмъ Правда Ярослава кромѣ убійства говоритъ объ различныхъ оскорбленіяхъ, въ которыхъ разбираются побои и опредѣляются наказанія за нихъ. Замѣчательно, что законъ этого времени смотритъ на личное оскорбленіе какъ на видимое дѣйствіе. Напримѣръ, законъ Ярослава не считаетъ личнымъ оскорбленіемъ брань, а считаетъ личнымъ оскорбленіемъ только нанесенныя раны, увѣчье побоями и притомъ только такія отъ которыхъ остались какія либо видимыя послѣдствія. И здѣсь мы видимъ еще неразвитость законовъ. Законъ опредѣляетъ огражденіе личныхъ правъ, только самымъ матеріальнымъ взглядомъ. Онъ понимаетъ, что надо ограждать жизнь, что надо судить преступленія, которыя не могутъ быть терпимы, но онъ еще не сознаетъ, что нужно ограждать и другія права (права чести) и по этому на основаніи Правды Ярослава брань не составляетъ оскорбленіе, преступленіе. Конечно этимъ выражалось то, что законодатель хотѣлъ въ каждомъ преступленіи видѣть слѣды преступленія; этотъ же характеръ виденъ и во всѣхъ другихъ постановленіяхъ Русской Правды. Въ законахъ о личныхъ оскорбленіяхъ также признано право мести: обиженный могъ или мстить обидчику или взыскать съ него удовлетвореніе, такъ если кто нанесъ другому побои до крови или синяковъ рукою, то платитъ три гривны выкупа за обиду и сверхъ того платитъ за леченіе. Послѣднее выраженіе замѣчательно въ томъ отношеніи, что во время Русской Правды существовали врачи, потому что законъ полагаетъ плату за обиду, и вмѣстѣ съ тѣмъ, особую плату необходимую за леченіе. Если кто кого ударитъ палкою или мечемъ, не обнаживши его, то платитъ *12* гривенъ за обиду; если кто ударитъ обнаженнымъ мечемъ, такъ что рука или нога отпадетъ, то платитъ

40 гривенъ; если кто отрубитъ палецъ, то платитъ *3* гривны; если кто вырветъ бороду или усъ, то платитъ *12* гривенъ; если кто кого толкнетъ, то платитъ *3* гривны, если кто обнажитъ мечь на кого либо, но не ударитъ то *1* гривну. Всѣ эти постановленія носятъ характеръ древнѣйшихъ законовъ; въ нихъ признается месть, какъ и въ договорахъ Олега и Игоря съ греками, но съ ограниченіемъ, и при томъ такъ, что самое взысканіе обиженному опредѣляется не самоуправствомъ, а судомъ. Именно въ связи съ этимъ находится статья Русской Правды: „о же придетъ кровавъ мужь на *двор* (т. е. въ судъ) или синь, то видока ему не искати, аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести видока"[4]. И такъ взысканіе опредѣлялось судомъ по доказательствамъ; притомъ замѣчательно, что законъ обращаетъ вниманіе на видимыя послѣдствія. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ поддерживается, нѣкоторымъ образомъ, прежнее право мести, но замѣняется денежнымъ штрафомъ. Другая особенность этихъ постановленій та: чтобы подвергать виновнаго всѣмъ послѣдствіямъ этого наказанія, нужно доказать преступленіе и Русская Правда требуетъ, чтобы подобныя преступленія были доказаны или знакомъ, оставшимся на тѣлѣ, или свидѣтелями, которые называются видоками. Замѣчательно то, что подобныя же постановленія находятся въ договорѣ руссовъ съ греками, но тамъ, для того, чтобы подвергать виновнаго наказанію, нужно доказать существованіе подобнаго преступленія не только знаками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и присягою. Русская Правда требуетъ напротивъ, не присягу, а указанія свидѣтелей. Затѣмъ оградивъ жизнь отъ личныхъ обидъ и оскорбленій, Русская Правда ограждаетъ собственность или имущество и, въ этомъ отношеніи, характеръ ея сходенъ съ древними законами всѣхъ другихъ народовъ. Первое, о чемъ заботится законъ, есть ограждение личнаго права, затѣмъ ограждается собственность, имущество. Такъ какъ имущество составляетъ всегда драгоцѣнное право человѣка, то въ Русской Правдѣ говорится о различныхъ наказаніяхъ за нарушеніе права собственности, и затѣмъ нала-

ѣается порядокъ суда въ преступленіяхъ этаго рода. Такъ Правда опредѣляетъ: если кто будетъ укрывать чужаго раба, или своевольно безъ вѣдома хозяина возьметъ чужаго коня, или присвоитъ себѣ чужое платье, оружіе или какой нибудь предметъ или вещь, то кромѣ платы за взятую вещь, или за задержаніе чужаго раба, виновникъ платитъ еще три гривны за обиду. Это послѣднее слово указываетъ на то, что Правда смотритъ на нарушеніе этого рода не только какъ на нанесеніе убытка, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на обиду. Завладѣть чужимъ имуществомъ значитъ не только сдѣлать убытокъ или вредъ матеріальный, но вмѣстѣ съ тѣмъ нанести личное оскорбленіе. Пеню въ 3 гривны назначаетъ Русская Правда и тѣмъ, кто не платитъ долга или не исполняетъ договора. Затѣмъ Русская Правда говоритъ, что укрывателю чужаго раба дается три дня сроку для объявленія объ укрывательствѣ. Послѣ этаго срока укрывавшій раба подвергается пени въ 3 гривны, какъ воръ. Эта статья имѣетъ слѣдующій смыслъ: если рабъ убѣжалъ отъ своего хозяина и ушелъ къ другому, то этотъ послѣдній могъ принять его за свободнаго человѣка и дать у себя убѣжище, но если затѣмъ въ теченіи трехъ дней укрывавшій не объявилъ о немъ, то во всякомъ случаѣ онъ считался похитителемъ чужой собственности и долженъ былъ платить 3 гривны, какъ воръ. Хозяинъ, увидѣвъ въ чужихъ рукахъ своего коня, платье или другую какую нибудь вещь, не имѣетъ права взять этой вещи до тѣхъ поръ, пока тотъ, у кого онъ засталъ эту вещь, укажетъ отъ кого онъ пріобрѣлъ ее или купилъ; если же указать не можетъ тотчасъ, то дается сроку 5 дней. Въ теченіи этого времени онъ долженъ представить нѣсколькихъ поручителей, которые могли бы засвидѣтельствовать, что вещь не украдена, а досталась ему законнымъ способомъ, т. е. куплена, и эти свидѣтели должны были подтвердить, когда и гдѣ именно куплена или продана вещь. Статья эта замѣчательна, какъ первый законъ, ограничившій самоуправство относительно имущества. Если вникать въ смыслъ статьи, то мы увидимъ значительный шагъ впередъ въ развитіи по-

радца тогдашняго времени. Если сообразимъ, что по понятіямъ тогдашняго времени считалось вполнѣ справедливымъ даже мстить за убійство, то какъ же не взять самому своей вещи, увидѣвши ее въ чужихъ рукахъ. Но Русская Правда уже запрещаетъ это: она считаетъ и это самоуправствомъ, она запрещаетъ хозяину взять самому свою вещь, но для этого постановленъ извѣстный порядокъ судебнаго изслѣдованія. Законъ признаетъ необходимымъ, чтобы тотъ, у кого вещь оказалась, доказалъ бы *какимъ образомъ* (предполагается, замѣтимъ при этомъ, *законный* способъ), у кого и гдѣ онъ пріобрѣлъ ее. Если онъ не можетъ сдѣлать тотчасъ, то дается сроку 5 дней, и въ теченіи этого времени онъ можетъ показать свидѣтелей, гдѣ и отъ кого вещь куплена; если этого онъ не можетъ сдѣлать, тогда онъ наказывается какъ воръ. Такимъ образомъ, при разборѣ различныхъ статей Русской Правды, мы должны вникать въ смыслъ законовъ и, соображая съ предыдущими юридическими понятіями, видѣть въ этомъ извѣстный шагъ впередъ въ юридическихъ убѣжденіяхъ народа. Затѣмъ встрѣчается постановленіе касательно уплаты долга. Если должникъ будетъ отпираться отъ долга, то кредиторъ долженъ представить, для подтвержденія законности своего права, 12 свидѣтелей. Эти 12 свидѣтелей должны подтвердить, что онъ далъ дѣйствительно въ займы деньги при нихъ самихъ. И здѣсь опять огражденіе самоуправства. Въ прежнее время, какъ мы можемъ заключить изъ древняго закона, лицо, давши деньги въ займы, могло быть само судьею при невыполненіи должникомъ его обязанности. Напротивъ того, Правда требуетъ, чтобы, для доказательства законности долга были представлены 12 свидѣтелей. Почему 12 свидѣтелей, а не менѣе и не болѣе, замѣчательно въ томъ отношеніи, что древніе законы Англіи, Скандинавіи и различныхъ другихъ мѣстъ, даже древніе законы Германіи требуютъ, въ доказательство правоты дѣла, также 12 свидѣтелей. Явленіе въ высшей степени замѣчательное. Народы безъ сношеній другъ съ другомъ имѣютъ однообразные обычаи. Можно было бы толковать и такимъ образомъ, что этотъ обычай требованія

12-ти свидѣтелей можетъ быть занесенъ изъ Скандинавіи, но вліяніе скандинавскихъ понятій, вліяніе варяжскихъ понятій было въ высшей степени незначительно, слѣдовательно, гораздо вѣрнѣе объяснить это тѣмъ случайнымъ сходствомъ нѣкоторыхъ обычаевъ, которое существовало у различныхъ народовъ въ отношеніи къ одному и тому же понятію. Дѣлать выводы иначе, значило бы впадать иногда въ самыя замѣчательныя ошибки и замѣчательно, что въ подобныя ошибки и впадали нѣкоторые изслѣдователи древности. Такъ напримѣръ, одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей содержанія Русской Правды, замѣтивъ въ ней постановленіе взысканія за ѣзду на чужомъ конѣ, сталъ объяснять это явленіе однороднымъ переводомъ изъ скандинавскихъ законовъ; но это заблужденіе, потому что мы можемъ читать и въ другихъ законахъ не скандинавскихъ взысканія за пользованіе чужимъ конемъ, чужимъ оружіемъ; неудивительно, что самымъ драгоцѣннымъ предметомъ имущества считались въ то время оружіе и конь, что взять чужое оружіе или коня считалось самымъ значительнымъ преступленіемъ противъ собственностиу всѣхъ народовъ.

Затѣмъ въ Русской Правдѣ встрѣчаются постановленія о томъ, что господинъ, отыскавшій своего раба у кого нибудь, могъ требовать отъ послѣдняго, чтобы тотъ указалъ у кого онъ купилъ раба, этотъ къ другому, другой къ третьему. Такимъ образомъ должно было указать на порядокъ пріобрѣтенія. У третьяго лица настоящій хозяинъ могъ взять раба къ себѣ въ домъ или вмѣсто раба деньги, а это третье лицо взыскивало деньги у того, кто неправильно продалъ ему, разыскивая далѣе тѣмъ же самымъ порядкомъ. Смыслъ закона слѣдующій, именно: самоуправство и въ этомъ случаѣ также не дозволяется. Нельзя прямо отнять раба у перваго лица, у кого онъ найдетъ, но нужно требовать, чтобы это лицо показало другаго, этотъ другой долженъ показать третьяго. Еслибы законъ не полагалъ предѣла, то нужно было бы представить 4, 5, 6 и такъ далѣе, поэтому законъ предоставляетъ отобрать раба у 3-го неправильнаго владѣльца, а этому третье-

му лицу подобнымъ же образомъ предоставляется право розыскивать и взять деньги у похитителя. Мы видимъ, что этотъ порядокъ розысканія встрѣчается въ Русской Правдѣ и въ отношеніи къ другимъ преступленіямъ. Этотъ порядокъ называется *сводомъ*. *Идти на сводъ* значитъ указать слѣды порядка пріобрѣтенія вещи. Иногда такимъ образомъ ходили на сводъ не только изъ одного дома въ другой, но и изъ одного села въ другое; но и въ этомъ былъ извѣстный предѣлъ: идти дальше третьяго селенія не обязательно. Начало этаго закона относится къ краткой Русской Правдѣ Ярослава, но какъ общинный обычай онъ могъ быть и древнѣе. Этотъ порядокъ розыска имѣетъ уже характеръ общественный: подозрѣваемый оправдываетъ себя сводомъ на міру, при свидѣтеляхъ. Судья княжескій въ это дѣло и не вмѣшивается—къ нему на княжій *дворъ* не пойдутъ за такимъ дѣломъ, другое дѣло если побои или тому подобное, какъ мы видѣли выше. Затѣмъ Русская Правда указываетъ на нѣкоторые случаи, когда подобныя нарушенія права не должны считаться преступленіемъ; такъ во первыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровство не считалось воровствомъ, а убійство не считалось убійствомъ. Такъ, когда рабъ оскорблялъ свободнаго человѣка, то послѣдній могъ убить раба, и это не вмѣнялось ему въ преступленіе. Сверхъ того, если бы рабъ скрылся у своего господина, то господинъ обязывался выдать его обиженному свободному человѣку, или же заплатить цѣну раба—12 гривенъ. Господинъ долженъ былъ заплатить въ этомъ случаѣ, потому что рабъ разсматривался, какъ вещь, какъ имущество, подобно движимому имуществу, и хозяинъ долженъ былъ отдать за убытокъ, который нанесенъ его вещью другому. Не смотря на полученіе 12 гривенъ, оскорбленный увидя потомъ раба могъ убить его изъ мести и за это не наказывался. Замѣчательно въ этой статьѣ, что законъ не только различаетъ строго свободныхъ отъ несвободныхъ, но считаетъ оскорбленіе со стороны раба къ свободному человѣку до такой степени тяжкимъ, что даетъ право убивать раба. Въ то же самое время этотъ законъ ограничиваетъ право ме-

сти и старается ограничить во многихъ случаяхъ само-моуправство. Эта же статья Русской Правды показываетъ намъ, что преслѣдовать раба можно было только до дома его господина и что врываться въ домъ значило бы дѣлать преступленіе въ самоуправствѣ. Такъ рабъ могъ скрываться въ домѣ господина, онъ могъ его выдать или не выдать. Если онъ не хотѣлъ выдать его, онъ долженъ заплатить цѣну раба—12 гривенъ и въ этомъ отношеніи смыслъ закона тотъ, что если бы онъ выдалъ своего раба, то оскорбленный могъ бы его убить и слѣдовательно хозяинъ потерялъ бы цѣну своей вещи. Эти же 12 гривенъ показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что за подобную цѣну можно было пріобрѣсть въ то время во владѣніе не свободнаго человѣка. Затѣмъ, если наемщикъ, хотя и свободный, взявши съ дозволенія у своего хозяина его платье, или оружіе, или другое что либо, потеряетъ или испортитъ взятое, то платитъ ему за самую вещь, или притомъ возвращаетъ и самую испорченную вещь и платитъ только цѣну за эту вещь безъ всякой особой пени. Постановленія, которыя мы разобрали, составляютъ содержаніе краткой Русской Правды; впослѣдствіи времени они были дополнены и мы должны разсматривать эти дополненія въ связи съ Правдою самаго Ярослава. Ярославу же приписываютъ такъ называемый Уставъ о вирахъ, хотя виры, какъ намъ уже извѣстно, введены были задолго до него еще при первыхъ князьяхъ. Содержаніе устава о вирахъ или *вирныхъ уроцѣхъ* указываетъ, что виры составляютъ главную часть дохода княжескаго; онѣ собирались особымъ княжескимъ чиновникомъ—*вирникомъ*, иногда же сами общины собирали съ виновныхъ и доставляли князю или его вирнику слѣдуемыя виры—на что былъ назначенъ срокъ по Уставу—недѣля (до недѣли же виры соберутся); кромѣ виръ общины платили вирнику положенное ему по Уставу содержаніе (вирнику взяти 7 ведеръ солоду на недѣлю, да овенъ, да полоть или двѣ ногаты а въ среду куна, о же сыръ, а въ пятницу такожде, а куровъ ему по двое на день, а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 уборковъ, а гороху такоже, а соли 7

головоженъ: то все вирнику съ отрокомъ; а кони 4, а овесъ конимъ сути на ротъ, вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метальнику 12 вѣкшъ, а ссадная гривна. Изъ этого видно, что вирники объѣзжали области, останавливались въ каждой общинѣ не болѣе недѣли, собирали виры, и сверхъ положеннаго по закону не могли отягощать жителей произвольными поборами. Это опредѣленное закономъ *кормленіе* было уже значительнымъ успѣхомъ въ развитіи древней администраціи. Ярославу же приписываютъ Уставъ о *мостахъ*, въ которомъ также опредѣляются повинности жителей и кормленіе мостнику на недѣлю по 1 ногатѣ.

X ЛЕКЦІЯ.

Пространная Русская Правда, т. е. правда сыновей Ярослава содержитъ также только одни уголовные законы.

Чрезъ 17 лѣтъ послѣ смерти Ярослава, въ 1072 году сыновья Ярослава, на съѣздѣ въ Кіевѣ съ выборными мужами: Коснячко, Перенегомъ и Никифоромъ, дополнили законы Ярослава. Въ этомъ дополненномъ видѣ Русская Правда опредѣляла, подобно правдѣ Ярослава: 1) наказанія за преступленія противъ личныхъ правъ (11 статей), 2) наказанія за преступленія противъ собственности (13 статей) и 3) порядокъ суда и судебныя пошлины (2 статьи).

Въ первомъ отношеніи—право мести безусловно отмѣнено изамѣнено *вирами*, съ опредѣленіемъ кому и когда и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ платить виру. Прежде всего опредѣляются случаи когда *виру* платить *долженъ* самъ преступникъ а не община (верьвь); а именно когда убійство учинено *въ обиду*, то виру въ 80 гривенъ платитъ самъ виновный. Здѣсь въ первый разъ, такимъ образомъ, законъ обратилъ вниманіе не на одну только внѣшнюю сторону преступленія, но и на *умыселъ* пре-

ступника. Община въ этомъ случаѣ не платила виры, а платила тогда когда, убійство было 1) въ *разбоѣ* и 2) когда убійца былъ неизвѣстенъ или скрылся. Подъ именемъ *разбоя* разумѣлся случай убійства неумышленнаго во время драки, ссоры и т. п. Во 2 случаѣ, та община (верьвь) платила виру, на землѣ которой найдено тѣло убитаго. За убійство вора во время кражи—виры не требовалъ законъ ни отъ убійцы, ни отъ общины, но только въ томъ случаѣ, когда воръ покушался на жизнь хозяина; если же воръ былъ уже пойманъ и связанъ, то убивать его запрещалось и за такое убійство убившій платилъ виру самъ, потому что такое убійство было умышленное, т. е. въ обиду.

Количество виръ опредѣляются: за тіуна, огнищанина и за конюшаго 80 гривенъ, за княжьяго отрока, конюха, повара—40 гривенъ, за сельскаго княжескаго тіуна или ратейнаго 12 гривенъ, за рядовича 5 гривенъ. Платили виру только свободные люди: съ рабовъ виръ не взыскивалось и за нихъ виру выплачивалъ господинъ ихъ. Касательно личныхъ оскорбленій, въ дополненіяхъ Русской Правды встрѣчаются 3 статьи: въ первой объясняется, что если придетъ кровавъ или синь мужъ, то свидѣтелей побоевъ ненужно, вторая статья опредѣляетъ за истязаніе и мученіе смерда безъ княжескаго приказанія—3 гривны; третья статья опредѣляетъ за обиду огнищанину, тіуну, мечнику—12 гривенъ. Во всемъ остальномъ постановленія краткой Русской Правды оставлены безъ измѣненія, что выражено словами (а ино все, якоже Ярославъ судилъ—такоже и сынове его установиша).

Послѣ постановленій о личныхъ оскорбленіяхъ пространная Правда упоминаетъ о нарушеніяхъ права собственности. Статьи сюда относящіяся можно раздѣлить на три разряда. Въ первомъ опредѣляется плата пени за покражу, во второмъ опредѣляются различія кражи простой и кражи производимой сборищемъ воровъ, и въ третьемъ о порчѣ межей. Такъ, во первыхъ, за кражу чужаго раба или рабыни—12 гривенъ, за кражу княжьяго коня—3 гривны, за коня смерда—2 гривны, кобылу—60 рѣзанъ, за вола—1 гривну, корову—40 рѣ-

ванъ, за барана 1 ногату. Здѣсь встрѣчается новое наименованіе денегъ. Впослѣдствіи мы объяснимъ, что значитъ куна и рѣзана. Теперь скажемъ, между прочимъ, что рѣзаною назывался отрѣзокъ отъ куницы, слѣдовательно часть куницы, которая и имѣла меньшее значеніе цѣнности, нежели самая куна. Затѣмъ упоминается законъ о порчѣ межи: 12 гривенъ за порчу вообще княжеской межи 3 гривны, за порчу бортнаго дерева, 2 гривны. Здѣсь важно не столько количество этой пени, сколько важно то, что упоминается о межахъ. Важность этого упоминанія заключается въ томъ, что, имѣя эту статью, мы можемъ заключить, что въ эпоху Русской Правды земля была уже разграничена на отдѣльные участки, т. е. по границамъ участка ставили извѣстные знаки и эти знаки считались до такой степени важными, что за порчу межи взыскивалась опредѣленная и значительная по тогдашнимъ понятіямъ цѣнность. Эти межи постанавливались различнымъ образомъ. Такъ въ лѣсу дѣлали насѣчки на деревьяхъ и считали иногда за признакъ границы такое дерево, въ дуплѣ котораго находились пчелы. Такія то деревья съ пчелами именовались бортными деревьями, и здѣсь за порчу борта опредѣляется пеня 2 гривны. Между прочимъ эти указанія показываютъ простоту древняго времени. Именно при разграниченіи земли старались просто опредѣлять различныя направленія: гдѣ былъ лѣсъ — тамъ рубили насѣчки и рядъ деревьевъ съ подобными насѣчками представлялъ границу. Иногда въ смыслѣ граничнаго указателя принимались достопримѣчательности: такъ, напримѣръ, овраги, курганы. Большею частію признаками границъ служили рѣки, озера, рощи и вообще такъ называемые естественные признаки. Тамъ, гдѣ были эти естественныя примѣты, не могло быть случайной порчи или поправленія границы. Кто-же срубалъ бортное дерево или уничтожалъ насѣчки, тотъ дѣлалъ преступленіе, потому что онъ умышленно уничтожалъ линію границы. Эти указанія, въ особенности это желаніе закона оградить собственность, сдѣлать ее неприкосновенною показываетъ уже значительную степень благоустройства общества. Общество, которое не

только запрещаетъ противозаконныя дѣйствія въ отношеніи лицъ, но гдѣ ограждается и собственность, гдѣ нарушитель подвергается наказанію тяжкому по тогдашнему времени, такое общество достигло значительной степени благоустройства. Вотъ въ этомъ отношеніи Русская Правда показываетъ намъ, что Русь въ тогдашнее время была государствомъ до нѣкоторой степени уже благоустроеннымъ. За тѣмъ упоминаются случаи различной кражи, т. е. кражи вещей. За кражу коня или вола изъ клѣти — 1 гривна 30 рѣзань; если же нѣсколько воровъ, то каждый по 3 гривны и 30 рѣзань. За тѣмъ пространная Русская Правда опредѣляетъ, между прочимъ, въ одной изъ статей за убійство раба только пять гривенъ, а за уводъ раба 12 гривенъ. Здѣсь не нужно смѣшивать эту статью съ тою статьею, которая объяснена нами и которая даетъ право за личное оскорбленіе убить его. Здѣсь упоминается другой случай убійства раба или случайно, или вообще не намѣренно, за что виновникъ долженъ заплатить. Но замѣчательно здѣсь кажущееся противорѣчіе, именно: за убійство раба назначается 5 гривенъ, а за уводъ раба, т. е. за отбирательство раба отъ его господина и за пользованіе трудомъ чужаго раба, 12 гривенъ. Противорѣчіе замѣчательное потому, что въ первомъ случаѣ хозяинъ совершенно терялъ раба и за это назначается 5 гривенъ, а за уводъ раба, слѣд. за тотъ случай, когда господинъ могъ возвратить его и потерялъ только цѣнность работы въ теченіи опредѣленнаго времени, назначается 12 гривенъ. Но это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что лицо, завладѣвъ чужимъ рабомъ, пользовалось работою его, а работа опредѣлялась уже въ это время извѣстною поденною цѣнностью. Такъ въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ опредѣленіе поденной работы въ нѣкоторыхъ случаяхъ; слѣд. если лицо удерживало раба долгое время, то оно пріобрѣтало извѣстную цѣнность и похищало ее отъ настоящаго владѣльца, и поэтому оно должно возвратить эту цѣнность настоящему владѣльцу. Въ случаѣ убійства, тотъ кто убилъ случайно не воспользовался никакою цѣнностью и по этому пеня меньше 5 гривенъ,

а не 12. При томъ, случаи увода раба могли быть чаще, нежели случаи убійства, и потому закону нужно было отнестись къ первымъ случаямъ съ большею строгостью. За тѣмъ въ Русской Правдѣ встрѣчается пространное постановленіе о порядкѣ суда и о судебной пошлинѣ въ уголовныхъ дѣлахъ. Здѣсь въ особенности замѣчательно постановленіе закона, запрещающаго самоуправство; въ силу этаго закона преступника, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, нужно непремѣнно вести на княжескій дворъ. Тутъ подъ княжескимъ дворомъ разумѣется не буквально жилище князя, а вообще намѣстника или тіуна. Законъ требуетъ пойманнаго преступника вести или къ князю, если князь живетъ въ городѣ, или къ его намѣстнику, или волостелю, или тіуну, однимъ словомъ представителю его власти; вести на княжескій дворъ. Слѣдовательно, смыслъ закона запрещаетъ самоуправство: запрещается убивать вора пойманнаго на мѣстѣ, но нужно связать и вести на княжескій дворъ. Если-бы кто не исполнилъ этаго правила, а убилъ вора, то приговаривается ему взысканіе въ 12 гривенъ; но если бы воръ сопротивлялся, тогда можно его убить. За тѣмъ опредѣляется пошлина различнымъ княжескимъ чиновникамъ и частнымъ людямъ. Такъ назначается пошлина такъ называемому емцу—10 рѣзаней, т. е. всякому, кто ловитъ преступника, кто его представляетъ на княжескій дворъ. Потомъ упоминается княжескій мечникъ: ему одна куна отъ гривны. За тѣмъ церкви опредѣляется десятая часть отъ каждой гривны, а князю 3 гривны. Если же дѣло, напримѣръ, оцѣнено въ 12 гривенъ, то емцу опредѣляется 70 кунъ, церкви 2 гривны, а князю 10 гривенъ. Это указываетъ намъ, что отъ нѣкоторыхъ преступленій взыскивалось не только въ пользу князя, но извѣстная часть опредѣлялась въ пользу церкви и, сверхъ того, самая незначительная часть опредѣлялась и въ пользу княжескихъ чиновниковъ, которые отправляли обязанность въ видѣ полицейской или исполняли какія либо другія судебныя порученія. Между прочимъ эта статья показываетъ намъ, что эти виры, эти денежныя пени, которыя законъ назначаетъ почти за каждое дѣйствіе, должны были

составлять значительную часть доходовъ княжескихъ. Затѣмъ эти пени и значеніе ихъ выражаются, какъ мы видѣли, въ различной цѣнности: то упоминаются гривны, то куны, то рѣзаны. Въ различныхъ другихъ статьяхъ мы встрѣчаемъ еще и другія наименованія. Это показываетъ, что, въ эпоху Русской Правды, существовала цѣлая система денежныхъ знаковъ или цѣлая система понятій о различныхъ цѣнностяхъ, и, по окончаніи разсмотрѣнія Русской Правды, мы еще обратимся къ этому предмету, въ чемъ заключалась ихъ цѣнность и какъ понимали въ смыслѣ цѣнности значеніе гривенъ, кунъ, рѣзаны и тому подобныхъ знаковъ. Замѣтимъ еще, что, на ряду съ этими выраженіями гривны кунъ, встрѣчаются выраженія гривна золота и серебра. Это показываетъ намъ, что въ это время обращались въ народѣ въ смыслѣ денегъ не только эти куницы, но и извѣстные слитки золота и серебра. Но это не была еще монета въ настоящемъ смыслѣ: это были просто куски золота и серебра различнаго вѣса, такъ что народъ различалъ гривну новгородскую и гривну кіевскую, и цѣнилъ гривну новгородскую болѣе, нежели гривну кіевскую, потому что въ ней было болѣе золота или серебра.

Существованіе подобныхъ понятій цѣнности показываетъ, въ свою очередь, что въ это время торговля и промышленность народа достигли значительныхъ оборотовъ. Гдѣ въ народѣ является не только понятіе о цѣнности, но и являются извѣстные знаки цѣнности, и гдѣ они разнообразны, то это можетъ быть только тогда, когда существуютъ продажа, покупка и другія сдѣлки, а слѣдовательно и въ этомъ отношеніи эти указанія весьма важны. За тѣмъ, въ различныхъ другихъ статьяхъ, касательно судопроизводства и судныхъ пошлинъ, Русская Правда XII вѣка опредѣляетъ различные роды распоряженій, посредствомъ которыхъ отыскивается какое нибудь преступленіе. Нужно отыскать виновнаго и нужно привести въ извѣстность слѣды оставшагося преступленія, но, такъ какъ виновникъ скрывается, а остается только вещь или предметъ преступленія, то народъ первоначально не могъ изобрѣсти никакого

другаго способа отыскания истины, какъ хожденіе отъ одного лица къ другому или такъназываемый, сводъ. Что это было самое простое и безъ искуственное средство познанія истины, то это понятно.

Сводъ или изслѣдованіе преступленія возлагались на самихъ же частныхъ лицъ. Въ это отдаленное время хотя были судьи, но ихъ было не много по отношенію пространства населенія. Частныя лица должны были помогать суду. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, какъ обиженный ищетъ своего обидчика и приводитъ его съ людьми къ суду.

Мы видимъ слѣдовательно въ судебномъ отношеніи еще не устроенный порядокъ. Судъ дѣйствуетъ тогда, когда самое частное лицо обратится: если нѣтъ жалобы, то и дѣла нѣтъ. Таковъ вообще характеръ судебный тогдашняго времени. За тѣмъ упоминаются различные способы доказательства. Между прочимъ упоминаются видоки или свидѣтели. Однако же они различаются въ пространной Русской Правдѣ отъ видоковъ. Видоки—это тѣ, которые были очевидцами совершившагося преступленія. Послухи тѣ, которые по наслышкѣ отъ другихъ знаютъ что либо; эти послухи разумѣется должны указать на тѣхъ лицъ, отъ которыхъ они слышали, и такимъ образомъ дойдетъ до перваго свидѣтеля, т. е. до видока. Кромѣ того въ смыслѣ доказательствъ упоминаются различные признаки содѣяннаго. Такъ, напримѣръ, кровавыя пятна суть признаки побоевъ. Въ различныхъ мѣстахъ Русской Правды упоминается о подобныхъ признакахъ. Затѣмъ упоминается присяга въ смыслѣ доказательства и притомъ присяга упоминается какъ доказательство на тотъ случай, когда нѣтъ свидѣтелей или видоковъ. Замѣчательно, что въ различныхъ дѣлахъ по отношенію различной вины, и пени и число свидѣтелей различны. Кромѣ того упоминаются въ смыслѣ доказательствъ испытанія желѣзомъ и испытаніе водою. Это заимствованіе, встрѣчаемое и въ Русской Правдѣ XII вѣка могло быть занесено только иноземцами. Подъ испытаніемъ желѣзомъ разумѣлся тотъ случай, когда, при недостаткѣ ясныхъ доказательствъ, но при значительныхъ

основаніяхъ къ подозрѣнію нельзя было разрѣшить дѣло иначе, какъ представить его на судъ Божій. Народъ въ то время полагалъ, что самъ Богъ укажетъ, посредствомъ особаго чуда, кто виноватъ, кто не виноватъ, и для этого прибѣгали къ испытанію желѣзомъ и въ испытанію водою. Однако подобнаго рода судъ существовалъ и былъ распространенъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Германіи. Такъ подъ испытаніемъ водою разумѣлся тотъ случай, когда подозрѣваемаго въ какомъ-нибудь преступленіи заставляли вынуть изъ кипящей воды какую-нибудь вещь или держать руку продолжительное время въ кипящей водѣ, и смотрѣли есть-ли слѣды обжоги. Испытаніе желѣзомъ состояло въ томъ, что заставляли пройти по раскаленному желѣзу босыми ногами и, смотря по тому, остались-ли признаки обжоги или нѣтъ, считали виновнымъ. Подобныя и др. испытанія были въ ходу въ средніе вѣка и носили наименованіе суда Божія. Народъ думалъ, что самъ Богъ не допуститъ невиновнаго пострадать отъ подобнаго испытанія, и въ подобному испытанію прибѣгали въ смыслѣ судебнаго доказательства. Существованіе подобнаго испытанія въ Русской Правдѣ указываетъ, что подобныя понятія могли быть занесены изъ другихъ странъ. Всего ближе относить эти заимствованія къ иностранцамъ. Затѣмъ еще болѣе въ пространномъ видѣ встрѣчается Русская Правда XII вѣка. Она является болѣе распространенною; такъ самый предметъ преступленія, убійства, различныя оскорбленія, порядокъ судопроизводства встрѣчаются съ значительнымъ дополненіемъ и нѣкоторыми перемѣнами.

Во всѣхъ спискахъ Русской Правды XII вѣка встрѣчаются кромѣ постановленій Ярослава и сыновей его, много новыхъ постановленій доказывающихъ, что они были самостоятельными законами вновь изданными, а не однимъ только дополненіемъ или измѣненіемъ статей Ярослава, подобно Правдѣ сыновей Ярослава. Не смотря на это внутреннее значеніе всѣ списки пространной Русской Правды носятъ названіе: „Судъ Ярославля Владиміровича, Правда Русская“. Вообще по содержанію пространную Русскую Правду можно раздѣ-

лить на нѣсколько отдѣловъ. Такъ въ 1) пространная Правда говоритъ о преступленіи противъ жизни; во 2) противъ личныхъ оскорбленій; въ 3) о преступленіяхъ противъ собственности, и въ 4) о различныхъ договорахъ и преимущественно о займахъ. Что касается до преступленій противъ жизни, то кромѣ извѣстныхъ намъ постановленій касательно убійства упоминается подробно о вирѣ и о головничествѣ. Нужно сдѣлать различіе между ними. Подъ вирой разумѣлась пеня въ смыслѣ наказанія въ пользу князя; подъ головничествомъ разумѣлась пеня или штрафъ въ пользу родственниковъ убитаго.

Въ Русской Правдѣ XII вѣка опредѣляется значеніе *дикой виры*, подъ которою разумѣется: 1) пеня за убійство совершенное въ разбоѣ; 2) когда убійца не извѣстенъ; 3) когда община хотя и знаетъ убійцу, но не хочетъ его выдать; 4) плата за убійство совершенное въ ссорѣ; 5) плата за убійство совершенное не скрытно, а явно. Вообще *дикою вирою* называлась пеня выплачиваемая не убійцею, а общиною, притомъ не за разъ, а съ разсрочкою по годамъ. *Головщину* же, т. е. плату родственникамъ убитаго платилъ самъ убійца и община въ этомъ платежѣ ему ничѣмъ не помогала.

Эти опредѣленія пространной Русской Правды разъясняютъ еще болѣе устройство общинное—верви. Община не только отвѣчала князю за убійство вирою, но и имѣла право по закону выдать преступника или не выдать, въ послѣднемъ случаѣ на усмотрѣніе общины законъ оставлялъ какъ смотритъ она на совершенное убійство, какъ на умышленное или не предъумышленное и притомъ, какъ смотритъ на виновника—какъ на хорошаго своего сочлена или дурнаго. Община потому не платитъ виры въ тѣхъ случаяхъ, когда кто убилъ кого либо безъ ссоры, безъ повода со стороны убитаго, по злому умыслу или съ цѣлью грабежа. Такого убійцу—разбойника вервь не только не защищаетъ, но сама выдаетъ его князю со всею семьею его и имуществомъ, на потокъ и разграбленіе, т. е. въ *ссылку*. Община не помогаетъ также въ платежѣ виры

тѣмъ изъ виновныхъ въ убійствѣ, которые хотя совершили убійство и неумышленно, но не состоятъ вкладчиками верьви—не платятъ за другихъ дикую виру, т. е. не *вложились* въ дикую виру и потому имъ люди не помогаютъ, такъ какъ все основано на круговой порукѣ и взаимномъ обязательствѣ. Такого невкладчика однако, если онъ хорошій членъ общины, не выдаютъ на потокъ и разграбленіе. Упоминается еще *поклепная вира* т. е. плата виры тѣмъ, на кого пало подозрѣніе въ убійствѣ или на кого укажутъ свидѣтели, но кто не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. При этомъ упоминается испытаніе желѣзомъ, которому подвергаютъ подобнаго подозрѣваемаго. Если обвиняющій кого либо въ такомъ подозрѣніи русскій, то долженъ доказать свой поклепъ 7 свидѣтелями, если же варягъ или колбягъ то 2 свидѣтелями. Если свидѣтели подтвердятъ обвиненіе, то подозрѣваемый признается виновнымъ; если же не будетъ требуемое число свидѣтелей то подвергаютъ испытанію желѣзомъ. Поклепъ не допускается тогда, когда трупъ будетъ найденъ уже разложившимся; если найдены будутъ кости или истлѣвшій трупъ до того, что нельзя узнать убитаго, то суда нѣтъ; „а на костѣхъ и по мертвецѣ не платити виры, о же имени не вѣдаютъ, не знаютъ его. Виры раздѣлены на 2 рода—80 гривенъ и 40 гривенъ—отъ нихъ 5-я доля вирнику, въ 1-мъ случаѣ 16 гривенъ, во2-мъ— 8. Кормленіе вирнику тоже какъ и прежде головщина опредѣлена также, какъ и по Правдѣ сыновей Ярослава, т. е. за старшихъ княжескихъ служителей 80 гривенъ, за младшихъ (нисшихъ)—40 гривенъ; въ 12 гривенную включены ремесленники и ремесленницы, а въ 5 гривенную боярскіе рядовичи. Кто оправдывался отъ поклепа, тотъ вмѣстѣ съ обвинителемъ, не доказавшимъ поклепъ, платили княжьему отроку каждый по гривнѣ; (а кто свержетъ виру, то гривна кунъ смертная отроку, а кто оклепалъ, а тому дати другую гривну).

Что касается самыхъ виръ, то онѣ раздѣляются на два разряда: на виры въ 80 гривенъ и на виры въ 40 гривенъ. Первыя назначаются за убійство или за лишеніе жизни лицъ высшаго званія, именно за бояръ,

огнищанъ, тіуновъ и другихъ. Второй разрядъ за княжескихъ отроковъ, за младшихъ дружинниковъ, а также за городскихъ людей: купцовъ, ремесленниковъ и ремесленницъ. Затѣмъ, что касается до личныхъ оскорбленій, то упоминаются тѣ самыя постановленія съ нѣкоторыми подробностями. Новое постановленіе, которое встрѣчается въ пространной Правдѣ, касается договоровъ займа и процентовъ. Такъ касательно займа указывается слѣдующее постановленіе: вообще кто взыщетъ куны надъ другимъ, а сей почнетъ запираться, то ввести послуха и пойдутъ на роту и пр. Здѣсь прибавленіе заключается въ томъ, что свидѣтели должны сверхъ того присягнуть, тогда какъ прежде не требовалось присяги при достаточномъ удостовѣреніи свидѣтелей. Затѣмъ Правда упоминаетъ, что давшій деньги въ заемъ можетъ требовать излишка въ смыслѣ процента. Процентъ опредѣляется различнымъ срокомъ: годичнымъ, мѣсячнымъ и третнымъ но нужно непремѣнно давать въ долгъ при свидѣтеляхъ; если же кто далъ деньги безъ свидѣтелей, то тотъ лишается права взыскивать съ должника. Въ особенности замѣчательно дополненіе Русской Правды Владиміромъ Мономахомъ касательно торговли и торговыхъ оборотовъ и процентовъ. Такъ упоминается о купцѣ, который, взявъ товары на срокъ, не доставитъ ихъ къ сроку; упоминается о купцѣ, который потерялъ свой грузъ по какому нибудь несчастному случаю: при этомъ опредѣляется, что взыскивать за такое несчастіе нельзя, потому что онъ потерялъ товаръ или грузъ отъ Бога. За тѣмъ встрѣчаются постановленія, что если на русскомъ купцѣ есть долги другимъ купцамъ и людямъ русскимъ, и сверхъ того, иностраннымъ, то надобно прежде уплатить иноземцамъ, а потомъ долги русскимъ. Это показываетъ съ одной стороны существованіе торговыхъ сношеній съ иностранцами, затѣмъ на нѣкоторое привилегированное положеніе иностранцевъ, а затѣмъ этотъ законъ указываетъ, что, не смотря на древность времени, въ законодательствѣ было уже ясно сознано, что иностранцы того времени скорѣе удовлетворятся чѣмъ туземцы

Затѣмъ упоминается о различныхъ договорахъ, о купле, продажѣ; въ отношеніи купли, вообще встрѣчаются замѣчательныя постановленія; такъ продать вещь нужно на площади; т. е. на рынкѣ, показать продаваемую вещь вирнику, т. е. княжескому чиновнику. Это необходимо для того, чтобы впослѣдствіи если произойдетъ сомнѣніе о томъ, не крадена ли эта вещь, можно было доказать, что вещь пріобрѣтена не тайно, а явно при всѣхъ на торгу, и указать на вирника и свидѣтелей. Кромѣ того упоминается, что должникъ, не заплатившій долга въ срокъ, долженъ заслужить свой долгъ кредитору, такъ что кредиторъ можетъ обратить его въ рабство, но не пожизненное, а на столько, на сколько нужно для заработки долга. Такимъ образомъ, это объясняетъ намъ происхожденіе особаго рода лицъ подъ именемъ кабальныхъ рабовъ, которые, давъ на себя кабалу, не могли уплатить въ срокъ по этому долгу и должны были заслужить долгъ личною работою. Кромѣ этихъ постановленій касательно займовъ, упоминаются различнаго рода должники и они раздѣляются на два главные разряда: на закуповъ кунъ и на ролейныхъ закуповъ. Закупы кунъ это тѣ, которые взяли въ долгъ деньги и не могутъ отдать въ срокъ. Подъ ролейными закупами разумѣются тѣ, которые поселились на чужой землѣ и за пользованіе той чужой землей должны исполнять опредѣленный трудъ. Ролейные закупы могли договариваться съ хозяиномъ на какихъ угодно условіяхъ. Эти условія выработывались обычаемъ. Обыкновеннымъ условіемъ было то, что владѣлецъ долженъ былъ дать лѣсъ на постройку дома, снабдить первоначально земледѣльческими орудіями, иногда дать денегъ на первоначальное обзаведеніе. За это закупъ (свободный человѣкъ) закупалъ себя, т. е. насрокъ обязывалъ себя извѣстною работой. Эти отношенія были повсемѣстно и сначала они были свободными и не принужденными, но впослѣдствіи изъ этихъ непринужденныхъ отношеній стала мало по малу развиваться зависимость лица отъ той земли, на которой онъ поселился, хотя и по добровольному условію съ хозяиномъ, но отъ кото-

рой не могъ отказаться въ силу неоплатныхъ долговъ въ отношеніи къ хозяину земли. Такъ въ эпоху Русской Правды хотя и существовали переходы земледѣльцевъ съ одной земли на другую, но эти переходы затруднялись болѣе и болѣе, потому что прежде, нежели сойти съ земли нужно было разсчитаться съ хозяиномъ, нужно было заплатить ему за земледѣльческія орудія, нужно было отдать ему деньги, такъ называемыя пожилыя, т. е. за домъ, за строеніе, чего земледѣлецъ не былъ въ состояніи сдѣлать, и поступалъ на болѣе продолжительную кабалу къ другому владѣльцу, лишь бы выручить себя отъ прежняго владѣльца. Такимъ образомъ, долгъ на ролейномъ закупѣ увеличивался все болѣе и болѣе, и чѣмъ онъ становился болѣе, тѣмъ труднѣе былъ переходъ съ одной земли на другую. Но такихъ закуповъ не должно смѣшивать съ рабами. Это были свободные люди; если же они и не могли иногда переходить, то это происходило не по закону, а отъ того что они не могли заплатить. Между прочимъ встрѣчаемъ постановленіе касательно закуповъ и въ отношеніи къ ихъ землевладѣльцамъ. Такъ, если кто нибудь взялъ деньги отъ своихъ закуповъ, то повиненъ возвратить эти деньги и заплатить закупу 3 гривны за обиду. Смыслъ тотъ, что если владѣлецъ земли получилъ отъ закупа деньги и всетаки задерживаетъ закупа, то долженъ заплатить 3 гривны за обиду. Если закупъ убѣгалъ, чтобъ не платить долга, то становился обѣльнымъ холопомъ. Кромѣ постановленій о закупѣ, постановленій о судопроизводствѣ и судной пошлинѣ весьма замѣчательны постановленія касательно наслѣдства. Наслѣдство первоначально опредѣлялось исключительно обычаемъ и долгое время въ народѣ не могло развиться понятіе о необходимости опредѣленія закономъ наслѣдственной доли. Когда народъ живетъ патріархально, тогда члены семьи обработываютъ общими силами землю и участокъ, на которомъ они сидятъ; тогда смерть одного изъ членовъ не дѣлаетъ замѣтнаго передѣла имущества въ семьѣ: остальныя лица продолжаютъ жить также, какъ они жили и земля остается по прежнему нераздѣленною, но это продолжается

лишь до тѣхъ поръ пока поддерживается бытъ чисто патріархальный. Съ тѣхъ поръ, когда земля дѣлается раздѣленною, когда каждый членъ семейства желаетъ жить отдѣльно, тогда, въ случаѣ смерти владѣльца, является вопросъ: кому долженъ принадлежать извѣстный участокъ земли—дѣтямъ или боковымъ родственникамъ? Тогда является вопросъ о наслѣдствѣ, и вотъ въ первый разъ встрѣчаются въ Русской Правдѣ постановленія о наслѣдствѣ.

XI ЛЕКЦІЯ.

Постановленія о наслѣдствѣ, встрѣчающіяся въ Русской Правдѣ послѣ Мономаха имѣютъ то общее значеніе, что они суть первые законы опредѣляющіе порядокъ раздѣла имущества послѣ смерти владѣльца, основанный на обычаѣ прежняго времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько видоизмѣненный подъ вліяніемъ различныхъ государственныхъ причинъ тогдашняго времени. Кромѣ этого общаго значенія, законъ о наслѣдствѣ, заключающійся въ Русской Правдѣ, является какъ бы дополненіемъ тѣмъ опредѣленіямъ о наслѣдствѣ, которыя находятся въ церковномъ уставѣ Св. Владиміра. Разбирая этотъ послѣдній уставъ, мы имѣли случай замѣтить, что въ числѣ дѣлъ, предоставленныхъ духовенству, заключалися между прочимъ и дѣла о наслѣдствѣ. Однакоже церковный уставъ, давая право духовенству разбирать дѣла этаго рода, не далъ самыхъ правилъ въ основаніи этого разбора, именно потому, что разумѣлось, что духовенство примѣнитъ къ этому византійское законодательство. Дѣйствительно, духовенство стало примѣнять къ разбирательству дѣлъ подобнаго рода законы чуждые, законы византійскіе. Но въ византійскомъ законодательствѣ система наслѣдственнаго права была развита и опредѣлена иначе. Она не могла быть вполнѣ примѣнена къ тогдашнему быту у насъ въ древней Россіи, потому что у насъ не только была частная собственность, но

у насъ была и общая собственность, т. е. общее владѣніе землею, въ особенности въ массѣ народа, а система византійскаго наслѣдства основывалась на одномъ главномъ принципѣ, что нѣтъ общаго владѣнія, а есть у каждаго своя часть. Такимъ образомъ понятно, что изъ этой причины должны были возникать различныя затрудненія, которыя не могло разрѣшить и само духовенство. По этому духовенство не могло примѣнить систему наслѣдственнаго закона византійскаго въ такой странѣ, гдѣ на ряду съ частной собственностью было и общее владѣніе. Какъ результатъ этого, свѣтское законодательство, должно было позаботиться о томъ, чтобы выяснить свои опредѣленія и значеніе наслѣдства, по крайней мѣрѣ въ отношеніи такихъ случаевъ, которые требовали болѣе настоятельнаго разрѣшенія. Другая особенность, которую должно имѣть въ виду при опредѣленіи закона о наслѣдствѣ, заключалась въ томъ, что законы, какъ бы они ни были кратки, не могли быть введены въ Русскую Правду для всѣхъ лицъ одинаково. И здѣсь была таже самая причина, то же различіе общаго и частнаго владѣнія. Нѣкоторыя лица, принадлежавшія къ высшимъ классамъ, имѣли свою отдѣльную частную собственность. Для нихъ слѣдовательно и законъ о наслѣдствѣ долженъ былъ быть иной, нежели для остальной массы народа, которая продолжала владѣть землею на общинномъ началѣ; соотвѣтственно этому и являются два рода постановленій о наслѣдствѣ. Одни касательно наслѣдства послѣ смерти бояръ, огнищанъ и вообще княжескаго мужа, а другой о дѣлежѣ имущества послѣ простолюдина. За тѣмъ, кромѣ этого различія, нужно имѣть въ виду еще и то, что по византійскому праву наслѣдство опредѣлялось главнымъ образомъ при отношеніи значенія власти родительской, а она, въ смыслѣ византійскаго права, была преимущественно значеніемъ власти отцовской, а не въ значеніи власти обоихъ родителей. У насъ, напротивъ, мать, какъ жена, въ древнее время при жизни мужа не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, но если умиралъ отецъ, то вся обширная и почти безграничная власть переходила къ матери. Слѣдовательно, у насъ

было совершенно другое воззрѣніе на значеніе власти родителей. Послѣ этихъ объясненій намъ будетъ понятно значеніе статей Руссной Правды касательно этаго предмета. Первая изъ этихъ статей опредѣляетъ порядокъ наслѣдства послѣ смерти лица, не принадлежащаго къ высшему званію. Если умретъ смердъ бездѣтно, то остатокъ его, т. е. все, что у него остается, принадлежитъ князю; если-же будутъ у него дочери, то дать часть на нихъ; если-же будутъ замужемъ то не давать имъ ничего. И такъ смыслъ постановленія тотъ, что послѣ смерти обыкновеннаго простолюдина наслѣдство дѣлится и поступаетъ дѣтямъ только въ томъ случаѣ, если у него есть сыновья; если-же у него есть дочери, то только въ такомъ случаѣ имъ удѣляется нѣкоторая часть, когда онѣ не замужемъ: въ противномъ случаѣ, когда смердъ умретъ безъ сыновей и когда остались дочери уже замужнія, все имущество принадлежитъ князю. Здѣсь однакоже рѣчь объ имуществѣ движимомъ, но не о землѣ, потому что земля находилась въ общинномъ владѣніи; слѣдовательно послѣ смерти одного изъ членовъ оставшаяся часть, которая ему принадлежала, переходила другому лицу, которое заступало его мѣсто. Но такимъ лицомъ могъ быть всякій свободный человѣкъ, вновь приходящій. Второе постановленіе о наслѣдствѣ касается случаевъ послѣ смерти бояръ и вообще княжескихъ мужей. Послѣ смерти этихъ лицъ не только ничего не бралъ себѣ князь, но даже если не будетъ сыновей, то дочери возьмутъ весь остатокъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Русская Правда постановляетъ двоякаго рода порядокъ наслѣдства: послѣ смерти лицъ высшаго званія и низшаго. Но, спрашивается, какова должна быть та часть, которую получала дочь смерда или простолюдина? Объема этой части не опредѣляетъ законъ: это зависитъ отъ усмотрѣнія князя. Такъ какъ все наслѣдство беретъ князь, то отъ его произвола зависитъ назначить что-либо и дочери. Замѣчательно, что такой порядокъ наслѣдства существовалъ не только у славянъ русскихъ, но и у чеховъ, сербовъ и другихъ племенъ славянскихъ, и замѣчательно, что тотъ-же самый порядокъ на-

слѣдства соблюдался также въ Скандинавіи. Объяснительною причиною для такого права наслѣдованія у большей части славянскихъ племенъ было то, что земля составляла главное имущество и, такъ какъ земля находилась въ общемъ владѣніи, и такъ какъ вступающій въ общину долженъ былъ исправлять извѣстныя повинности въ пользу общины, за что пользовался извѣстною долею вознагражденія, а женщина считалась не способною къ отправленію сихъ повинностей, напримѣръ, въ платежѣ виры и другихъ какихъ нибудь тягловыхъ началъ, то женщина и исключалась изъ наслѣдства. Другая причина заключалась въ томъ, что положеніе женщины вообще въ древнемъ русскомъ законодательствѣ было и во всѣхъ отношеніяхъ не обезпечено, а слѣдовательно ни обычай, ни законъ не могъ заботиться объ опредѣленіи ей наслѣдства. Прежде притомъ же женщина постоянно находилась подъ властью семьи: такъ до брака она зависѣла отъ власти родителей, вступая въ бракъ она дѣлалась рабынею своего мужа. При вступленіи въ бракъ родители или родственники должны были обезпечить ее движимымъ имуществомъ, приданымъ. Такимъ образомъ законодательство древняго времени могло разсуждать, что женщинѣ и не нужно никакого наслѣдственнаго права. За тѣмъ кромѣ того въ Русской Правдѣ встрѣчается постановленіе, что если кто, умирая, раздѣлитъ имущество дѣтямъ своимъ, то, какъ онъ самъ при жизни раздѣлилъ, на томъ и стоять, т. е. то и считать законнымъ. Если умретъ безъ ряду, то всѣмъ дѣтямъ по ровну и сверхъ того дать часть по душѣ. Эта часть по душѣ есть не что иное, какъ извѣстная доля оставшагося имущества, которая, какъ по обычаю, такъ и подъ вліяніемъ духовенства, всегда поступала въ пользу церкви. Эта часть называлась частью на поминки души и, въ этомъ отношеніи, принятіе христіанства не сдѣлало ничего новаго, потому что и прежде еще при языческихъ обычаяхъ племенъ славянскихъ, послѣ смерти владѣльца, часть изъ имущества отдавалась на тризну, на поминовеніе его души. Но духовенство этотъ языческій обычай обратило въ правило и этимъ отчасти установило значительную статью

доходовъ церковныхъ. Впослѣдствіи времени, подъ вліяніемъ не только уже обычаевъ, но и закона (потому что Русская Правда говоритъ ясно, чтобы часть дать по душѣ), изъ этого произошло не только жертвованіе въ пользу церкви какой либо вещи, но даже пожертвованія значительной части земель. Этотъ законъ былъ общій, онъ распространялся на лицъ всѣхъ званій и, такъ какъ высшій классъ владѣлъ обширными землями то много земель жертвовали въ пользу церкви. Сверхъ того эта статья замѣчательна тѣмъ, что она постановляетъ равный раздѣлъ имущества между всѣми дѣтьми, но здѣсь подъ ними должно разумѣть только сыновей, такъ какъ Русская Правда и не считала женщинъ равно способными къ наслѣдству. Это равенство дѣлежа замѣчательно, какъ древній обычай русскаго народа, въ томъ отношеніи, что каждый сынъ получалъ равную долю изъ наслѣдства отца; въ эпоху удѣльнаго періода: и великіе князья и князья удѣльные дѣлили свои удѣлы по возможности на равныя части между своими сыновьями. Замѣчательно при этомъ, что законъ не постановляетъ никакого преимущества въ пользу одного сына предъ другимъ, не исключая изъ наслѣдства и малолѣтнихъ. Сверхъ того мы видимъ еще, что Русская Правда постановляетъ, что незаконные дѣти рожденные отъ рабы не наслѣдуютъ послѣ свободнаго отца но получаютъ свободу, а также и мать ихъ становится свободною. Кромѣ того, изъ выше упомянутой статьи видно, что законъ признаетъ уже завѣщаніе. Подъ именемъ ряда разумѣется не что иное, какъ завѣщаніе. Мы видѣли еще въ договорахъ съ греками, что рядъ или завѣщаніе сдѣлалось извѣстно руссамъ отъ грековъ. Безъ сомнѣнія этотъ полезный и необходимый обычай распространился значительно между руссами и доказательствомъ тому есть упомянутая статья Русской Правды. Она упоминаетъ о рядѣ, какъ обычаѣ постоянно соблюдаемомъ. Кромѣ означенныхъ постановленій встрѣчаются еще нѣкоторыя другія, которыя опредѣляютъ участіе жены въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ наслѣдствѣ послѣ мужа. Женщина, какъ жена, во время жизни мужа не имѣла никакого значенія, но,

7*

послѣ смерти мужа, власть родительская переходила къ ней и потому законъ заботился въ нѣкоторой степени объ опредѣленіи права наслѣдства женѣ. Послѣ смерти мужа, положеніе притомъ общее было такое: при жизни мужа, мужъ владѣлъ всѣмъ тѣмъ, что принадлежало женѣ, даже приданое имущество жены обращалось въ полную собственность мужа. Мужъ могъ сдѣлать съ вещами, принадлежащими женѣ, что ему хотѣлось: могъ продать, заложить и т. д. Это было тѣмъ болѣе естественно по обычаямъ тогдашняго времени, что мужъ имѣлъ неограниченную власть надъ женою: мужъ могъ отдать свою жену въ работу или въ кабалу безъ ея согласія, слѣдовательно, онъ могъ распорядиться ея трудомъ и всякаго рода имуществомъ. Но если жена переживала мужа, тогда законъ заботился о ея положеніи, и вотъ доказательствомъ того служитъ слѣдующее постановленіе въ Русской Правдѣ: если жена останется вдовою и заступитъ родительскую власть, то дать ей часть, а что на нее мужъ возложилъ, т. е. что мужъ при жизни самъ отдалъ или подарилъ женѣ, того она есть госпожа, а прочее имущество послѣ мужа ей не нужно; если же будутъ дѣти отъ разныхъ матерей отъ двухъ браковъ, то возмутъ дѣти отъ перваго брака то, что принадлежало первой женѣ изъ оставшагося послѣ смерти мужа имущества; если же не было двухъ браковъ, въ такомъ случаѣ дѣти дѣлятъ имущество поровну. Изъ этого мы видимъ, что какъ при опредѣленіи части для дочери, не находящейся еще за мужемъ, такъ и при опредѣленіи части для вдовы, законъ не говоритъ объ объемѣ этой части. Этимъ самымъ законъ полагалъ, что нужно дать только самое необходимое для поддержанія жизни. Затѣмъ одна изъ статей Русской Правды говоритъ, что если будетъ сестра въ дому, то ея наслѣдство получаютъ братья, но отдаютъ ее замужъ какъ могутъ. Послѣднее выраженіе показываетъ, что хотя обязанность приданаго лежала на братьяхъ, но сколько дать изъ наслѣдства—это зависѣло отъ усмотрѣнія сыновей. Эта же статья показываетъ, что обязанность дать приданое возлагалась не только на родителей, но и на родныхъ

братьевъ. Затѣмъ, есть постановленіе касательно наслѣдства въ имуществѣ послѣ смерти матери. Мать, какъ вдова, заступала мѣсто отца, но она могла имѣть и свое отдѣльное имущество. Являлся вопросъ: какимъ образомъ слѣдовало дѣлить наслѣдство послѣ смерти матери? Мы видимъ, что Русская Правда постановляла иной порядокъ въ раздѣлѣ имущества матери, нежели отцовскаго. Такъ, если мать оставляла свое собственное имущество, т. е. во первыхъ—приданое, во вторыхъ—подарокъ отъ мужа, или имущество, которое она могла пріобрѣсть въ состояніи вдовства, то это имущество мать могла дать или всѣмъ дѣтямъ по ровну, или могла раздѣлить, какъ сама хотѣла, т. е. могла лишить и всякой доли наслѣдства. Если же мать умретъ безъ языка, т. е. не сдѣлавъ никакого распоряженія, то все имущество ея отдается тому изъ дѣтей, у котораго она жила и кто ее кормилъ; прочія же дѣти ничего не получаютъ. Изъ этой статьи видно, что, во первыхъ, жена могла отдать имущество кому хотѣла, какъ сыновьямъ, такъ и дочерямъ, потому что она могла умереть не только въ домѣ сына, но и въ домѣ дочери. Изъ этого же постановленія Русской Правды видно, что женщина, вообще, хотя не имѣла значенія и правъ гражданскихъ до замужества и послѣ замужества, однако же, будучи вдовою, она имѣла право, равное съ мужемъ, потому что не только она могла имѣть свое имущество, не только приданое, но сверхъ того, что въ особенности замѣчательно, она считалась лицомъ способнымъ дѣлать завѣщаніе и какъ она раздѣлила свое имущество, кому она назначила, такъ тому и должно быть; даже отецъ не могъ сдѣлать такого раздѣленія имущества, какое могла сдѣлать мать — вдова, потому что законъ, въ отношеніи отцовскаго имущества, не говоритъ о подобномъ случаѣ, чтобы отцовское имѣніе могло перейти къ одному изъ сыновей съ лишеніемъ прочихъ всякой доли наслѣдства, а матери вдовѣ это право дается. Какъ изъ соображенія этой статьи, такъ и предъидущей, мы видимъ, что система наслѣдственнаго права въ Русской Правдѣ не была одинакова, но были различныя, болѣе или менѣе

иныя системы наслѣдства послѣ лица высшаго, иныя послѣ лица низшаго. Этому были различныя причины государственныя и гражданскія: во первыхъ иная система наслѣдованія послѣ отца, другая система наслѣдованія послѣ матери иная послѣ лицъ высшаго и низшаго званія. Но при той и другой системѣ соблюдалось коренное правило, что если есть дѣти отъ разныхъ браковъ, то они наслѣдують только имущество своихъ родителей. Такимъ образомъ, дѣти отъ разныхъ отцевъ, наслѣдуя имущество своего отца, не могли наслѣдовать имущества своего вотчима. Кромѣ постановленій о наслѣдствѣ, Русская Правда, въ связи съ этими постановленіями, даетъ нѣсколько опредѣленій касательно попеченія объ управленіи имуществомъ на тотъ случай, если остались дѣти въ сиротствѣ, т. е. въ крайне малолѣтнемъ возрастѣ. Собственно говоря, опеки еще не существовало въ это время, однакоже есть нѣкоторыя постановленія, имѣющія смыслъ заботы или попеченій объ интересахъ малолѣтняго сироты. Что древній законъ не заботился подробно въ подобномъ отношеніи, то это понятно по слѣдующимъ соображеніямъ: родственники жили большею частію вмѣстѣ въ одномъ и томъ же домѣ, или въ нѣсколькихъ домахъ вблизи одинъ отъ другаго. По незначительности числа городовъ большинство населенія жило также не въ сплошныхъ смежныхъ домахъ по два или по три вмѣстѣ, но на участкѣ той самой земли, которая принадлежала извѣстному роду или извѣстной совокупности членовъ семьи. При подобномъ положеніи, и сверхъ того, при общинномъ владѣніи землею, смерть родителя, оставляющаго дѣтей въ малолѣтнемъ возрастѣ, не могла произвести особеннаго затрудненія на счетъ присмотра за подобными дѣтьми. Старшіе родственники заступали мѣсто родителей. Вообще, гдѣ родственные союзы крѣпки, тамъ подобные случаи не бываютъ чувствительны для малолѣтнихъ дѣтей. Напротивъ, въ развитыхъ цивилизованныхъ обществахъ мы видимъ, что родственныя отношенія весьма слабы, что родственники не живутъ вмѣстѣ; при подобномъ положеніи дѣти нуждаются въ томъ, чтобы кто нибудь заступилъ мѣ-

сто родителей. Однимъ словомъ, система постановленій объ опекѣ является въ нашемъ законодательствѣ не съ древняго времени, но первое постановленіе однако мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ въ томъ определеніи, что движимое имущество послѣ смерти родителя передается одному изъ родственниковъ, т. е. опекуну передъ посторонними людьми, т. е. свидѣтелями; въ свидѣтели назначаются или цѣлый родъ, или цѣлая община. Эти лица, которымъ сдаютъ на руки при свидѣтеляхъ имущество, оставшееся послѣ смерти, должны эти вещи сохранить сиротамъ къ тому времени, когда они придутъ въ возрастъ, когда они выдутъ изъ сиротскаго положенія. Такимъ образомъ, касательно опеки мы встрѣчаемъ только намеки на обязанность подобнаго рода и не должны удивляться краткости этихъ постановленій объ опекѣ, потому что эти постановленія развиваются впослѣдствіи времени съ измѣненіемъ окончательно родственныхъ отношеній. Затѣмъ въ Русской Правдѣ встрѣчаются постановленія касательно лицъ несвободныхъ. Эти постановленія отчасти намъ уже извѣстны, т. е. Русская Правда различаетъ свободныхъ отъ кабальныхъ холоповъ и закуповъ, которыя хотя зависятъ отъ власти господина, но зависимость срочная, до уплаты долга. Опредѣливъ различныя постановленія касательно преступленій, касательно наслѣдства, касательно опеки свободныхъ лицъ, Русская Правда даетъ довольно подробное постановленіе касательно судопроизводства. Порядокъ суда или изслѣдованіе преступленія опредѣляется въ Русской Правдѣ соотвѣтственно главнѣйшимъ родамъ преступленій: иной порядокъ опредѣляется въ случаѣ татьбы или покражи; иной порядокъ обнаруженія преступленія въ случаѣ убійства, и наконецъ иной порядокъ суда въ случаѣ личныхъ оскорбленій и въ случаѣ побоевъ. Русская Правда знаетъ три главныя нарушенія: татьба, убійство и побои, и соотвѣтственно этому она опредѣляетъ троякій способъ обнаруженія виновнаго и суда. Что касается до суда въ случаѣ татьбы, то этотъ порядокъ изслѣдованія заключается въ слѣдующемъ: въ случаѣ татьбы или кражи можно было узнать о совершившем-

ся преступленіи двоякимъ способомъ: или усмотрѣвъ вора на мѣстѣ преступленія, или найдя случайно свою вещь въ рукахъ другаго лица. Русская Правда разсматриваетъ преимущественно второй случай, потому что въ первомъ случаѣ законъ давалъ право убить вора на мѣстѣ преступленія, если онъ сопротивлялся; если же онъ не сопротивлялся, то нужно было его схватить и вести на княжескій дворъ, и тогда доказательство преступленія было очевидно. Оно дѣлалось очевиднымъ потому, что преступникъ пойманъ на самомъ мѣстѣ совершившагося преступленія. Во второмъ же случаѣ хозяинъ, усматривая краденую вещь у другаго лица, имѣлъ право задержать его и требовать показаній о томъ, какимъ образомъ эта вещь пріобрѣтена. Это и былъ такъ называемый сводъ. Можно было идти однако до третьяго лица: тогда хозяинъ могъ взять вещь обратно, а этотъ третій долженъ былъ искать свою вещь, стараясь обнаружить вора. Когда воръ отыскивался, тогда онъ обязанъ былъ заплатить за все по закону. Задержанный съ похищенною вещью долженъ представить двухъ свидѣтелей, при которыхъ онъ покупалъ вещь, или сослаться на мытника, т. е. на княжескаго чиновника, который находился на площади, при всякой куплѣ и продажѣ, и который собиралъ въ казну извѣстную пошлину подъ названіемъ *мытъ* при продажѣ и куплѣ всякаго рода вещей. Какъ два посторонніе свидѣтеля, такъ и княжескій чиновникъ или мытникъ должны были присягнуть въ томъ, что вещь продана или куплена законнымъ способомъ. Если они подтвердятъ справедливость такого показанія, то хозяинъ беретъ свою вещь у кого онъ нашелъ ее, а тотъ, у кого она отобрана, не считается виновникомъ; если же подобнаго подтвержденія не было, то онъ признается похитителемъ. Но въ свидѣтели допускаются только свободныя лица: холопы и челядинцы (подъ послѣдними разумѣется прислуга домашняя) не допускаются для слѣдственныхъ показаній. Здѣсь между прочимъ замѣтимъ, что несвободные не имѣли никакихъ правъ и при каждомъ случаѣ, законъ отнималъ отъ нихъ эти права; законъ отнимаетъ отъ нихъ даже право свидѣтельства о совершившемся преступленіи.

XII ЛЕКЦІЯ.

Такимъ образомъ несвободныя лица ни въ какомъ случаѣ не считались способными свидѣтельствовать. Они не могли являться и сами съ какими нибудь требованіями; напримѣръ, рабъ не могъ принести жалобу, за него долженъ былъ судиться и начать искъ его господинъ. Даже рабу нельзя было нанести оскорбленіе: съ нимъ можно было сдѣлать все, что угодно, только если рабу наносились, напримѣръ, побои, то за это господинъ могъ взыскать, какъ за убытокъ своей вещи. Характеръ судопроизводства въ Русской Правдѣ вообще тотъ, что предварительное изслѣдованіе или предварительное обнаруженіе преступленія не есть дѣло самаго суда, а есть обязанность частныхъ лицъ. Судъ не вызываетъ свидѣтелей, а предполагаетъ ихъ готовыми: сами лица приводятъ въ судъ свидѣтелей, сами отыскиваютъ слѣды совершившагося преступленія, а судъ только выслушиваетъ все, на что ему указываютъ частныя лица, и постановляетъ рѣшеніе. Въ рѣдкихъ случаяхъ судья посылаетъ находящагося при немъ отрока, т. е. княжескаго чиновника, исполняющаго разныя порученія, для провѣрки, для изслѣдованія какихъ либо отношеній. Мы видимъ, такимъ образомъ, еще полное неустройство судовъ въ это время. Впослѣдствіи времени, на ряду съ судьями, волостелями, тіунами и другими встрѣчаются уже особыя должностныя лица подъ именемъ доводчиковъ, которыя должны (изслѣдовать) розыскивать дѣло. Такимъ образомъ мы увидимъ, что судъ постепенно, хотя медленно увеличивается въ составѣ своихъ должностныхъ лицъ, принимаетъ характеръ приближающійся къ истинному суду. Это замѣчаніе мы дѣлаемъ касательно какъ судоустройства, такъ и самаго характера изслѣдованія процесса совершенія преступленія. Мы видѣли, что это древнее время отличается простымъ характеромъ въ отношеніи изслѣдованія совершеннаго преступленія. Такимъ образомъ, если совершалось преступленіе, но никто не при-

носилъ жалобы на совершившееся преступленіе, то суду не было до этого никакого дѣла. Если такъ относится судъ къ самымъ значительнымъ преступленіямъ, то тѣмъ болѣе онъ могъ относиться такимъ образомъ и къ менѣе важнымъ нарушеніямъ, напримѣръ, къ спорамъ гражданскимъ. Рѣдки поэтому были случаи, когда въ судѣ приходилось разбирать споръ объ имуществѣ, или споръ о наслѣдствѣ, или споръ гражданскій о какомъ либо договорѣ. Такимъ образомъ, на ряду съ судебными учрежденіями возникъ обычай разрѣшать дѣла или собственнымъ семейнымъ судомъ или другимъ какимъ либо искусственнымъ способомъ. Такъ встрѣчаются обычаи разрѣшать дѣла жребіемъ, встрѣчается обычай разрѣшать дѣло посредствомъ посредниковъ добровольно выбранныхъ самими лицами, и въ нѣкоторыхъ статьяхъ Русской Правды самъ законъ дозволяетъ частнымъ лицамъ разрѣшать дѣла подобнымъ способомъ. Въ видѣ доказательства упоминаются: присяга, испытаніе желѣзомъ и водою, показаніе свидѣтелей, слѣды совершившагося преступленія.

Затѣмъ, однимъ изъ доказательствъ принимаемыхъ Русскою Правдою упоминается поимка съ поличнымъ или поимка на самомъ мѣстѣ совершившагося преступленія. Что касается до порядка суда въ случаѣ убійства, то главная цѣль изслѣдованія въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, кто долженъ платить виру за совершонное преступленіе. И здѣсь мы видимъ также особенность древняго закона: законъ на первый разъ заботится не объ удовлетвореніи за совершившееся преступленіе, не о томъ, чтобы, напримѣръ, наказаніемъ тяжкимъ предотвратить другихъ отъ преступленія, но законъ заботится о томъ, съ кого взыскать виру, какіе люди, какіе общины должны заплатить виру; другая забота о томъ, къ какому званію принадлежитъ убитый: княжескій ли онъ мужъ или простолюдинъ. Различіе, какъ мы уже знаемъ, существовало въ томъ, что объемъ виры былъ неодинаковъ. Для опредѣленія виры есть особый княжескій чиновникъ—вирникъ. Это не столько судья, сколько финансовый чиновникъ, потому что главная забота о томъ, чтобы ни

одно преступленіе не осталось безъ платежа виры, а не о томъ, чтобы ни одно преступленіе не осталось безъ наказанія, и если преступникъ былъ не въ состояніи заплатить, то чтобы община не могла отказаться отъ платежа виры. Таковъ взглядъ этого древняго закона на самое важное преступленіе. на убійство. Отсюда подробныя постановленія о томъ, какимъ образомъ взыскивать эту виру. Затѣмъ въ пространной Русской Правдѣ встрѣчаются постановленія касательно изслѣдованія убійства, въ отношеніи того, какъ оно произошло. За удовлетвореніемъ вопроса о вирѣ, законъ сталъ заботиться о томъ, какъ убійство произошло: произошло ли убійство во время спора, не умышленно ли убійство съ разбоемъ, самое насиліе и совершившееся вслѣдствіе этого убійство не было ли умышленнымъ лишеніемъ жизни. То и другое обстоятельство должно быть доказано свидѣтелями; чѣмъ болѣе, свидѣтелей, тѣмъ лучше. Но такъ какъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ трудно было отыскать значительнаго числа свидѣтелей, напримѣръ по отношенію къ варягамъ, такъ какъ ихъ было мало въ эту эпоху, а славянинъ неохотно шелъ свидѣтелемъ въ пользу варяговъ, то Русская Правда опредѣляетъ, что для изобличенія нужно въ нѣкоторыхъ случаяхъ большее число свидѣтелей, нежели въ прочихъ. На ряду съ этимъ Русская Правда упоминаетъ о различныхъ наказаніяхъ. Кромѣ виры она упоминаетъ и о другихъ казняхъ, объ отобраніи имущества, о различныхъ денежныхъ наказаніяхъ. Что касается до смертной казни, то подъ этимъ названіемъ мы никогда не встрѣтимъ въ Русской Правдѣ лишеніе жизни, а встрѣчается эта казнь въ общемъ выраженіи, что *князь казнитъ*. Здѣсь разумѣется нечто иное, какъ казнь смертная. Затѣмъ упоминается наказаніе подъ именемъ потокъ; это есть то, что впослѣдствіи пріобрѣло наименованіе ссылки.

Власть князя могла лишить человѣка жизни, могла лишить его имущества и могла подвергнуть наказанію ссылки не только самаго виновника, но и цѣлое его семейство. Такъ встрѣчаются постановленія суда кня-

жескаго, въ силу которыхъ нѣсколько семействъ были приговорены къ этому наказанію. Не только самъ князь, но и всѣ его уполномоченные и княжескіе чиновники могли судить и приговаривать къ различнымъ наказаніямъ, не исключая и смертной казни. Лѣтопись Нестора упоминаетъ случай гдѣ смертная казнь была исполнена княжескими чиновниками по уполномоченію князя. Такимъ образомъ, каждое убійство, каждое дѣйствіе должно было быть изслѣдовано и доказано. Если же никто не сообщалъ свѣдѣнія о совершившемся убійствѣ и если община старалась скрывать трупъ убитаго, то за это она подвергалась кромѣ виры еще особымъ денежнымъ взысканіямъ. Законъ однако же, въ огражденіе этой общей отвѣтственности, опредѣлялъ, что если будутъ найдены мертвыя тѣла или если будутъ найдены только кости, то въ этомъ случаѣ нельзя взыскивать виры съ общины, потому что такіе случаи могли произойти не отъ вины человѣка, но, напримѣръ, могъ заѣсть звѣрь, или могло случиться какое нибудь другое несчастіе. Въ томъ только случаѣ община должна была розыскать, кто убилъ, если открыты явные слѣды неестественной смерти; и здѣсь мы видимъ тотъ же самый характеръ: не судъ изслѣдуетъ о совершившемся преступленіи, а полагается на самихъ частныхъ лицъ; если же община не могла розыскать, то это разумѣется какъ укрывательство виновника, и община должна была платить виру; преступникъ и самъ долженъ былъ отвѣчать своимъ имуществомъ, а не возлагать обязанность платежа на общину, поэтому община обязывалась платить лишь тогда, когда недоставало имущества. Наконецъ, что касается случаевъ судопроизводства при побояхъ, то этотъ порядокъ не представляетъ ничего особеннаго, потому что процессъ начинается жалобою на принесенные побои и они должны быть доказаны. Такъ Русская Правда упоминаетъ выраженіе: „оже придетъ мужъ къ судьѣ съ явными слѣдами побоевъ; если же слѣды побоевъ, вслѣдствіе нѣкотораго времени не столько ясны, тогда должно привести свидѣтелей. Затѣмъ назначается вира на основаніи закона. Порядокъ судопроизводства опредѣляемый Русскою Правдою

вообще сохраняетъ еще значеніе переходное отъ первоначальнаго патріархальнаго суда къ суду въ смыслѣ государственномъ. Такъ мы видимъ, что преступленіе запрещается, преслѣдуется существующимъ судебнымъ учрежденіемъ, существующимъ закономъ опредѣляющимъ наказаніе. Но на ряду съ судомъ, въ смыслѣ государственнаго учрежденія, являются другія учрежденія помогающія этимъ правительственнымъ судамъ. Такъ во первыхъ, община, имѣющая значеніе въ этомъ дѣлѣ и помогающая суду; во вторыхъ, эти частныя лица, которыя на ряду съ судомъ, на ряду съ судебными и княжескими чиновниками, если не отправляютъ суда, то содѣйствуютъ этому правосудію. Впослѣдствіи времени мы видимъ, что судебныя учрежденія получаютъ иной характеръ. Тогда это отношеніе частныхъ лицъ мало по малу переходитъ на обязанность должностныхъ лицъ, и община, хотя и не освобождается отъ нѣкоторыхъ пособій суду, но они выражаются въ другихъ формахъ. Итакъ, въ слѣдующемъ періодѣ увидимъ, что судъ состоитъ изъ княжескихъ чиновниковъ и на ряду съ ними выборныхъ лицъ изъ общины, которыя слушаютъ, какъ судья разбираетъ дѣло; при томъ они должны сказать, какіе у нихъ обычаи, для того чтобы судья могъ принять въ соображеніе при рѣшеніи дѣла. Но этотъ характеръ суда долженъ былъ измѣниться въ послѣдующее время, теперь же судъ существовалъ, какъ учрежденіе государственное, но ему помогаетъ община или частныя лица. Обратимся теперь къ указанію тѣхъ особыхъ дѣленій народа на классы, которыя встрѣчаются въ Русской Правдѣ. Русская Правда не говоритъ, впрочемъ, прямо о раздѣленіи народа на извѣстные классы, но можно сдѣлать выводъ объ этомъ изъ соображеній разныхъ ея статей. Изъ нихъ видно, что все народонаселеніе Руси дѣлилось въ то время на *княжихъ мужей* и людиновъ. Къ княжимъ мужамъ принадлежали бояре, огнищане и должностныя княжьи слуги. Къ высшему же классу населенія принадлежало духовенство (объ немъ не упоминаетъ Русская Правда). Затѣмъ слѣдовали людины— свободные, т. е. смерды и несвободные—закупы и хо-

лопы. Такъ упоминаются различные члены дружины: гридни, дѣтскіе, отроки, мечники, емцы, метальники, мытники, вирники, мостники, писцы и нѣкоторые другіе, какъ то: тіуны княжіе, огнищные, конюшіе и сельскіе. Соображая назначеніе этихъ различныхъ должностныхъ лицъ, можно видѣть, что нѣкоторыя изъ нихъ завѣдуютъ дѣлами внутренней администраціи и полицейской обязанностью, другіе принадлежали къ составу войска, третьи имѣли непосредственныя занятія при дворѣ князя. Что касается дружины, то она раздѣлялась на старшихъ и младшихъ дружинниковъ. Въ числѣ старшихъ дружинниковъ упоминаются бояре, намѣстники, посадники, упоминаются воеводы, какъ предводители отдѣльныхъ военныхъ отрядовъ, въ числѣ младшихъ княжескіе отроки, въ составѣ княжеской дружины для исполненія порученій князя или воеводы упоминаются дѣтскіе, которые, подобно отрокамъ, находились не при князѣ, но при отдѣльныхъ главныхъ его должностныхъ лицахъ, напримѣръ, при намѣстникахъ, при посадникахъ, при волостеляхъ. Затѣмъ упоминаются метальники. Подъ этимъ названіемъ—метать—значитъ въ юридическомъ смыслѣ призывать къ суду. Названіе происходило отъ того, что вызывающій кого либо къ суду, напримѣръ, не платящаго виру примѣрно назначалъ срокъ, въ который долженъ былъ явиться къ суду и эта раскладка срока поручалась обыкновенно особымъ чиновникамъ—метальникамъ. Кромѣ того упоминаются гридни. Слово гридень происходитъ отъ скандинавскаго слова гридъ, означающаго тѣлохранитель. Эти лица исполняли собственно различныя обязанности княжескихъ порученій. Такъ князь является окруженный своими гриднями при торжествахъ, такъ при различныхъ обрядахъ вѣнчанія упоминаются гридни, находящіеся около князя; они встрѣчаются и при значительныхъ боярахъ, напримѣръ, при тысяцкомъ. Затѣмъ упоминаются варяги и калбяги; въ смыслѣ членовъ дружины, не происходящіе изъ славянскаго племени; колбяги тоже самое что варяги, съ тѣмъ различіемъ, что это были конные ратники. Кромѣ того упоминаются княжескіе тіуны, упоминаются тіуны конюшіе, посельскіе. Эти лица исполняли раз-

личныя хозяйственныя обязанности при княжескомъ дворѣ, обязанности по управленію княжескимъ частнымъ имуществомъ; такъ князь имѣлъ свои земли въ отдѣльныхъ селахъ. Княжіе подъѣздные употреблялись при княжеской охотѣ. Изъ поученія Мономаха видно, что у князей была своя охота и ловчіе. Городники, мостники и мытники не всегда имѣли значеніе должностныхъ лицъ, иногда это были частныя лица. Наконецъ мы должны упомянуть о томъ, что въ Русской Правдѣ, при различнымъ взысканіяхъ, при опредѣленіи различныхъ денежныхъ наказаній, а также и при другихъ случаяхъ, напримѣръ, при исчисленіи пени, упоминаются различные знаки цѣнности, которые собственно составляютъ какъ бы особенную монетную систему по смыслу Русской Правды, къ разсмотрѣнію которой мы теперь обратимся. Отчасти я уже упомянулъ о томъ, почему и въ какомъ соображеніи важно обращать вниманіе на значеніе кунъ, гривенъ золота, серебра и другихъ выраженій упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ. Здѣсь я замѣчу, что всѣ эти названія, какъ въ отношеніи къ суду и порядку взысканія, такъ и по самому количеству ихъ, различными изслѣдователями въ нашей литературѣ объяснены различно. Такъ Успенскій, въ своемъ сочиненіи „Одревностяхъ русскихъ“, весьма подробно разсматриваетъ что такое куна, ногата, вѣкша и другія наименованія, имѣющія значеніе цѣнности. Но его изслѣдованія ошибочны, потому что онъ полагаетъ, что всѣ эти предметы выражаютъ не что иное, какъ металлическую цѣнность. По его понятіямъ и самыя куны были ни что иное, какъ металлическія деньги. Затѣмъ Каченовскій, въ своемъ сочиненіи „О кожанныхъ деньгахъ“, изслѣдовалъ точно также этотъ предметъ и пришелъ къ тому же убѣжденію, что куны, ногаты и другія подобныя этому наименованія обозначаютъ серебряныя деньги, но съ различною примѣсью недрагоцѣнныхъ металловъ. Это также ошибочное мнѣніе: если бы куны, ногаты и тому подобныя были дѣйствительно металлическими деньгами, то не было бы надобности въ Русской Правдѣ различать выраженія: гривна кунъ, гривна золота или гривна серебра.

Но такъ какъ эти выраженія существуютъ и такъ какъ они прямо противополагаются одно другому, то понятно, что куны, ногаты и тому подобныя, не могли быть металлическими деньгами, а предположеніе Каченовскаго, что это были деньги не чистаго серебра и не чистаго золота, произвольно, по крайней мѣрѣ потому, что онъ не привелъ самостоятельныхъ доводовъ. Между прочимъ однакоже онъ приводитъ нѣкоторыя соображенія, которыя привели его къ подобному убѣжденію. Такъ онъ нашелъ одно мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится, что, при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, Владиміръ Мономахъ приказывалъ бросать народу бѣль. Бѣль разумѣется также въ смыслѣ денежной цѣнности, и эту то бѣль онъ считаетъ серебряною монетою, потому что въ лѣтописи за этою бѣлью прибавлено „овоже сребренники"; но это прибавленіе ничего не доказываетъ, т. е. народамъ могли быть бросаемы не только дѣйствительно сребренники, т. е. металлическія деньги, но могли быть бросаемы и другіе знаки, имѣющіе денежную цѣнность. Затѣмъ Каченовскій упоминаетъ существованіе виръ за убійство: когда за убійство назначается 10 гривенъ серебра, по 4 гривны кунами или пенязью (*). Это послѣднее слово пенязь означаетъ дѣйствительно серебряную монету, но постановка этого слова на ряду съ куною не даетъ права предполагать, что куна была все равно, что пенязь. Это могло означать только то, что извѣстную виру можно было заплатить или куною, или серебромъ, или тѣмъ и другимъ, но что одно равняется другому, этого нельзя заключить. Далѣе онъ указываетъ, что во всей западной Европѣ было различіе монеты худой и хорошей чеканки: серебра бѣлаго (albus) и чернаго и что подобное же различіе вѣроятно существовало у насъ при Ярославѣ, въ эпоху Русской Правды. Слѣдовательно, по его мнѣнію, выходитъ, что была только монета, которая чеканилась, но которая была и дурнаго и хорошаго достоинства; хорошаго достоинства гривна золота и серебра, а дурной чеканки куна, ногата и другія знаки

(*) Договоръ Смоленскаго князя съ Ригою въ 1228 г.

цѣнности. Но противъ этого ложнаго значенія говорятъ слѣдующія соображенія: чеканка является весьма поздно, при извѣстномъ развитіи другихъ государственныхъ учрежденій: нужно для этого особое учрежденіе монетнаго двора, нужно особое искусство чеканки монеты. Всего этого невозможно предполагать въ ту эпоху, къ которой относится Русская Правда, слѣдовательно такое заключеніе совершенно произвольно. Если, во вторыхъ, допустить, что чеканка монетъ существовала, то во всякомъ случаѣ зачѣмъ было чеканить монеты дурнаго и хорошаго качества; примѣсь къ монетѣ является только въ позднѣйшее время и у народа, который прожилъ весьма долгое время и такъ если и чеканились въ древности монеты, то они чеканились въ одномъ и томъ же достоинствѣ. Невозможно, чтобы тогда могли быть такія понятія объ отношеніи драгоцѣннаго металла въ извѣстной примѣси недрагоцѣннаго металла; въ третьихъ, если бы куны были металлическими деньгами, то странно что подобное названіе, относящееся къ звѣринымъ шкурамъ, могло быть перенесено и на деньги изъ чистаго металла, а между тѣмъ, названіе кунъ произошло отъ куницы; названіе векши, мордки очевидно указываютъ не на металлическія деньги. Проф. Бѣляевъ полагаетъ тоже, что куны, ногаты и вѣкши были металлическими деньгами. См. очеркъ древней монетной системы на Руси. Напротивъ, если сообразить доказательства другихъ изслѣдованій, которыя очевидно объясняютъ, что куница есть отрѣзокъ отъ куньяго мѣха, что ногата и мордка отличаются тѣмъ другъ отъ друга и отъ рѣзаны, что въ одномъ случаѣ были не обрѣзаны, а въ другомъ случаѣ были обрѣзаны по уши, то эти соображенія говорятъ гораздо болѣе, нежели произвольныя толкованія. Такимъ образомъ очевидно и несомнѣнно и притомъ подтверждается множествомъ свѣдѣній (*), что куны, ногаты, рѣзаны были деньгами не металлическими, но имѣли значеніе цѣнности и приравнивались

(*) См. Изслѣд. Ланге о Русской Правдѣ.

8

къ значенію металлическихъ денегъ. Законъ, слѣдовательно, позволялъ платить взысканіе или золотомъ, или серебромъ, или извѣстнымъ количествомъ этихъ кожаныхъ денегъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія нужно сказать, что металлическія деньги появляются въ Россіи весьма поздно, а именно самыя гривны серебра и золота являются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгорода и Кіева, не въ смыслѣ монеты, а въ смыслѣ кусковъ, слитковъ, имѣющихъ опредѣленный вѣсъ. Мѣдныя деньги являются въ Россіи еще позже. Новое доказательство того, что у насъ не могло быть различія между монетою чистаго металла и съ примѣсью. Изъ соображенія всѣхъ различныхъ доказательствъ о значеніи монетныхъ денегъ, можно извлечь слѣдующій выводъ: во первыхъ, что касается до кунъ, то это были не цѣлые мѣха, а различные обрѣзки шкуръ. Обрѣзки выдавались княжескимъ чиновникомъ, а самые мѣха поступали въ доходъ казны. Обрѣзокъ, какъ знакъ опредѣляющій уплату подати, имѣлъ извѣстную цѣнность. Тотъ, кто передавалъ этотъ обрѣзокъ другому, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ право не платить пошлину. Отсюда значеніе цѣнности. На этихъ обрѣзкахъ княжескіе чиновники клали извѣстные знаки въ родѣ штемпелей, или впослѣдствіи времени выжигали на этихъ обрѣзкахъ извѣстныя печати, отъ этого какъ самая форма этихъ обрѣзковъ, такъ и самыя изображенія на нихъ обозначаемыя были совершенно различны. Они зависѣли отъ той мѣстности, гдѣ производился сборъ княжескихъ пошлинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣтописи упоминается напримѣръ, что куны смоленскія уступали въ цѣнности кунамъ другаго мѣста. Это значитъ, что не вездѣ величина сбора была одинакова и не вездѣ они имѣли одинаковую цѣнность. Иногда слово куна замѣняется выраженіемъ рѣзаны; это совершенно одно и тоже, только рѣзань выражаетъ еще яснѣе значеніе обрѣзка, тогда какъ куна выражаетъ только то, что отрѣзокъ принадлежитъ куницѣ. Что касается до значенія ногаты, то, для разрѣшенія этого вопроса, необходимо обратить вниманіе на то, что съ XIII-го вѣка слово ногата встрѣчается весьма рѣдко, и что подъ словомъ куна

съ этого времени разумѣется ужъ не рѣзана, какъ это было до этого времени, а собственно ногата. По послѣднему соображенію оказывается, что ногата такая же куна, но только въ меньшемъ объемѣ, съ нѣкоторыми отрѣзками ушей и т. п. Что касается до гривенъ золота и серебра, то въ этомъ отношеніи, по изслѣдованіямъ, относящимся къ XII-му и XIII-му вѣкамъ, можно приблизительно заключить, что новгородская гривна заключала въ себѣ отъ 68 до 72 золотниковъ, а кіевская отъ 36 до 38 золотниковъ. Такимъ образомъ гривна кіевская цѣнилась меньше нежели гривна новгородская. Гривны были какъ золотыя, такъ и серебряныя; слѣдовательно монеты въ этомъ смыслѣ слова, чтобы она была чеканена самими князьями, у насъ не существовало. Уже впослѣдствіи времени являются рубли, но ихъ нѣтъ ни въ эпоху Ярослава, ни въ эпоху пространной Русской Правды. Самая чеканка монетъ не могла существовать, потому что измѣреніе или взвѣшиваніе этихъ гривенъ золота и серебра опредѣлялась частными лицами, а не было дѣломъ правительства. Такъ упоминаются сребреники, какъ особенные люди, знающіе вѣсъ металла и умѣющіе приготовленіе гривенъ золота и гривенъ серебра, и въ этомъ мы видимъ доказательство того, что самое приготовленіе подобныхъ металлическихъ знаковъ не разсматривается нисколько, какъ дѣло правительства, а какъ дѣло самихъ частныхъ лицъ. Наконецъ является вопросъ о томъ, чѣмъ же опредѣляется относительная цѣнность гривны золота и серебра и гривны кунъ. Что такое гривна золота и серебра—мы уже знаемъ, а что такое гривна кунъ на это есть указанія лѣтописи.

XIII ЛЕКЦІЯ.

Нѣкоторыя мѣста лѣтописи даютъ возможность опредѣлить взаимныя отношенія между цѣнностью металлическихъ денегъ и гривенъ кунъ. Такъ, ипатьевская лѣтопись

говоритъ, между прочимъ, что одинъ сборщикъ податей собралъ 200 гривенъ серебра, что равняется 12 гривнамъ золота. Такимъ образомъ гривна золота равняется $16^2/_3$ гривенъ серебра. Затѣмъ изъ соображенія нѣкоторыхъ мѣстъ Русской Правды и нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи, изслѣдователи этого предмета опредѣлили, что гривна золота и гривна серебра имѣли опредѣленную цѣнность, именно, что гривна серебра составляла 16 долю гривны золота, а гривна серебра въ 42 золотника соотвѣтствовала на наши деньги 8 рублямъ, а гривна въ 48 золотниковъ—9 рублямъ и т. д. Опредѣливъ такимъ образомъ цѣнность металлическихъ денегъ, опредѣлили и цѣнность гривенъ кунъ. Гривна кунъ имѣетъ цѣнность около рубля 18 копѣекъ. Рѣзань же и ногата, какъ части гривенъ кунъ, имѣютъ значеніе не болѣе, какъ нѣсколько копѣекъ, отъ 2 до 5 коп. Заканчивая эти изслѣдованія о монетной системѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣніе Русской Правды, мы замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, вмѣстѣ съ Русской Правдой, помѣщенъ еще одинъ законъ подъ названіемъ Суднаго закона. Такъ, въ софійскомъ временникѣ на ряду съ Русской Правдой помѣщенъ одинъ довольно обширный законъ подъ названіемъ суднаго закона. Законъ этотъ есть переводъ изъ греческихъ законовъ, но то обстоятельство, что онъ помѣщенъ вмѣстѣ съ Русской Правдой и слѣдуетъ тотчасъ за ней и встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ (напр. въ Софійскомъ временникѣ) вмѣстѣ съ Русской Правдой, доказываетъ его древность. Съ другой стороны, разсматривая содержаніе этого закона, мы видимъ, что въ немъ заключаются пространныя постановленія о такихъ предметахъ, о которыхъ въ Русской Правдѣ или совершенно не упоминается, или упоминается весьма кратко. Послѣднее обстоятельство доказываетъ намъ, что судный законъ былъ примѣняемъ вмѣстѣ съ Русской Правдой, служа ей какъ бы дополненіемъ; но законъ этотъ оказывается видимымъ переводомъ съ греческихъ законовъ. Является вопросъ, какимъ образомъ этотъ законъ получилъ у насъ примѣненіе? То же самое духовенство, которое заботилось о введеніи церковнаго

устава, должно было заботиться и о томъ, чтобы, когда появилась Русская Правда, постановленія ея не были противоположны правамъ и преимуществамъ, опредѣленнымъ на основаніи греко-римскаго закона. А то обстоятельство, что нѣкоторыя дѣла чисто свѣтскія, напримѣръ, дѣла о наслѣдствѣ были предоставлены суду духовенства, еще болѣе сдѣлало необходимымъ взять изъ греческихъ законовъ какія нибудь подробныя правила для суда. Вотъ этими руководительными правилами и былъ судный законъ. Здѣсь мѣсто вникнуть ближе въ значеніе византійскаго вліянія на наше законодательство.

Начала византійскаго права перешли къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ въ греческихъ номаканонахъ. Новѣйшія изслѣдованія (Павловъ — первоначальный славяно-русскій номаканонъ) доказываютъ, что греческіе номаканоны существовали и употреблялись у насъ въ славянскомъ переводѣ еще въ XI и XII вѣкѣ. Митрополитъ Евгеній полагалъ, что славянская кормчая принесена къ намъ изъ Болгаріи вмѣстѣ съ другими церковными книгами, при самомъ введеніи христіанства; другой ученый баронъ Розенкампфъ полагалъ, что церковные законы до $^1/_2$ XIII вѣка обращались у насъ только въ греческомъ текстѣ. Преосвященный Макарій по отношенію къ этому предмету въ своемъ сочиненіи. Исторія Русской церкви не высказываетъ рѣшительнаго мнѣнія утверждая, что лишь *нѣкоторыя* церковныя правила были у насъ съ древнѣйшихъ временъ на славянскомъ языкѣ но не всѣ. Выводы, которые послѣ тщательныхъ изслѣдованій по этому предмету сдѣланы г. Павловымъ, объясняютъ, что съ древнѣйшихъ временъ, именно еще до временъ Митрополита Кирилла II въ русской церкви существовали и употреблялись въ славянскомъ переводѣ, тѣ же самые номоканоны какіе существовали и въ греческой церкви, т. е. номоканонъ Іоанна Схоластика и номоканонъ въ XIV титулахъ; въ преимущественномъ же употребленіи былъ послѣдній, но еще безъ правилъ Фотіевыхъ соборовъ и безъ толкованій. Изъ греко-римскихъ гражданскихъ статей въ составъ первоначальнаго славяно-русскаго номока-

нона входили извлеченія изъ Юстиніанова права въ сборникѣ Іоанна Схоластика и номоканона XIV титула, Эклога Льва Исавріянина и Прохиронъ Василія Македонскаго,—изъ греко-болгарскихъ.—Законъ судный людемъ. Митрополитъ Кириллъ II получилъ изъ Болгаріи не болгарскую, а сербскую кормчую. Фотіевъ номоканонъ сдѣлался извѣстнымъ у насъ въ славянскомъ переводѣ только со времени полученія Кирилловской кормчей. Важнѣйшимъ изъ всѣхъ частей славяно-русскаго номоканона, по отношенію къ источникамъ греко-римскаго права перешедшимъ въ наше законодательство, былъ такъ называемый *законъ судный людемъ* или судебникъ царя Константина. Розенкампфъ, Калачевъ и Павловъ обращали вниманіе на опредѣленіе значенія этого сборника законовъ: Розенкампфъ старался уяснить греко-римское происхожденіе суднаго закона, Калачевъ опредѣлялъ отношеніе его къ Русской Правдѣ, Павловъ разъясняетъ его въ смыслѣ болгарской компиляціи изъ различныхъ греко-римскихъ источниковъ и указываетъ нѣкоторыя общія черты сходства суднаго закона съ Русской Правдой. Разберемъ сначала содержаніе закона суднаго, а затѣмъ скажемъ о различныхъ спискахъ его Главнымъ содержаніемъ Суднаго закона были Эклоги Императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима (740 г.). Цахаріе, въ своемъ изданіи Collectio librorum juris graeco romani ineditorum Лейпцигъ 1852 замѣчаетъ большое сходство этой Эклоги съ извѣстными Leges Barbarorum. Въ 49 главѣ печатной Кормчей помѣщенъ переводъ Эклоги, однако не полный. Въ законѣ судномъ есть и такіе статьи, которыхъ нѣтъ въ славянскомъ переводѣ Эклоги. Вообще законъ судный представляетъ въ текстѣ переработанную Эклогу и дополненную; главнымъ образомъ эта переработка, какъ доказалъ г. Павловъ заключается въ томъ, что вмѣсто уголовныхъ наказаній назначаемыхъ Эклогою за тѣ или другія преступленія, законъ судный опредѣляетъ не свѣтскія (по греческому закону) наказанія, а церковныя эпитиміи или замѣняетъ свѣтскія наказанія денежными пенями и продажею. Нужно предположить, что такая передѣлка сдѣлана духовенствомъ въ Руси для

того, чтобъ не могло быть противорѣчія въ наказаніяхъ между церковными законами и древнѣйшими русскими законами. Самое различіе списковъ закона суднаго въ болѣе пространномъ объемѣ (древнѣйшій) и въ болѣе сжатомъ (позднѣйшій), изъ которыхъ въ послѣднемъ болѣе подобной передѣлки и принаровленія заставляютъ предполагать, что подъ именемъ Суднаго закона существовали два передѣланные текста Эклога, изъ которыхъ одинъ *краткій* назначался для судей духовныхъ, а другой пространный—для судей гражданскихъ. Краткій текстъ вошелъ въ составъ кормчихъ, а пространный болѣе сходный съ свѣтскими законами помѣщался въ сборникахъ иногда на ряду съ Русскою Правдою (*). Существованіе церковныхъ правилъ на славянскомъ языкѣ во время Ярослава Владиміровича подтверждается свидѣтельствомъ Новгородскаго инока Зиновія (XVI вѣка), который самъ видѣлъ и читалъ списки этихъ правилъ того времени и называетъ ихъ правиломъ древняго перевода, преписанными при Ярославѣ, Владиміровѣ сынѣ, и при епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей земли (**). Греческіе каноны не понятны были для русскихъ епископовъ XI и XII вѣка въ старинномъ, слишкомъ буквальномъ, а потому неясномъ церковно-славянскомъ переводѣ. Митрополитъ Кириллъ II за нѣсколько лѣтъ до владимірскаго собора бывшаго въ 1274 году обращался въ Болгарію съ просьбою о присылкѣ въ Русь славянского переводъ Номоканона и когда онъ получилъ, какъ доказываетъ г. Павловъ изъ Болгаріи кормчую хотя и не болгарскую, но *сербскую*, то нашелъ въ ней переводъ ясно истолкованнымъ (рекше: нынѣ же церковныя правила облисташе имъ основаны быша и благодатью Божіею ясно сіяютъ и пр.). Хотя большая часть епископовъ на Руси была изъ русскихъ, но и для тѣхъ изъ нихъ которые были родомъ греки необходимы были славянскіе переводы греческихъ номоканоновъ при управленіи церковными дѣлами въ землѣ славянскихъ пле-

(*) Рукописный сборникъ Соловецк. библіотеки 1493, № 858.
(**) Исторія Русской церкви Пр. Макарія, Т. I, стр. 115.

менъ. При томъ греческое духовенство стремясь распространить и утвердить въ землѣ славянской выработанныя юридическія понятія византійскаго церковнаго и свѣтскаго законодательства, должно было ради этой самой цѣли озаботиться съ древнѣйшихъ временъ т. е. съ эпохи принятія христіанства на Руси о томъ, чтобъ былъ славянскій переводъ византійскихъ номоканоновъ и чтобъ онъ былъ распространенъ и извѣстенъ какъ князьямъ такъ и народу. И вотъ первые христіанскіе князья Владиміръ, Ярославъ и др. *развергше греческій номоканонъ*, даютъ духовенству *свои* церковные уставы. Здѣсь выраженіе греческій номоканонъ можетъ означать не только написанный по гречески, но и переведенный съ греческаго въ славянскомъ переводѣ, хотя по происхожденію и удержавшій названіе греческаго. Подобно св. Владиміру развершему греческій номоканонъ; великій князь Ярославъ издалъ свой церковный уставъ по совѣщанію съ митрополитомъ Иларіономъ—*разложивъ съ нимъ греческій номоканонъ*, а новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичь приказывалъ епископу Нифонту, рѣшать споры о наслѣдствѣ—*смотря въ номоканонъ*. Въ уставѣ Ярослава по списку 1261 года включены были уже прямо точныя выписки изъ греко-римскихъ законовъ именно статьи о разводѣ, взятыя изъ Прохейрона Василія Македонянина. Такимъ образомъ подъ именемъ номоканона разумѣется въ церковныхъ нашихъ уставахъ—вообще греко-римскіе законы, какъ руководство для русскихъ князей въ ихъ церковно-законодательной дѣятельности. Есть прямыя указанія на то, что въ XI и XII вѣкѣ у насъ извѣстны были въ славянскомъ переводѣ церковные каноны (*). Полагаютъ, что первоначальнымъ славянскимъ номоканономъ были переводы собраній каноновъ Іоанна Схоластика (VI вѣка). Розенкампфъ и Востоковъ относятъ списокъ его къ письму XIII вѣка, а по содержанію и языку къ эпохѣ обращенія болгаръ въ христіанство; новѣйшій изслѣдователь этого вопроса г. Павловъ, видитъ въ этомъ спискѣ по особенной его древности памятникъ переводныхъ трудовъ еще самого св. Меѳо-

(*) См. соч. Павлова первоначальномъ славян. русск. номоканон.

дія (*). Кромѣ 87 церковно-юридическихъ главъ собранія Іоанна Схоластика, извлеченныхъ изъ различныхъ новеллъ Юстиніана, у насъ имѣли примѣненіе: законъ судный людемъ или Судебникъ царя Константина, составленный не позже конца X вѣка въ Болгаріи въ видѣ компиляціи изъ разныхъ источниковъ византійскаго права, и перенесенный къ намъ въ первоначальномъ славянскомъ номоканонѣ (а не въ послѣдующемъ по ходатайству митрополита Кирилла II) еще при св. Владимірѣ. Древность Закона Суднаго на которую обращалъ вниманіе еще Дубенскій, доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ текстъ Русской Правды вошли готовыми нѣкоторыя изъ статей Закона Суднаго. Кромѣ Закона Суднаго, византійское вліяніе выражалось въ употребленіи у насъ въ XI и XII вѣкѣ *Номоканона Фотія* или Номоканона въ XIV титлахъ. Номоканонъ этотъ подобно канонамъ Схоластика и Судному Закону, существовалъ у насъ еще до времени Кирилла II. Изслѣдованія Бинера, Биккеля, Геймбаха, Цакаріе и Мортрейля доказали что этотъ номоканонъ приписываемый патріарху Фотію, есть произведеніе двухъ лицъ: неизвѣстнаго за долго предшествовавшаго Фотію и составителю его и Фотію, который сдѣлалъ только незначительныя дополненія къ труду неизвѣстнаго своего предшественника. Вопросъ о томъ, когда этотъ номоканонъ Фотія появился у насъ на Руси въ славянскомъ переводѣ, остается въ наукѣ неразрѣшеннымъ и въ настоящее время. Г. Павловъ высказываетъ по поводу этого вопроса слѣдующее предположеніе, онъ относитъ появленіе этого перевода у насъ на Руси, ко времени Ярослава, когда по словамъ Зиновія бываше и *переложеніе* книгамъ съ греческаго языка на русскій; онъ же приводитъ и доказательства того, что во всякомъ случаѣ въ XI и XII вѣкахъ переводъ этотъ находился у насъ въ употребленіи. Такимъ образомъ русская церковь въ первыя два съ половиною вѣка имѣла въ славянскомъ переводѣ тѣ же самые два номоканона (Схоластика и Фотіевъ), какіе употреблялись тогда и въ церкви греческой. Схоластиковъ номоканонъ и въ русскихъ спискахъ неизмѣнно

(*) Тамъ же стр. 23.

удержалъ свою первоначальную болгарскую редакцію. Номоканонъ приписываемый Фотію, долженъ быть названъ по преимуществу въ переводѣ—русскимъ, потому что онъ находился у насъ въ преимущественномъ употребленіи и еще до Кирилла II снабженъ былъ русскими дополнительными постановленіями.

XIV ЛЕКЦІЯ.

Опредѣливъ внѣшнее значеніе тѣхъ формъ, въ которыхъ выразилось на Руси византійско-юридическое вліяніе, посмотримъ на *внутреннее* значеніе этого вліянія. Въ концѣ IX вѣка въ Византіи существовало уже нѣсколько сборниковъ такихъ законовъ церковно-свѣтскихъ или номоканоновъ какими были номоканоны Схоластика и Фотія. Дальнѣйшее развитіе ихъ по внутреннему содержанію въ византійской юридической литературѣ выразилось въ объясненіяхъ и толкованіяхъ на эти сборники—Зонара, Вальсамона и Аристина. Вліяніе византійскаго элемента на нашъ древній юридическій бытъ, чрезъ посредство Номоканоновъ и примѣнявшее ихъ духовенство должно было отразиться преимущественно на 3 сферахъ: въ быту семейномъ, въ имущественныхъ отношеніяхъ и въ порядкѣ суда. На семейный бытъ это вліяніе не могло быть сильнымъ, потому что преобладающимъ элементомъ былъ обычай славянскій и обычные формы жизни семейнаго быта; нѣсколько значительнѣе могло быть вліяніе на имущественныя отношенія, значительнѣе сравнительно, но незначительно по существу; такъ законъ судный хотя и содержитъ статьи объ укрывательствѣ рабовъ, о поклажахъ, займѣ, завладѣніи чужого имущества и наслѣдствѣ, могущія быть поставлены въ связь съ Русскою Правдою, но другія постановленія закона суднаго напр. о духовныхъ завѣщаніяхъ и заключеніе договорныхъ сдѣлокъ—вовсе не соотвѣтствовали тогдашнему быту, обычному. Такъ не въ обычаѣ было писать духовныя завѣщанія или договорныя условія при

неразвитіи письменности. Градскіе законы въ первыхъ одиннадцати граняхъ содержатъ остатки римскаго законодательства касательно семейнаго быта. Изъ этихъ статей имѣютъ отношеніе къ Русской Правдѣ—постановленія о вдовьей части изъ имущества мужа и на оборотъ и о вдовѣ вступающей въ второй бракъ. Постановленія Прохейрона о дарѣхъ—заключаютъ видоизмѣненіе римскаго ученія, оставшагося безъ всякаго послѣдствія въ русскомъ правѣ. Классификація договоровъ, слѣдующая за тѣмъ съ 14-й грани: договоры купли, заемъ, залогъ, поручительсгво, наемъ, поклажа, товарищество могли вліять на русское право — только одними внѣшними различеніями договоровъ, но не внутреннимъ значеніемъ каждаго договора въ смыслѣ римскаго воззрѣнія. Такъ понятія о *куплѣ*, какъ договорѣ особомъ отъ передачи вещи у насъ совсѣмъ нѣтъ, *наемъ* вещей не опредѣленъ такъ пространно, какъ въ римскомъ правѣ, запрещеніе процентовъ установленное Прохейрономъ не имѣло никогда примѣненія. Такимъ образомъ на систему договоровъ вліяніе византійское ничтожно. Посмотримъ далѣе: въ постановленіяхъ Прохейрона о завѣщаніяхъ—казалось бы при особомъ вліяніи духовенства поэтому предмету могли бы перелиться въ нашу жизнь византійскія юридическія начала, но вся формальная сторона нашихъ духовныхъ завѣщаній, все содержаніе ихъ и цѣль совершенно въ иномъ смыслѣ; въ постановленіяхъ о наслѣдствѣ оказывается, что Русская Правда въ вопросѣ о наслѣдованіи послѣ отца ближе соотвѣтствуетъ Моисееву закону, чѣмъ Прохейрону за исключеніемъ правъ наслѣдованія матери вдовы и вдовы вступающей во второй бракъ. Обычная жизнь Руси вырабатывала свои юридическія воззрѣнія и *своеобразно* видоизмѣняла и усвояла иноземныя юридическія воззрѣнія. Конечно мы не видимъ въ этомъ недостатка, а напротивъ одну изъ древнѣйшихъ, вѣковыхъ особенностей нашей національности, составляющей ее достоинство въ смыслѣ самобытности, не уступающей, не дающей себя поглотить иноземному вліянію. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя великія воззрѣнія византійскія перешли хотя и медленно въ нашу жизнь.

Въ постановленіяхъ Прохейрона объ отпущеніи рабовъ, рабство названо установленіемъ языческимъ, несогласнымъ съ законами природы. Изъ этого взгляда въ русской юридической практикѣ послѣдовали безпрестанные примѣры отпущенія рабовъ на волю, запрещеніе закона убивать раба за оскорбленіе свободного, взысканія впослѣдствіи съ господина за убійство раба, за исключеніемъ случая нечаяннаго убійства. Постановленія о давности 3, 10 и 20-лѣтней, совсѣмъ не прививались къ нашему законодательству до самаго XV вѣка. Но за то Русская Правда и Эклоги имѣютъ много сходныхъ началъ въ дѣлахъ по наслѣдству. И такъ византійское вліяніе было, но оно: 1) ограничивалось по времени—древнѣйшимъ періодомъ развитія нашего законодательства и 2) по содержанію—воспринималось съ значительною и своеобразною переработкою византійскихъ воззрѣній—русскою обычною жизнію (по пошлинѣ).

Теперь разсмотримъ содержаніе *закона судного:*

Онъ содержитъ 32 главы, опредѣляющія различные предметы. Въ видѣ этихъ опредѣленій встрѣчаются постановленія о порядкѣ судопроизводства, какъ бы дополняя постановленія, находящіяся въ Русской Правдѣ. Въ отношеніи судопроизводства опредѣляются подробныя постановленія о свидѣтеляхъ, о случаяхъ, въ которыхъ допускается присяга. Въ отношеніи гражданскихъ законовъ опредѣляются гражданскія постановленія о наслѣдствѣ и въ особенности подробныя постановленія касательно завѣщаній. Въ отношеніи завѣщаній мы видѣли, что ни договоры, ни Русская Правда не упоминаютъ никакихъ подробностей, какимъ образомъ должно быть составлено завѣщаніе. Но пока дѣла этого рода были предоставлены духовенству, то духовенство могло и успѣло заявить условія византійскаго закона, при которыхъ завѣщаніе могло считаться закономъ. Вотъ эти то подробности и находятся въ судномъ законѣ. Постановленія эти заключаются въ слѣдующемъ: духовное завѣщаніе, на основаніи суднаго закона, должно начинаться исповѣданіемъ вѣры завѣщателя. Онъ долженъ упомянуть,

что онъ христіанинъ. Затѣмъ въ завѣщаніи должны быть помѣщены непремѣнно распоряженія объ освобожденіи нѣкоторыхъ рабовъ, именно тѣхъ, которые исполняли ближайшую службу у умершаго, распоряженія о выдачѣ части имущества бѣднымъ, о назначеніи части имущества духовенству и церкви. Затѣмъ завѣщаніе должно полагать назначеніе различныхъ частей имущества женѣ, дѣтямъ, а если дѣти оставались въ малолѣтнемъ возрастѣ, то завѣщатель долженъ назначить къ нимъ опекуновъ; при томъ говорится, что завѣщатель не можетъ оставить женѣ болѣе половины своего имѣнія. Кромѣ того требовалось, чтобы завѣщаніе совершалось и было написано при свидѣтеляхъ, которыхъ должно быть не менѣе 7, чтобы свидѣтели были лица, заслуживающія довѣрія и притомъ непремѣнно изъ свободныхъ лицъ. Самъ завѣщатель при составленіи завѣщанія долженъ быть въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Онъ долженъ, между прочимъ, назначить распорядителей для выполненія своихъ завѣщательныхъ распоряженій. Эти лица послѣ смерти должны исполнить его волю. Такимъ образомъ, этотъ самый смыслъ своею точностью, опредѣлительностью, своею древностью — чисто юридическаго развитія, указываетъ, что онъ принадлежалъ къ какому нибудь другому законодательству, которое имѣло вѣковое свое развитіе. Эти постановленія доказываютъ, что судный законъ введенъ духовенствомъ и переведенъ прямо изъ греческаго закона. Тамъ же мы находимъ постановленіе касательно порядка допроса свидѣтелей: Они допрашиваются въ порядкѣ: выслушиваются свидѣтели съ той и другой стороны. Преимущество отдается болѣе достовѣрнымъ свидѣтелямъ. Послѣ допроса, свидѣтеля нужно привести къ присягѣ; опредѣляется число свидѣтелей отъ 3—7, а въ большихъ дѣлахъ 18. Эти постановленія о свидѣтеляхъ взяты изъ законовъ Василія Македонянина и различныхъ другихъ византійскихъ законовъ Льва философа и Юстиніана. Кромѣ этого въ судномъ законѣ заключаются постановленія, касающіяся уголовнаго права. Такъ за убійство свободнаго человѣка судный законъ назнача-

етъ смертную казнь; этому же наказанію подвергаются разбойники, а также наносящіе смертельную рану во время ссоры. Если же рана не смертельна и выздоровленіе послѣдуетъ, то раненому должно заплатить за леченіе. Смертная казнь назначается также за нанесеніе побоевъ беременной женщинѣ если произойдетъ выкидышъ. За прочія преступленія назначается денежная пеня, а за нѣкоторыя другія сверхъ того и отобраніе имущества въ пользу князя и ссылка, а также тѣлесныя наказанія. Мы видѣли, что Русская Правда не упоминаетъ точно о смертной казни, напротивъ того здѣсь мы видимъ, что опредѣленія касательно смертной казни довольно подробны. Это находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что еще Владиміръ совѣщался съ духовенствомъ о томъ—удержать или отмѣнить смертную казнь и онъ предложилъ духовенству вопросъ, за какія вины чинить смертную казнь и за какія вины и преступленія другія наказанія. Духовенство, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ еще до появленія Русской Правды, приняло въ руководство греческіе законы. Таковъ вообще характеръ суднаго закона. Законъ иноземный, но необходимый въ то время, потому что духовенство имѣло въ своихъ рукахъ различные предметы суда о которыхъ встрѣчающіеся постановленія и въ Русской Правдѣ были весьма кратки. Это намъ объясняетъ то обстоятельство, что постановленія въ судномъ законѣ всегда болѣе касаются такихъ предметовъ, о которыхъ Русская Правда или вовсе не упоминаетъ, или упоминаетъ кратко и неопредѣленно. Такъ, напримѣръ, судный законъ опредѣляетъ наказаніе за воровство особымъ образомъ. На основаніи греческаго закона: „кто три раза будетъ пойманъ въ церковной кражѣ", опредѣляетъ судный законъ, тому нужно отсѣчь руку, выколоть глаза и тому подобное сдѣлать изувѣчіе. Мы видимъ, что здѣсь совершенно особыя наказанія; Подобнымъ образомъ встрѣчаются различныя опредѣленія за кражу разныхъ вещей. Мы не будемъ исчислять всѣ эти частности, потому что для насъ важенъ общій характеръ, а не частности содержанія закона. Судный законъ, въ соединеніи съ Русской Правдой,

вотъ что въ особенности важно, т. е. намъ предстоитъ разрѣшить вопросъ, какъ примѣнялась къ дѣлу Русская Правда, одна ли, въ соединеніи ли съ чѣмъ нибудь другимъ, и если примѣнялись съ Русской Правдой еще и другіе законы, то которому закону оказывалось преимущество въ случаѣ противорѣчія, а противорѣчіе могло быть. Такъ уже изъ первоначальнаго разсмотрѣнія Русской Правды мы вынесли то убѣжденіе, что этотъ первый сборникъ былъ необходимъ въ особенности для суда и названіе Русской Правды указываетъ, что ближайшимъ образомъ законъ этотъ былъ данъ для того, чтобы судьи княжескіе рѣшали всякія дѣла, опредѣляли всякое наказаніе не по обычаю, а на основаніи письменнаго закона. И такъ Русская Правда была руководительнымъ началомъ въ дѣятельности судебной, но такъ какъ въ судахъ свѣтскихъ при тіунахъ и волостеляхъ часто находились и лица духовнаго званія (а находились они потому, что за большую часть преступленій, часть денежной пени назначалась въ пользу церкви) и такъ какъ нѣкоторыя дѣла предоставлены исключительно духовному суду, а къ свѣтскимъ судьямъ могли приходить люди всякаго званія, то они не могли разрѣшать, духовныя дѣла потому, что они принадлежали суду духовному. Это объясняется тѣмъ, что во многихъ случаяхъ судъ сообразовался не только съ Русской Правдой, но и съ другими законами. Этимъ дополнительнымъ закономъ былъ Судный законъ. Другой вопросъ, который представляется при этомъ, тотъ, какимъ образомъ разрѣшались противорѣчія, которыя могли быть между Русской Правдой и Суднымъ закономъ. Существенныхъ противорѣчій быть не могло. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ эти противорѣчія были, разрѣшались они преимущественно на основаніи Суднаго закона, потому что этотъ послѣдній былъ гораздо подробнѣе и опредѣлительнѣе по отношенію къ нѣкоторымъ предметамъ. Наконецъ, является вопросъ касательно того, удерживалъ ли свою силу Судный законъ впослѣдствіи времени и какую пользу онъ принесъ въ общемъ развитіи законодательства. Что Судный законъ дѣйствовалъ какъ за-

конъ и впослѣдствіи времени, его видно не только изъ того, что онъ находится во многихъ спискахъ, слѣдующихъ за Русской Правдой, но также и изъ того, что послѣдующіе церковные уставы повторяютъ опредѣленія, находящіяся въ Судномъ законѣ и въ самой Кормчей книгѣ въ сборникахъ 17 вѣка встрѣчаются также постановленія изъ Суднаго закона. Наконецъ, въ отношеніи къ тому, какую пользу принесъ Судный законъ въ общемъ развитіи законодательства, нужно объяснить слѣдующее: Судный законъ взятъ изъ развитаго и систематическаго законодательства, какимъ было законодательство византійское. Оно развивалось не только цѣлыми вѣками, но въ развитіи его въ извѣстной степени участвовалъ ученый элементъ: труды римскихъ и византійскихъ юристовъ и цѣлые кодексы законовъ византійскихъ. Нѣкоторыя понятія, слѣдовательно постановленія, встрѣчающіяся въ Судномъ законѣ были образцовыми для тогдашняго времени, образцовыми по опредѣленности условій, которыя въ нихъ были выражены. Эти всѣ начала перешли въ наше законодательство. Такимъ образомъ несомнѣнно, что Судный законъ принесъ пользу въ развитіи нѣкоторыхъ постановленій; въ особенности это можно сказать въ примѣненіи къ гражданскому праву. Два главныхъ предмета его, именно: наслѣдство по завѣщанію и самое завѣщаніе не могли бы получить такъ скоро и вдругъ юридическій порядокъ, опредѣленность, если бы не было въ особенности и вліянія иноземнаго. Въ связи съ этимъ находится и то, что Русская Правда и не упоминаетъ объ этихъ предметахъ подробно. Такъ мы видѣли, что говоря о наслѣдствѣ и завѣщаніи Русская Правда о самомъ завѣщаніи не даетъ подробныхъ опредѣленій.

Далѣе развитіе законодательства послѣ Русской Правды сначала удерживаетъ свой общій и единый характеръ, но впослѣдствіи получаетъ значеніе, разнообразіе и спеціальность. Такъ, при первыхъ преемникахъ Ярослава, Русская Правда продолжаетъ имѣть значеніе единаго общаго закона для всей Руси. Впослѣдствіи же времени являются дополненія, установленныя на съѣз-

дахъ князьями. Эти дополненія касаются только общихъ постановленій законодательства, а развитіе частностей является уже въ формѣ новыхъ законовъ, именно въ формѣ договорныхъ грамотъ князей между собою, посредствомъ которыхъ развивалось внутреннее государственное устройство удѣльныхъ княженій; во вторыхъ посредствомъ уставныхъ грамотъ, которыя развивали администрацію городовъ и селъ, посредствомъ судныхъ грамотъ, которыми опредѣлялся дальнѣйшій порядокъ суда и расправы, сначала въ связи законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, затѣмъ въ особенности въ отношеніи уголовнаго процесса; каждое удѣльное княжество въ теченіи удѣльнаго періода являетъ собою примѣръ развитія особенныхъ законовъ, какъ бы мѣстныхъ законодательствъ. Но Русская Правда не перестаетъ, на ряду съ этими особыми мѣстными законами, имѣть общую силу. Такимъ образомъ общее развитіе законодательства въ теченіи послѣдующаго періода является въ видѣ общихъ сборниковъ съ его дополненіями и въ видѣ отдѣльныхъ законовъ, не имѣющихъ общаго характера, а имѣющихъ значеніе закона только для каждаго отдѣльнаго княжества. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому времени и къ объясненію законодательныхъ его памятниковъ нужно объяснить причины, которыя произвели подобное развитіе, именно мы должны разсмотрѣть основаніе удѣльной системы по отношенію къ развитію законодательства въ теченіи удѣльнаго періода. Мысль Ярослава, выраженная въ его завѣщаніи, на основаніи которой было положено начало удѣльной системѣ, была та, чтобы князья, при отдѣльной самостоятельности управленія своими удѣлами, сохраняли общее единство Руси и признавали бы въ старшемъ князѣ главу и государя. Но эта первоначальная мысль Ярослава впослѣдствіи получила совершенно иное примѣненіе.

Сначала власть великаго князя имѣла подобное значеніе, потомъ она потеряла всякое значеніе въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ; затѣмъ развилась отдѣльная система разныхъ великихъ княженій, и каждая система образовала отдѣльную группу, представляя

между собою союзъ удѣльныхъ князей съ извѣстнымъ великимъ княземъ. Такимъ образомъ единство административное прекратилось въ теченіи удѣльнаго періода и оно поддерживалось только единствомъ законодательнымъ вмѣстѣ съ единствомъ національнымъ или народнымъ. Въ тоже самое время является другая причина, которая также не осталась безъ послѣдствій въ законодательствѣ: является эпоха монгольской дани. Эта эпоха вліяетъ на государственное устройство тогдашняго времени: она не остается безъ послѣдствій для значенія княжеской власти, въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ. Эти отношенія не были-бы такими, какими они были вслѣдствіе дани монгольской. Кромѣ того монгольская эпоха проявляетъ свой результатъ въ отношеніи финансовомъ: является новая система податей, повинностей и сборовъ; является вліяніе и въ отношеніи уголовнаго законодательства, являются новыя виды и роды преступленій. Не смотря на это общее значеніе вліянія, во всякомъ случаѣ оно остается только внѣшнимъ, оно не идетъ въ самую глубь жизни народа: оно, такъ сказать скользитъ на поверхности внѣшнихъ отношеній и, за исключеніемъ вліянія финансоваго и вліянія въ отношеніи системы наказаній, въ гражданскомъ быту и во многихъ другихъ отношеніяхъ оно не производитъ существенныхъ послѣдствій. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ появляются нѣкоторые новые законы, видоизмѣняются старые и прежде всего является измѣненіе и дополненіе различныхъ постановленій Русской Правды. Какъ законъ вышедшій изъ самаго быта и жизни народа, какъ законъ незаимствованный, а вполнѣ національный, Русская Правда должна была сохранять нѣсколько вѣковъ свою силу въ смыслѣ закона. И дѣйствительно она сохраняла силу закона въ то время, когда Русь раздробилась на множество отдѣльныхъ княжествъ, въ которыхъ каждый князь былъ самостоятельный законодатель, каждый князь имѣлъ право издать свой законъ, какой онъ хотѣлъ. Но при всей этой власти самостоятельнаго законодательства князья поняли необходимость единаго примѣненія Русской Правды во всѣхъ своихъ княжествахъ и для того

они производятъ общіе съѣзды. На этихъ съѣздахъ они договариваются о различныхъ предметахъ и между прочимъ о дополненіяхъ Русской Правды. Этотъ фактъ весьма важный въ исторіи не только нашего законодательства, но вообще въ исторіи нашего отечества, въ томъ отношеніи, что законъ, вышедшій изъ жизни народа, можетъ сохранять свою силу, не смотря на раздробленіе государства; въ удѣльномъ періодѣ при полной и самостоятельной власти князя издавать законы, какіе онъ хочетъ, Русская Правда не уничтожилась, а напротивъ служила основаніемъ для развитія мѣстнаго законодательства удѣльныхъ княжествъ. И такъ на первый разъ мы видимъ особыя постановленія, имѣющія значеніе какъ законъ съѣзда князей. Мы должны разсмотрѣть значеніе съѣзда, мы должны опредѣлить и другіе предметы, о которыхъ совѣщались князья на этихъ съѣздахъ, мы должны вникнуть въ учрежденіе, которое установилось обычаемъ не только для дополненія законовъ, но служило и государственною связью между князьями въ то время, когда удѣльныя княжества могли бы составить совершенно отдѣльныя и самостоятельныя владѣнія, въ виду такимъ образомъ причины поддерживающей связь и единство на Руси, въ то время, когда кромѣ единства вѣры, кромѣ вліянія духовенства, кромѣ единства закона въ смыслѣ Русской Правды, весьма важно было и то, что это единство поддерживалось сознаніемъ общаго интереса, что Русь должна быть едина, и это сознаніе выражалось въ союзѣ князей между собою. Въ связи съ этимъ находится разсмотрѣніе о томъ, какое значеніе получила у насъ княжеская власть послѣ Ярослава. Приступая къ внутренней исторіи этаго періода мы должны разсмотрѣть и опредѣлить княжескую власть, какою она была въ періодъ удѣльной системы. Какою она была прежде мы видѣли. Мы видѣли, что князья имѣли высшую власть, что значеніе этой власти еще болѣе было поднято религіею, мы видѣли до какой степени вліяніе христіанской религіи было полезно для княжеской власти, какою она была при Владимірѣ и Ярославѣ. Послѣ его начинается иное значеніе этой власти князя. Сначала онъ яв-

ляется только старшимъ въ ряду другихъ подобныхъ себѣ князей, какъ старшій братъ, заступающій мѣсто отца. За тѣмъ является отдѣльная группа великихъ княженій, слѣдовательно является и иное значеніе власти великокняжеской. Въ каждой отдѣльной группѣ являются особыя отношенія между князьями удѣльными и княземъ великимъ, образуется новая система престолонаслѣдія, т. е. выработываются разныя мнѣнія о томъ, въ какомъ порядкѣ отъ одного лица къ другому можетъ переходить власть. Все это совершается въ извѣстной послѣдовательной связи, въ историческомъ развитіи, и это то развитіе предстоитъ намъ опредѣлить. Кромѣ княжеской власти, кромѣ ея значенія, кромѣ отношеній между князьями великими и удѣльными, образуются взаимныя отношенія между удѣльными князьями, т. е. между удѣльными князьями эти отношенія имѣютъ характеръ союза, характеръ обоюдный; является новый родъ законовъ для опредѣленія такихъ отношеній, это —договорныя грамоты князей между собою. Въ этихъ грамотахъ являются новые законы, частью основанные на статьяхъ Русской Правды, частью служащіе дополненіемъ и развитіемъ Въ силу не установившагося порядка престолонаслѣдія образуются совершенно особыя отношенія между народомъ и княземъ. Въ силу этихъ особыхъ отношеній сначала народъ привыкаетъ видѣть частую перемѣну лицъ на своемъ княжескомъ престолѣ; за тѣмъ мало по малу установляется переходъ власти въ одномъ и томъ же поколѣніи и образуется болѣе связи между княжескою властью и народомъ. Все это имѣетъ значеніе на перемѣну значенія дружины, высшихъ классовъ народа, на перемѣну значенія земскихъ классовъ народа на устройство селъ и городовъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что однѣ причины порождаютъ другія и отражаются въ законодательствѣ. Затѣмъ внутренняя администрація, порядокъ управленія городовъ и селъ, поземельная собственность, подъ вліяніемъ какъ этихъ причинъ, такъ и подъ вліяніемъ эпохи монгольской, получаютъ новое значеніе съ развивающимися понятіями о поземельной собственности и о правахъ владѣльца. Всѣ эти явленія находятся въ связи въ теченіи удѣльнаго періода. Такимъ

образомъ мы видимъ, что Русская Правда не могла удержать своего первоначальнаго значенія при всѣхъ этихъ послѣдующихъ перемѣнахъ и что должны были появиться новые законы Они являются сначала въ формѣ однообразной; за тѣмъ мало по малу они представляютъ уклоненія отъ общаго начала и значительныя противорѣчія. Чѣмъ болѣе удѣльныя княжества становились самостоятельнѣе и чѣмъ болѣе дѣлился удѣлъ на части, тѣмъ болѣе возникали свои особые законы и тутъ то это множество законовъ дошло до того, что иногда нѣсколько смежныхъ городовъ составлявшихъ незначительный удѣлъ пользуются совершенно особою системою законовъ. Эти особенности, касающіяся городовъ и селъ, выражались въ уставныхъ грамотахъ. Они опредѣляютъ права городовъ и селъ, опредѣляютъ различныя повинности жителей, различные сборы и отчасти порядокъ судебный. Впослѣдствіи времени судебный порядокъ выразился въ законахъ подъ названіемъ судныхъ грамотъ; но и здѣсь сначала порядокъ расправы уголовной не отличался отъ дѣлъ гражданскихъ, въ судныхъ грамотахъ тотъ и другой порядокъ опредѣляются вмѣстѣ. За тѣмъ являются губныя грамоты, которыя опредѣляютъ порядокъ уголовнаго судопроизводства. Кромѣ этихъ общихъ явленій, на сѣверѣ Россіи появляется новая форма развитія законодательства, именно въ Новгородѣ. Онъ, при частыхъ перемѣнахъ князей на великокняжескій престолъ и при развитіи удѣльной системы, спѣшитъ закрѣпить свои преимущества; онъ избираетъ тѣхъ или другихъ князей, заключая съ ними договорныя грамоты и въ силу ихъ старается удержать за собою прежнія свои преимущества, которыя даны были при Ярославѣ. Каждая изъ всѣхъ бывшихъ новгородскихъ грамотъ заключаетъ въ себѣ знаменательную приписку Новгорода о томъ, что они просятъ князя, чтобы онъ управлялъ ими такъ, какъ управлялъ Ярославъ, соблюдая по прежнему старинныя права ихъ и преимущества.

Новгородъ, своими договорными грамотами съ князьями и договорами съ нѣмецкими городами, представляетъ особое мѣстное развитіе законодательства подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ причинъ. Эти причины

заключаются съ одной стороны въ древнихъ льготахъ Новгорода, которыя онъ старается сохранить посредствомъ условій съ послѣдующими князьями. Съ другой стороны отъ особаго торговаго и промышленнаго значенія Новгорода, въ силу котораго будучи главою многихъ другихъ торговыхъ городовъ, будучи господиномъ цѣлой обширной области, Новгородъ заключаетъ договоры съ иностранцами; и въ тѣхъ и другихъ договорахъ встрѣчаются постановленія, основанныя на нѣкоторыхъ статьяхъ Русской Правды. Встрѣчаются также въ особенности въ договорахъ съ нѣмецкими городами постановленія, имѣющія своимъ основаніемъ германское право. Такимъ образомъ эти договоры имѣютъ интересъ въ исторіи законодательства тѣмъ что чрезъ посредство ихъ нѣкоторыя начала вошли въ наше законодательство изъ западной Европы.

Внутренняя исторія.

Приступая къ внутренней исторіи этой эпохи, остановимся прежде всего на завѣщаніи Ярослава, такъ какъ это завѣщаніе положило начало всему послѣдующему порядку, такъ какъ изъ него и развилась удѣльная система. Завѣщаніе Ярослава въ томъ видѣ, какъ приводитъ его лѣтопись Нестора, было слѣдующее: Ярославъ назначаетъ пріемникомъ своимъ, т. е. великое княженіе кіевское старшему сыну Изяславу, второму сыну Святославу онъ даетъ черниговскую область, третьему сыну Всеволоду переяславскую, четвертому Вячеславу смоленскую и пятому Игорю волынскую. Такимъ образомъ прежде всего Ярославъ раздѣлилъ свое обширное государство на 5 частей. Замѣтимъ притомъ, что мы необходимо войдемъ въ нѣкоторыя историческія подробности, такъ какъ они имѣютъ весьма важное юридическое значеніе при изслѣдованіи этой эпохи. Ярославъ завѣщалъ, чтобы удѣльные князья подчинялись великому князю, какъ отцу и не отнимали другъ у друга удѣловъ. Этимъ самымъ онъ установилъ прежде всего самостоятельность удѣльныхъ князей, но удѣль-

ные князья должны были повиноваться великому князю, какъ отцу. Ярославъ хотѣлъ удержать единство государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлъ, подъ вліяніемъ общихъ понятій и обычаевъ, лишить кого либо изъ своихъ сыновей какой-нибудь части наслѣдства. Великій князь, какъ глава государства, долженъ былъ, по мысли Ярослава, наблюдать за удѣльными князьями, чтобы они не обижали другъ друга, какъ отецъ не можетъ позволить, чтобы одинъ изъ его сыновей обижалъ бы другаго. Великій князь долженъ былъ помогать тому изъ удѣльныхъ князей, котораго будутъ обижать другіе. Въ этомъ смыслѣ заключается завѣщаніе Ярослава и смыслъ словъ его: се поручаю по себѣ мѣсто столъ, т. е. престолъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу въ Кіевѣ, его послушайте яко же послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто. Затѣмъ онъ завѣщаетъ не переступать предѣлы удѣловъ, не сгонять князей съ удѣловъ и, какъ я уже сказалъ, поручаетъ защиту всѣхъ князей старшему, т. е. великому. На этомъ то завѣщаніи основывались тогда всѣ первоначальныя отношенія князей. Нужно отличать эти первоначальныя отношенія во время послѣ Ярослава отъ послѣдующихъ, какими они сдѣлались позже. Сначала и весьма не долго дѣйствительно это и были подобныя отношенія. Но что же это были за отношенія? Это были отношенія смѣшаннаго характера государственнаго съ семейнымъ. Мы видимъ здѣсь съ одной стороны желаніе Ярослава удержать свою семью въ подчиненіи старшему брату, какъ отцу, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ государю; съ другой стороны стремленіе къ тому, чтобы каждый изъ его сыновей получилъ отдѣльную часть, точно такъ какъ отецъ раздѣлялъ бы имущество между всѣми сыновьями поровну. Между удѣльными князьями первоначально существовало подобное отношеніе подчиненности и зависимости къ великому князю но уже съ самаго начала между прочими князьями существовало полное равенство, потому что Ярославъ не установилъ никакого преимущества. Впослѣдствіи времени начались уже между самими сыновьями Ярослава нѣкоторые раздоры, нѣкоторыя неудовольствія, которыя еще болѣе проявлялись между

потомствомъ ихъ. Общій характеръ этихъ историческихъ событій заключается въ томъ, что одинъ князь нападаетъ на другаго и изгоняетъ его изъ предѣла его области и этимъ самымъ вооружаетъ другихъ князей и князя великаго, которые вступаютъ въ союзъ, собираются на съѣздахъ, стараются разсмотрѣть обстоятельства дѣла и по возможности возвратить удѣлъ тому князю, отъ котораго онъ отнятъ. Такимъ образомъ вскорѣ послѣ Ярослава начинаются войны князей и споры ихъ за удѣлы. Эти споры еще болѣе увеличиваются отъ того, что возникаютъ впослѣдствіи сомнѣнія— кто же старшій въ родѣ? Завѣщаніе Ярослава упомянуло только о старшемъ сынѣ, но когда явилось уже 2 и 3 поколѣнія, когда явилось право дядей и племянниковъ, тогда возникаетъ, какъ извѣстно изъ исторіи, борьба и вражда за удѣлы между племянниками и дядями. Къ этому присоединяются въ особенности притязанія и стремленія князей къ овладѣнію кіевскимъ столомъ, такъ какъ тотъ кто владѣлъ имъ и считался главою всѣхъ прочихъ князей. На основаніи завѣщанія Ярослава былъ опредѣленъ отчасти порядокъ престолонаслѣдія: онъ передалъ престолъ старшему сыну, слѣдовательно, по смыслу завѣщанія Ярослава, сыновья должны были наслѣдовать, но противъ этого были старѣйшіе родственники, которые желали не допускать племянниковъ въ владѣтельные князья прежде самихъ себя и такимъ образомъ, вслѣдствіе этихъ сомнѣній, борьба и несогласіе за удѣлы еще болѣе развиваются. Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство. Сначала Кіевъ дѣйствительно имѣлъ значеніе главы всѣхъ прочихъ городовъ и кіевскіе князья получали значеніе великихъ князей, но такъ было до тѣхъ поръ пока кіевскій князь имѣлъ дѣйствительно большую власть и вліяніе надъ удѣльными князьями. Впослѣдствіе же времени, когда эта власть стала слаба, тогда образуются независимыя и самостоятельныя владѣнія удѣльныхъ князей, тогда образуются отдѣльныя группы великихъ княженій. Въ каждой изъ подобныхъ группъ начало возникать самостоятельное начало, и уже князья перестали стремиться къ овладѣнію кіевскимъ княженіемъ, а достигали значенія великаго князя

въ другой области, т. е. въ каждомъ княженіи образовался свой первостольный городъ, подобно Кіеву, и кто былъ княземъ этого города, тотъ и получалъ значеніе главы, надъ окружными удѣльными князьями. Эти причины, эти недоумѣнія на счетъ порядка престолонаслѣдія, постоянно продолжавшіяся, заставили князей собираться вмѣстѣ и составлять съѣзды. Дѣла, которыя разрѣшались на этихъ съѣздахъ, имѣли характеръ и государственныхъ дѣлъ и частныхъ. Въ государственномъ смыслѣ на этихъ съѣздахъ разрѣшались вопросы о границахъ удѣльныхъ княженій, кому отдавать удѣлы, оставшіеся послѣ смерти того или другого князя; на этихъ же съѣздахъ разрѣшались споры и жалобы князей. Спорящіе князья доказывали свои права и съѣздъ разрѣшалъ эти права. Съѣздъ составлялся изъ великихъ и удѣльныхъ князей приглашался и глава духовенства митрополитъ и такимъ образомъ высшее духовенство является на съѣздѣ, какъ посредникъ или примиритель, какъ лицо, которое можетъ склонить князей ко взаимной уступкѣ. Эти дѣла очевидно были государственныя. Затѣмъ на съѣздахъ разрѣшались вопросы, касающіеся внутренняго управленія удѣловъ. Таковы были вопросы о томъ — могутъ ли бояре, дружинники и вообще служилые люди переходить со службы отъ одного князя къ другому; могутъ ли гости и купцы переѣзжать съ своими товарами черезъ область одного удѣла направляясь въ другой, или князь можетъ запрещать подобные переѣзды чрезъ свои владѣнія? Каждый князь имѣлъ право или дозволить или не дозволить гостямъ производить торгъ въ предѣлахъ своего княжества; каждый князь могъ назначить тотъ или другой сборъ съ торговыхъ людей, но, будучи полнымъ властелиномъ внутри своего удѣла онъ долженъ былъ условиться въ обоюдныхъ льготахъ и условіяхъ съ другими князьями. Такіе договоры происходили на съѣздахъ. Кромѣ того на съѣздахъ разрѣшались и дѣла частнаго характера. Такъ личная ссора и оскорбленіе князей между собою. Судъ надъ княземъ виновнымъ въ проступкѣ или дѣйствіи противозаконномъ въ отношеніи къ другому князю разрѣшался на

съѣздахъ. Такъ извѣстно, что послѣ ослѣпленія Василько, князья собрались и разсуждали какимъ образомъ поступить съ виновникомъ, кому отдать удѣлъ его. Съѣзды эти приносили огромную пользу для древней Руси, именно они предупреждали множество излишнихъ междоусобій и войнъ между князьями. Это благодѣтельное значеніе съѣздовъ въ особенности было тогда чувствительно, когда раздробленіе Руси на удѣлы стало все болѣе и болѣе увеличиваться. Это было потому, что каждый князь въ своемъ княжествѣ, какъ бы оно уже ни было мало, старался подражать примѣру Ярослава, и точно такъ же дѣлить нѣкоторыя части всѣмъ сыновьямъ своимъ, назначая старшему сыну главный городъ и главную часть своихъ владѣній. Такимъ образомъ послѣ каждаго князя удѣлъ еще болѣе дробился. Но при всей этой пользѣ для тогдашней Руси, происходящей отъ съѣздовъ князей, они имѣли тотъ недостатокъ, что не собирались въ опредѣленное время, по опредѣленному закону въ назначенномъ мѣстѣ, т. е. не были постояннымъ учрежденіемъ, которое могло бы сохранить древнюю Русь отъ множества излишнихъ войнъ. Они зависѣли совершенно отъ случая, отъ воли и желанія самихъ князей. Такимъ образомъ они имѣютъ характеръ не постоянныхъ установленій, а случайныхъ и временныхъ. Но при всемъ этомъ характерѣ они имѣютъ юридическую силу: то, что постановлено съѣздомъ, дѣлается закономъ и для князей, и для всей земли русской. На этихъ съѣздахъ князья заключали нѣкоторыя договорныя грамоты. Кромѣ съѣзда договорныя грамоты заключались и помимо съѣзда, напримѣръ однимъ княземъ съ другимъ. Общія дѣла разрѣшались на съѣздахъ, но каждый князь могъ имѣть свои особенныя отношенія и къ великому князю и къ другимъ подобнымъ удѣльнымъ князьямъ, въ особенности къ князю союзному, и надо было стараться закрѣпить и опредѣлить эти отношенія юридически въ договорной грамотѣ. Каждый удѣльный князь старался укрѣпить свои преимущества; но такъ какъ нельзя было выговорить себѣ преимущества, не принимая въ свой чередъ

и нѣкоторыхъ обязанностей, то договорная грамота опредѣляетъ права и обязанности князей между собою. Такъ договорная грамота удѣльныхъ князей съ великими князьями обыкновенно опредѣляетъ, что удѣльный князь признаетъ великаго князя главою, что онъ обязывается ему служить, помогать во время войны, что онъ именуетъ себя младшимъ братомъ великаго князя и что обязуется имѣть общихъ союзниковъ и общихъ недруговъ: а кто есть недругъ великому князю, тотъ и мнѣ будетъ недругъ, а на кого ты, князь, пойдешь войною, съ тѣмъ и я буду вести войну. Таковы обыкновенно условія князя въ договорной грамотѣ. Князь удѣльный именуетъ всегда себя младшимъ братомъ въ отношеніи къ великому князю. Это имѣетъ смыслъ не буквальный, т. е. не всегда онъ есть младшій братъ, но здѣсь названіе младшаго брата опредѣляетъ отношенія государственныя, т. е. что князь великій, какъ старшій, обязывается защищать, покровительствовать удѣльному князю, не дозволить отнять его удѣлы, долженъ защищать его, а удѣльный князь, какъ младшій, помогать ему, быть въ союзѣ. Но вообще князья были равны по своимъ правамъ, не смотря на названіе старшихъ и младшихъ зависѣвшія отъ собственнаго ихъ уговора. Во время Святополка кіевскій князь пересталъ быть главою прочихъ князей и на съѣздѣ въ Любечѣ въ 1097 году, князья порѣшили новый передѣлъ владѣній — а послѣ Мономаха стали опредѣлять взаимныя между собою отношенія на частныхъ съѣздахъ и въ особенности договорными грамотами. Власть князя кіевскаго съ тѣхъ поръ не представляла уже никакихъ особыхъ преимуществъ: Андрей Боголюбскій овладѣвъ кіевомъ не пошелъ туда княжить а послалъ младшаго своего брата, самъ же съ титуломъ великаго князя остался на княженіи Владимірскомъ.—Въ каждомъ княжествѣ власть князя проявлялась: во 1) въ правѣ изданія законовъ, отмѣны ихъ и дополненія, вообще во власти законодательной 2) въ правѣ управленія народомъ чрезъ княжескихъ посадниковъ, волостелей и тіуновъ,—съ правомъ собирать дань, подати и различные пошлины и 3) въ правѣ суда — какъ лично, такъ и

чрезъ поставленныхъ имъ судей.—Сверхъ того князья получали въ частную свою собственность отъ земщины города и волости,—сами пріобрѣтали собственныя земли,—изъ которыхъ раздавали своей дружины помѣстные оклады. Опираясь на дружину, князья дорожили расположеніемъ къ нимъ народа„—и множество примѣровъ лѣтописью записанныхъ указываютъ на любовь и привязанность народа къ своимъ князьямъ,—отличавшимся нетолько силою но и любовью, милостью и щедростью къ народу.—Княжеская власть, основанная на правѣ, освященная въ своемъ значеніи христіанскою церковью, имѣла и моральную силу заключавшуюся въ народной любви.

XV ЛЕКЦІЯ.

Итакъ мы разсмотрѣли значеніе княжеской власти. Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію значенія тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя въ каждомъ княжествѣ, стоя возлѣ князя, были непосредственными органами для исполненія его повелѣній и распоряженій. Уже въ предъидущемъ періодѣ мы видѣли, что образовались нѣкоторыя должностныя званія, которыя отправляли по волѣ князя различныя обязанности управленія и суда. Въ разсматриваемую эпоху эти должности получили большую опредѣленность, а потому разсмотрѣніе ихъ значенія покажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые успѣхи въ развитіи администраціи. Должностныя лица, которыхъ мы теперь разсматриваемъ съ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и значенія, являются большею частію однообразно во всѣхъ мѣстностяхъ древней Руси. Съ нѣкоторою особенностью они являются въ Новгородѣ на основаніи особаго устройства новгородской области. Такъ вездѣ во всѣхъ княженіяхъ мы встрѣчаемъ въ разсматриваемую эпоху важное значеніе должности тысяцкаго. Разсмотримъ это значеніе. Тысяцкій въ каждомъ княжествѣ былъ предводитель и начальникъ всего земскаго ополченія. Какъ главное лицо въ составѣ земства, какъ главный военный начальникъ, онъ вмѣстѣ

съ тѣмъ былъ и посредникъ между князем̆ъ и земщиною. Кромѣ власти военной онъ имѣлъ важное гражданское значеніе: отъ его зависѣли по управленію прочія должностныя лица и къ числу его обязанностей относилось исполненіе распоряженій князя. Иногда на тысяцкаго возлагались особенно важныя поврученія, наприм. дипломатическія порученія, посольство къ другимъ князьямъ. Кромѣ того онъ принималъ участіе въ совѣщаніи съ княземъ о различныхъ предметахъ, также въ отношеніи изданія какихъ—либо новыхъ законовъ. Лѣтопись упоминаетъ, что нѣкоторыя князья, при раздачѣ своихъ земель, совѣщались съ тысяцкимъ, какъ съ главою земства, и пользовались его совѣтами, его мнѣніемъ. Кромѣ того тысяцкіе иногда завѣдывали княжескими волостями и собирали съэтихъ земель слѣдующую дань, сборъ и имѣли въ этомъ отношеніи зависимыхъ, подчиненныхъ должностныхъ лицъ. Между лицами другихъ должностей, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись, которыя выработались съ 13-го вѣка, мы встрѣчаемъ имя дворскаго. Онъ былъ начальникъ всей дружины княжеской, имѣлъ особенное значеніе, былъ независимъ отъ тысяцкаго и въ военное время имѣлъ значеніе предводителя дружины. Ему поручалось также управленіе княжескими землями, въ особенности раздача земель. Дворскій завѣдывалъ всѣми домашними дѣлами князя, а въ послѣдствіи времени отъ него зависѣли младшіе члены дружины, изъ которыхъ потомъ образовалось высшее сословіе и классъ дворянъ. О дворскихъ упоминаетъ лѣтопись, какъ о высшихъ должностныхъ лицахъ, такъ что званіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ и высщимъ, почетнымъ. Обыкновенно въ это званіе князья назначали самыхъ знатныхъ изъ своихъ бояръ. Дворскому также принадлежала власть судебная. Эта власть принадлежала собственно князю, но такъ какъ онъ лично не имѣлъ времени заниматься разборомъ тяжбъ, то и поручалъ ихъ дворскому. Затѣмъ кромѣ этихъ двухъ лицъ весьма важное значеніе имѣютъ, такъ называемые посадники. Должность ихъ получаетъ полную опредѣленность въ теченіи этого времени. И прежде посадники существо-

вали, но въ ихъ рукахъ соединялись всевозможныя дѣла и административныя и судебныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ прежнее время посадники были и начальниками земскихъ ополченій и слѣдовательно имѣли значеніе также военное. Въ разсматриваемую эпоху власть ихъ преимущественно имѣетъ гражданскій характеръ. Значеніе посадника вырабатывается въ смыслѣ представителя княжеской власти, слѣдовательно тамъ, гдѣ живетъ самъ князь, тамъ посадники или совсѣмъ не встрѣчаются, или они не имѣютъ подобнаго значенія; но въ отдаленныхъ областяхъ, преимущественно въ каждомъ главномъ городѣ, посадникъ имѣлъ большое значеніе, именно: все управленіе, какъ города, такъ и прилежащихъ волостей поручалось ему въ управленіе. Посадникъ обязанъ былъ заботиться объ укрѣпленіи города, о постройкѣ новыхъ городовъ; онъ же долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы дружина и отряды княжескаго войска имѣли полное обезпеченное содержаніе. Посадникъ былъ судья въ отношеніи рѣшенія всевозможныхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ въ области, которая была ему поручена. Онъ наблюдалъ также за полицейскимъ порядкомъ, преслѣдовалъ преступниковъ, бѣглецовъ и разбойниковъ, утверждалъ наказанія, которыя опредѣлялись низшими судьями, принималъ жалобы на тіуновъ и волостелей, которые находились въ прямой отъ его зависимости. Какъ представитель княжеской власти въ городѣ, посадникъ имѣлъ особую свою свиту, особыхъ должностныхъ лицъ, которыя исполняли отдѣльныя его приказанія и порученія. Такъ упоминаются отроки княжескіе и другіе. Посадникъ долженъ былъ укрѣпить городъ такъ, чтобы онъ могъ отстаивать нападеніе непріятельское. Такимъ образомъ постройка укрѣпленій (городскихъ стѣнъ), распредѣленіе повинностей и работъ между городскими лицами составляло его обязанность. Въ томъ случаѣ, когда въ городѣ небыло тысяцкаго, посадникъ долженъ былъ принимать начальство надъ княжескою дружиной и надъ отрядомъ княжескихъ войскъ. Въ должность посадника князья назначали высшихъ бояръ, но обыкновенно назначали ихъ не на долгое время, а на короткое. Причина этого за-

ключалась въ томъ, что во всякомъ случаѣ это званіе было почетное; съ этимъ званіемъ соединялось право на полученіе опредѣленныхъ сборовъ, напрым. нѣкоторыя пошлины шли въ вознагражденіе посадника.

Кромѣ того должность эта предполагала полное довѣріе, состороны князя, и вмѣстѣ съ тѣмъ способъ князей награждать высшихъ слугъ своихъ назначеніемъ въ эту должность. Но такъ какъ бояръ было много, а подобныхъ мѣстъ, гдѣ можно было назначить посадника, было мало, то князья назначали посадниковъ на короткій срокъ. Покрайней мѣрѣ лѣтописи указываютъ, что назначенія посадниковъ были часты. Въ Новгородской области значеніе посадника было нѣсколько иное. Сначала оно было совершенно такимъ же, т. е. посадникъ былъ настоящій представитель княжеской власти и назначался самимъ княземъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ стала выработываться все болѣе и болѣе отдѣльность устройства Новгородской области, съ тѣхъ поръ, какъ новгородцы сами стали избирать себѣ князей,—они удержали за собою право на опредѣленіе должности посадника своего особенно, и именно посадники новгородскіе перестали назначаться княземъ, а выбирались народнымъ вѣчемъ какъ выборные отъ народа, избраніе которыхъ обусловливалось личными качествами и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніемъ вѣча; посадникъ отправлялъ свою должность неопредѣленное время, и лѣтопись упоминаетъ, что въ званіе посадника всегда выбирались лучшіе, почетные жители Новгорода, которые и оставались въ званіи до тѣхъ поръ, пока они были любимы новгородцами. Посадники въ Новгородѣ раздѣлялись на степенныхъ и старыхъ посадниковъ. Степеннымъ посадникомъ именовался тотъ, кто въ данное время былъ посадникъ, а старымъ тотъ, который прежде отправлялъ должность. Не смотря на то, что онъ былъ смѣненъ, онъ пользовался особымъ уваженіемъ и весьма часто помогалъ настоящему посаднику въ управленіи дѣлами Новгорода. Такъ напримѣръ, когда Новгородъ отправлялъ или принималъ пословъ, или когда новгородцы имѣли дѣло въ заключеніи какихъ-нибудь договоровъ, то всегда упоминается новый посадникъ и нѣ-

сколько старыхъ на равнѣ съ нимъ. Но эти старые посадники не имѣли никакихъ опредѣленныхъ обязанностей и никакой власти. Власть же принадлежала собственно степенному посаднику. Права и обязанности его заключались въ слѣдующемъ. Прежде всего посадникъ новгородскій былъ посредникомъ между княземъ и народомъ, такъ что князь безъ посадника не приводилъ никакихъ своихъ распоряженій и мѣръ въ новгородской области. Но такъ какъ князь избираемый новгородцами иногда жилъ далеко, въ своихъ княжескихъ владѣніяхъ, то поэтому, для того, чтобы въ дѣлахъ мѣстныхъ посадникъ новгородскій могъ бы совѣщаться съ княземъ, въ Новгородѣ появляется намѣстникъ княжескій. Съ этимъ лицомъ посадникъ новгородскій совѣщался о важнѣйшихъ дѣлахъ, которыя, нельзя сдѣлать безъ разрѣшенія князя, а между тѣмъ, которыя касаются новгородской области. Посадникъ въ Новгородѣ начальствовалъ военнымъ ополченіемъ, имѣлъ первое мѣсто на вѣчѣ, созывалъ новгородское вѣче, велъ его торжественно на Ярославовъ дворъ, открывалъ собранія, предлагалъ на разсмотрѣніе вѣча вопросы, относящіеся до интересовъ Новгорода. Онъ наблюдалъ и за самымъ порядкомъ во время обсужденія этихъ вопросовъ; онъ обязанъ былъ укрѣплять самый Новгородъ, строить города въ Новгородской области. Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, относящихся до главныхъ предметовъ, онъ долженъ былъ испрашивать сначала приговоръ вѣча. Такимъ образомъ власть вѣча была выше власти посадника, и посадникъ имѣлъ значеніе исполнителя распоряженій и приговора новгородскаго вѣча. Въ этомъ же отношеніи посадникъ новгородскій, какъ лицо выбранное вѣчемъ и уполномоченное отъ новгородскаго вѣча, велъ переговоры съ сосѣдними владѣніями, съ различными князьями, съ нѣмецкими городами по дѣламъ торговымъ. Иногда вѣче отправляло своего посадника съ какимъ-нибудь предложеніемъ или порученіемъ къ самому князю. Такъ какъ князь часто жилъ въ своихъ владѣніяхъ, то въ такомъ случаѣ посадники, переговоривъ съ княземъ, получали отъ него грамоты и возвращаясь, объявляли ихъ вѣчу, а оно по-

становлялю приговоръ. Посадникъ былъ высшимъ защитникомъ Новгорода отъ всякихъ притѣсненій, обидъ. Поэтому жалобы на всѣхъ должностныхъ лицъ, жалобы на судей поступали прямо къ посаднику: дѣла маловажныя онъ разрѣшалъ собственною властью, а дѣла важныя общественныя предлагалъ новгородскому вѣчу. Посадникъ пользовался особымъ почетомъ въ Новгородѣ, имѣлъ свою особую печать, и приложеніемъ этой печати замѣнялъ подпись и утверждалъ важность документа. Такъ на всѣхъ древнихъ грамотахъ новгородскихъ встрѣчаются не только наименованія посадника и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ, но и печать, приложенная къ нимъ. Второе мѣсто послѣ посадника занимаетъ въ Новгородѣ тысяцкій. Онъ также избирался изъ высшихъ боярскихъ новгородскихъ фамилій, но имѣлъ значеніе собственно начальника тяглыхъ или такъ называемыхъ черныхъ людей. Поэтому къ обязанности его относились: раскладка повинностей между среднимъ и нисшимъ классомъ народа, управленіе тяглыми людьми, судъ въ различныхъ дѣлахъ, касающихся этихъ лицъ. Сначала тысяцкій, подобно посаднику, назначался княземъ, но впослѣдствіи сталъ избираться вѣчемъ. Въ XII столѣтіи имя тысяцкаго упоминается въ Новгородскихъ актахъ наравнѣ съ именемъ посадника и къ этому же времени относится большая опредѣленность его обязанностей. Такъ тысяцкій, какъ начальникъ черныхъ людей, имѣлъ огромное значеніе въ Новгородѣ, потому что такихъ людей было больше. Какъ глава большей массы людей, онъ имѣлъ при томъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что черные люди обязаны были, кромѣ тяглой повинности отправлять военную службу, т. е. въ случаѣ надобности изъ нихъ составлялось войско, и тысяцкій сдѣлался мало-по-малу непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ въ Новгородской области. Съ этого времени должность посадника утратила свой военный характеръ и хотя во время войны ополченіе Новгорода шло подъ управленіемъ посадника и вмѣстѣ тысяцкаго, но, собственно говоря, управленіе принадлежало тысяцкому. Кромѣ этого военнаго и финансоваго значенія тысяцкій, какъ первое лицо

послѣ посадника, присутствуетъ на вѣчѣ, исполняетъ по порученію вѣча вмѣстѣ съ посадникомъ важнѣйшія дѣла, напримѣръ ведетъ переговоры съ сосѣдними владѣніями, отправляетъ посольство, заключаетъ миръ, получаетъ особыя уполномоченія и порученія отъ новгородскаго вѣча, однимъ словомъ онъ былъ постояннымъ товарищемъ и помощникомъ посадника въ важнѣйшихъ дѣлахъ Новгорода. Тысяцкій имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый не только отъ князя, но и отъ посадника. Этотъ судъ назывался земскимъ судомъ, народнымъ судомъ, потому что отъ тысяцкаго зависѣли преимущественно дѣла о народныхъ податяхъ. Разрѣшая различныя дѣла, онъ имѣлъ и власть взыманія пошлинъ судебныхъ, и пошлинъ торговыхъ. Тысяцкій однако же отправлялъ нѣкоторыя обязанности своего званія не одинъ лично, а съ нѣсколькими другими выборными отъ самаго народа. Такъ при судѣ и при расправѣ тысяцкаго въ дѣлахъ торговыхъ, а также въ дѣлахъ, касающихся раскладки таглыхъ повинностей, всегда были 5 выборныхъ старостъ изъ самихъ черныхъ людей; въ прочихъ же дѣлахъ тысяцкій имѣлъ власть, лично ему одному принадлежащую. Подобно посаднику, тысяцкій имѣлъ свою печать, приложеніе которой считалось необходимымъ для утвержденія законности постановленій вѣча, договорныхъ грамотъ и различныхъ другихъ документовъ тогдашняго времени. Затѣмъ, кромѣ посадника, тысяцкаго и дворскаго, которые встрѣчаются вездѣ, хотя и съ нѣкоторыми особенностями значенія, встрѣчаются въ разсматриваемую эпоху частію прежнія должности, частію новыя. Къ прежнимъ должностямъ нужно отнести тіуновъ и волостелей. Пространство округа въ зависимости отъ посадника ввѣрялось управленію волостелей и тіуновъ и постепенно все болѣе и болѣе уменьшалось, слѣдовательно число тіуновъ и волостелей увеличивалось. Въ это время законъ опредѣлялъ уже съ большею точностью отношенія между этими должностными лицами, а именно тіунамъ предоставлялось собственно разбирательство маловажныхъ дѣлъ и преимущественно гражданскихъ дѣлъ; волостелямъ же предоставлялось разрѣшеніе болѣе важныхъ

дѣлъ, т. е. уголовныхъ дѣлъ и присужденіе наказанія за преступленіе. Кромѣ судебной власти на тіуновъ возлагаются различныя административныя обязанности. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на тіуновъ возлагается обязанность такъ назыв. городоваго дѣла, т. е. постройки и укрѣпленія города. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тіунамъ поручается не только завѣдываніе земскими дѣлами, но и управленіе княжескими землями. Такимъ образомъ являются различные виды тіуновъ: тіуны княжескіе, тіуны сельскіе и тіуны боярскіе. Подъ послѣднимъ наименованіемъ разумѣлись лица, которыя находились въ частномъ услуженіи у бояръ землевладѣльцевъ. Такъ иногда бояринъ имѣлъ значительныя земли, для управленія которыхъ онъ назначалъ своихъ управителей. Эти боярскіе тіуны, конечно, неимѣли значенія должностныхъ лицъ, подобно княжескимъ тіунамъ, но это показываетъ, что слово *тіунъ* потеряло исключительно офиціальный характеръ и осталось въ смыслѣ прикащика, въ смыслѣ управляющаго. Отъ этого мы видимъ, что въ древнее время иногда даже не свободныя лица могли имѣть званіе тіуна боярскаго. Бояринъ могъ поручить своему рабу управленіе дѣлами своей вотчины. Понятно, что должно отличать тіуна боярскаго отъ тіуна въ смыслѣ должностнаго лица облеченнаго властью. Въ этомъ же смыслѣ упоминаются сельскіе тіуны въ вотчинахъ монастырскихъ, въ земляхъ церковныхъ. Они также являются въ двоякомъ значеніи и въ качествѣ должностныхъ лицъ свободныхъ или въ качествѣ несвободныхъ, такъ какъ и на земляхъ церковныхъ жили лица, не имѣющіе полной свободы. Затѣмъ встрѣчается должность подъ названіемъ печатниковъ. Первыя свѣдѣнія, относящіяся къ значенію этой должности, встрѣчаются не ранѣе XIII столѣтія. Здѣсь есть, впрочемъ, причина, почему эта должность является нѣсколько позже. Эта причина заключается въ постепенномъ развитіи дѣлопроизводства. Грамотность и образованіе сначала были довольно рѣдки не только въ народѣ, но даже и въ должностныхъ лицахъ. И вотъ результатомъ этого является особая должность. Не нужно однако думать, чтобы обязанность этаго ли-

ца заключалась въ простомъ механическомъ прикладываніи печати къ различнымъ актамъ, напротивъ ему поручали различныя самостоятельныя дѣла: иногда управленіе отдѣльными областями, иногда сборъ различныхъ пошлинъ, доходовъ и вообще тамъ, гдѣ дѣло требовало какихъ-либо письменныхъ распоряженій по управленію извѣстной области или города, тамъ назначались печатники. Печатники встрѣчаются не только въ смыслѣ княжескихъ чиновниковъ, но они встрѣчаются и въ смыслѣ должностныхъ лицъ, назначенныхъ духовною властью. Такъ они встрѣчаются въ митрополичьихъ владѣніяхъ, въ епископскихъ земляхъ и другихъ. Затѣмъ упоминается должность стольника также не ранѣе XIII-го столѣтія. Свѣдѣнія, касающіяся значенія этой должности весьма кратки, однако же изъ нихъ можно вывести общее заключеніе, что это были лица близкія къ князю къ двору его, къ столу; отсюда и наименованіе стольникъ. Имъ поручалъ князь не постоянныя, а временныя какія-нибудь обязанности. Такъ стольники являются предводителями отдѣльныхъ отрядовъ войска подъ начальствомъ князя или тысяцкаго. Стольники являются временными правителями завоеванныхъ областей; они являются въ числѣ судей при разборѣ какого-нибудь дѣла, лично касающагося самого князя, когда проситель обращался къ самому князю, однимъ словомъ опредѣленной обязанности и постояннаго, спеціальнаго характера они не имѣли, подобнаго тіунамъ, волостелямъ и другимъ лицамъ. Затѣмъ встрѣчается должность дьяка. Сначала рѣдко является названіе дьяка, но встрѣчается уже въ XII вѣкѣ. Затѣмъ, чѣмъ позже, тѣмъ чаще встрѣчается эта должность и постепенно пріобрѣтаетъ большее значеніе. Вообще подъ дьяками разумѣли сначала людей грамотныхъ, знающихъ письменную часть, свѣдущихъ въ законахъ, въ дѣлахъ судныхъ и въ дѣлахъ управленія.

Высшаго почета эта должность никогда не имѣла, напротивъ того въ ряду должностныхъ лицъ дьякъ занимаетъ постепенно самое низшее мѣсто. Поэтому мы не видимъ примѣра, чтобы въ эту должность назначались лица высшаго званія,—бояре. Но, съ другой сторо-

вы, при каждомъ высшемъ должностномъ лицѣ мы видимъ непремѣнно дьяка. Такимъ образомъ дьякъ является сначала лицомъ, находящимся при каждомъ значительномъ должностномъ лицѣ тогдашняго времени, помогающимъ ему въ отправленіи дѣлъ, завѣдующимъ письменною частью, составляющимъ грамоты, свѣдущимъ въ законахъ тогдашняго времени. Вотъ первоначальное значеніе дьяка. Впослѣдствіи времени оно дѣлается болѣе значительнымъ. Сначала дьякъ не имѣетъ никакой власти, но потомъ онъ является какъ бы товарищемъ и совѣтникомъ того должностнаго лица, при которомъ онъ находится, и въ это время нѣкоторыя мѣста уставныхъ грамотъ и послѣдующихъ законовъ требуютъ даже, чтобы намѣстникъ, тіунъ или волостель никакихъ дѣлъ *безъ дьяка* не рѣшалъ, никакого суда не творилъ и никакой расправы не чинилъ, а все бы это дѣлалъ не иначе какъ вмѣстѣ съ дьякомъ. Понятно, что при подобномъ положеніи дьякъ долженъ былъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе значенія. Должность эта существовала у насъ долгое время во всемъ пространствѣ времени до самаго Петра Великаго и даже позже. Дьякъ впослѣдствіи времени получаетъ особое значеніе при воеводѣ. Есть поводы предполагать, что чѣмъ менѣе была развита грамотность и образованіе, тѣмъ болѣе было значеніе дьяка. Въ особенности значеніе дьяка было весьма важно въ порядкѣ суда и судопроизводства: дьякъ записывалъ жалобы и челобитныя истца; ведя такъ называемые судные списки, дьякъ вносилъ въ нихъ краткій ходъ всего дѣла и записывалъ приговоръ, а судья прикладывалъ свою печать. Составленный такимъ образомъ приговоръ переписывался и выдавался за подписью дьяка. Кромѣ этихъ различныхъ должностныхъ званій встрѣчаются по прежнему дѣтскіе, отроки княжескіе и другіе. Они исполняютъ различныя порученія, частью финансовыя, частью полицейскія и вообще принадлежащія къ составу низшихъ должностныхъ лицъ. Затѣмъ мало-по-малу развиваются въ различныхъ отдѣльныхъ княжествахъ особый родъ службы—служба придворная, касающаяся собственно до дѣлъ частныхъ самаго князя. Образъ жизни князя

перемѣняется мало-по-малу: онъ утрачиваетъ воинственный характеръ и дѣлается болѣе мирнымъ, болѣе постояннымъ. Князь имѣетъ постоянное жилище, имѣетъ свой дворъ, имѣетъ своихъ придворныхъ служителей. Въ числѣ ихъ нѣкоторые исполняютъ различныя частныя дѣла, напримѣръ являются лица должностнаго званія имѣющія отношеніе къ охотѣ князя, являются ловчіе, сокольники и другіе. Управленіе внутреннее въ каждомъ княжествѣ было совершенно однообразно: были главные начальники областей, были начальники отдѣльныхъ городовъ, были начальники отдѣльныхъ сельскихъ округовъ. При нѣкоторыхъ должностныхъ лицахъ существовали особые помощники или совѣтники въ качествѣ дьяка, нѣкоторыя-же должности отправлялись совокупными дѣйствіями одного должностнаго лица съ другимъ должностнымъ лицомъ. Сверхъ того князья непосредственно принимаютъ участіе въ обозрѣніи всѣхъ дѣлъ своего княжества. Лѣтопись часто упоминаетъ, что князья, объѣзжая свои владѣнія, принимаютъ жалобы, творятъ судъ и расправу, дѣлаютъ повѣрку собранныхъ сборовъ и такимъ образомъ администрація находится въ непосредственномъ управленіи князя. Когда число удѣловъ сдѣлалось весьма значительно и когда доходы въ каждомъ удѣльномъ княжествѣ значительно уменьшились, то для дѣлъ управленія князья назначаютъ и членовъ своей семьи. Такъ родственники княжескіе являются управителями отдѣльныхъ округовъ съ принадлежащими пригородами и областями. Всѣ эти должностныя лица, принадлежа къ составу дружины княжеской, сохраняли по прежнему права свободнаго выбора своей службы тому или другому князю. Такимъ образомъ служебное сословіе не имѣло постоянной осѣдлости: оно не было крѣпко тому или другому князю, исвободный переходъ дружинниковъ или вообще должностныхъ лицъ отъ одного князя къ другому является частымъ примѣромъ въ теченіи этого времени. Фактъ въ высшей степени замѣчательный, по слѣдующимъ соображеніямъ: остальная масса населенія постепенно все болѣе и болѣе прикрѣплялась къ землѣ, горожане дѣлались болѣе и болѣе тяглыми и также прикрѣплялись къ землѣ,

одинъ только классъ служилыхъ людей пользовался правомъ перехода отъ одного князя къ другому.

XVI ЛЕКЦІЯ.

Въ то время, когда нѣкоторые классы народа получили большую прикрѣпленность къ мѣсту, большую осѣдлость, будучи связаны или повинностями, или особыми интересами; въ то время, когда духовенство оставалось постоянно въ своихъ владѣніяхъ, городскіе жители въ своихъ городахъ и пригородахъ, а масса сельскаго населенія, раздѣлявшаяся на свободныхъ и не свободныхъ людей была также крѣпка къ землѣ по интересамъ своего труда или по личной зависимости отъ владѣльца, одинъ только высшій классъ пользовался правомъ перехода, не составляя такимъ образомъ постояннаго населенія. Основаніемъ этого было старинное право дружины самой выбирать себѣ князя и опредѣлять родъ службы. Сначала, когда князей было немного, выборъ подобнаго рода былъ болѣе затруднителенъ, но когда князей сдѣлалось много и когда одно княжество было богаче другого, то понятно, что и служба у князя болѣе сильнаго и богатаго представляла и большія преимущества для служебнаго человѣка. Этими двумя обстоятельствами опредѣляется тотъ фактъ, что бояре и другія лица служебнаго сословія весьма часто переходили со службы одного князя къ другому князю. Для того, чтобы удержать по возможности служилыхъ людей постоянно при себѣ, князья должны были щедро надѣлять ихъ за службу, и это еще болѣе способствовало къ развитію помѣстной системы. И здѣсь мы видимъ, что одна причина влекла за собою другую. Съ одной стороны помѣстная система развивалась, потому что единственнымъ способомъ вознагражденія за службу представлялось надѣленіе служебнаго человѣка землею; потомъ съ этимъ соединялась возможность со-

держанія войска въ мирное время и имѣть его готовымъ при началѣ похода. Кромѣ того этой раздачи требовало положеніе класса служилыхъ людей, т. е. стараніе удержать ихъ при себѣ. Но, не смотря на всѣ подобныя стремленія князей, переходы были часты и потому князья стали уговариваться между собою, чтобы не принимать на службу служилыхъ лицъ отъ одного князя къ другому. Но запретить подобные переходы они не могли, а могли только постановлять нѣкоторыя невыгодныя мѣры, для того, чтобы этой невыгодой устранить повсемѣстный переходъ. Съ этою цѣлью было постановлено, что бояринъ, переходящій отъ одного князя къ другому, теряетъ навсегда помѣстныя земли, данныя ему или назначенныя отъ князя, и не можетъ пользоваться въ этихъ земляхъ никакимъ доходомъ, никакою прибылью. Это обстоятельство дѣйствительно уменьшило переходъ служащихъ людей отъ одного князя къ другому; однакоже право свободнаго выбора службы оставалось за боярами и вообще за служилымъ сословіемъ. Это право продолжалось въ теченіи всего удѣльнаго періода и прекратилось тогда только, когда прекратилась самая удѣльная система, когда удѣлы уничтожились и вошли въ составъ великаго княжества московскаго и когда, наконецъ, великій князь Іоаннъ III сдѣлался единымъ властителемъ земли русской подобно Ярославу. Тогда и право выбора службы потеряло всякое значеніе. Такъ, въ теченіи всего удѣльнаго періода, мы видимъ этотъ переходъ служилыхъ людей изъ одного мѣста въ другое. Право подобнаго перехода не оставалось безъ послѣдствій, какъ для самой княжеской власти, такъ и для народа: во многихъ случаяхъ отъ этого права зависѣло то или другое положеніе вещей. Тамъ, гдѣ княжеская дружина, т. е. составъ должностныхъ лицъ княжескихъ не пользовался подобнымъ переходомъ, а напротивъ старался прикрѣпить свои интересы къ извѣстному князю, гдѣ бояре кромѣ помѣстья, кромѣ временного имущества, пріобрѣтали сами покупкою земли, пріобрѣтали вотчины и дѣлались постоянными, коренными жителями, тамъ отношеніе княжеской власти было болѣе крѣпко; напротивъ тамъ, гдѣ дру-

жина имѣла менѣе осѣдлый характеръ, положеніе было совершенно иное: отъ этого зависѣло различіе положеніе земскихъ классовъ народа въ той или другой мѣстности. Съ этою цѣлію мы сдѣлаемъ сравненіе этого различія въ разныхъ мѣстностяхъ. Устройство новгородское намъ уже извѣстно. Съ новгородскою земщиною довольно сходно было устройство земщины кіевской. Какъ въ новгородской, такъ и въ кіевской области князья имѣли сначала болѣе власти, потомъ меньше. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было то, что въ кіевской, также, какъ и въ новгородской области не могъ утвердиться одинъ княжескій родъ, а на кіевскомъ престолѣ перебывали князья изъ различныхъ поколѣній. Сначала кіевскій престолъ переходилъ по праву старѣйшинства, затѣмъ онъ былъ нѣсколько разъ завоеванъ тѣми или другими князьями, которые, стремясь пріобрѣсти Кіевъ, видѣли во владѣніи кіевскимъ престоломъ преимущество своей власти передъ другими князьями. Такъ какъ кіевляне имѣли подобное устройство, имѣли свое вѣче и такъ какъ на кіевскомъ престолѣ были князья не изъ одного поколѣнія, то значеніе народное усиливалось болѣе и болѣе, такъ что лѣтопись представляетъ примѣры, что кіевляне сами выбираютъ себѣ князя подобно новгородцамъ. Эти примѣры занимаютъ часть 12 го столѣтія, отчасти встрѣчаются и позже. Въ кіевской области отношенія дружины къ земскимъ классамъ народа было весьма слабое, весьма не прочное. Здѣсь, болѣе чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, дружина не имѣла осѣдлости, потому что при перемѣнѣ князей дружина удалялась вмѣстѣ со своимъ княземъ въ другія владѣнія. Отъ этого получило преимущественное значеніе само населеніе. Такъ высшіе классы народа бояре и другіе землевладѣльцы пользовались въ кіевской земщинѣ весьма значительнымъ вліяніемъ. Нѣсколько иное положеніе представляло смоленское княженіе. Эта область постоянно оставалась за потомками одного и того же княжескаго рода, именно за потомками Владиміра Мономаха. Въ этой области дружина успѣла болѣе крѣпко сблизиться съ земщиною и усилилась въ своемъ поземельномъ владѣніи. Князья смоленскіе были въ пря-

мыхъ отношеніяхъ и къ дружинѣ и къ народу и потому власть ихъ была болѣе прочною, болѣе постоянною. Въ этой области встрѣчается большое число городовъ, большое число укрѣпленій; между тѣмъ дружина имѣла постоянное пребываніе, такъ какъ каждый городъ назначался постояннымъ пунктомъ для того или другого отряда дружины. Земли рязанскія имѣли сначала устройство подобное прочимъ княженіямъ, но потомъ въ этихъ земляхъ появляется общинное устройство, являются города съ устройствомъ вѣча. Здѣсь происходятъ также перемѣны или переходы княжеской власти изъ одного поколѣнія въ другое. Такимъ образомъ приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы понять, что отношеніе дружины къ земщинѣ не вездѣ было равномѣрно. При всемъ этомъ различіи были общіе элементы въ устройствѣ каждаго княжества. Это общее заключалось въ томъ, что въ каждой области населеніе раздѣлялось на слѣдующіе главные классы. Такъ высшимъ классомъ были бояре и служилые люди; за ними слѣдовало духовенство, купцы и городскіе люди, т. е. тяглые люди, и наконецъ сельскіе обыватели. Но въ отношеніи къ общинному устройству произошли въ теченіи этого времени нѣкоторыя перемѣны. Такъ городскія земли и земли принадлежащія къ составу волостей носили общее наименованіе черныхъ земель и раздѣлялись на земли тяглыя и на земли не тяглыя. Къ тяглымъ землямъ принадлежали во 1-хъ земли отдѣльныхъ частныхъ владѣльцевъ на правахъ собственности, во 2-хъ земли городскихъ людей. Городскіе люди раздѣлялись по достатку этихъ земель на три разряда: на лучшихъ, среднихъ и молодчихъ. Это различіе обусловливалось величиною тяглаго участка и большимъ или меньшимъ количествомъ платежа. За тѣмъ остальныя земли волостныя или сельскія раздѣлялись на отдѣльные округи, которые носили весьма разнообразныя названія. Такъ, напримѣръ, встрѣчается названіе прихода, встрѣчается названіе погоста и другія въ смыслѣ частей волости или округа. Всѣ эти явленія требуютъ болѣе подробныхъ объясненій. Такъ, что касается бояръ, дружинниковъ, то они составляли высшій классъ населе-

нія и владѣли землею на полномъ правѣ собственности, которая называлась вотчиною. Эти земли переходили отъ отца къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, и потому носили наименованіе вотчины. Они состояли въ прямой противоположности съ помѣстными землями. Помѣстныя земли не могли быть вотчиною, не могли переходить отъ отца къ дѣтямъ, потому что это было личное вознагражденіе за службу и при томъ такое, которое служащій можетъ и потерять, если онъ переходилъ на службу къ другому князю. Купцы и торговое сословіе раздѣлялись на гостей и городскихъ людей. Послѣдніе имѣли значеніе лицъ, торговавшихъ только въ одномъ городѣ. Между лицами торговаго сословія упоминается еще нѣкоторое различіе. Такъ встрѣчаются наименованія гречниковъ, т. е. тѣ, которые торговали съ Греціей, заложники, которые торговали вообще съ восточными народами, сольники торговавшіе солью. Эти послѣднія лица, по свидѣтельству лѣтописи для торговли солью посѣщали Венгрію, Галицію, откуда главнымъ образомъ и вывозили предметъ своего торга. Итакъ торгующіе классы носили различныя наименованія, смотря по тому производили-ли они торговлю подобно гостямъ и посѣщали-ли они по дѣламъ торговли отдаленныя страны, при чемъ иногда отъ самыхъ странъ, а иногда отъ самаго предмета торга эти лица получали свои особенныя наименованія. Низшій классъ торговыхъ людей ограничивалъ свою дѣятельность тѣснымъ кругомъ одного какого нибудь пригорода, округа и не имѣлъ права по дѣламъ торговымъ производить переѣзды въ отдаленныя части. Запрещеніе людямъ торговымъ торговать по всему пространству Руси мало помалу уничтожается: князья начинаютъ отмѣнять пошлины при переѣздѣ изъ одной области въ другую. Слѣдовательно, интересы князей требовали, чтобы они поощряли торговлю и князья дѣйствительно стараются поощрять ее постройкою дорогъ, новыхъ городовъ и заключеніемъ договорныхъ грамотъ для безпрепятственнаго переѣзда купцамъ изъ одного княжества въ другое. Это обстоятельство объясняетъ намъ тотъ фактъ, что большая часть древнихъ городовъ относится по началу

своему къ удѣльному періоду. Удѣльный періодъ есть время, такимъ образомъ, увеличенія городовъ не въ смыслѣ укрѣпленій, а въ смыслѣ торговомъ и промышленномъ. Различныя соображенія побуждали князей къ умноженію подобныхъ городовъ: во первыхъ удѣлы были очень малы, сборъ доходовъ съ сельскихъ обывателей былъ ничтоженъ, дань собиралась весьма часто сельскими продуктами; нужно было увеличить источникъ дани, сбора. Для этого нужно было построить новые города, потому что, при маломъ объемѣ удѣловъ, чѣмъ больше было городовъ, тѣмъ больше становился классъ промышленныхъ и тяглыхъ людей, а горожане были необходимы князю не только потому, что они платили денежную дань, но и потому что они были болѣе осѣдлы, т. е. что горожане не могутъ переходить на жительство въ села. Наконецъ города представляютъ удобный случай для помѣщенія дружины. Городъ былъ удобенъ и для мѣстнаго управленія. Такъ посадникъ княжескій и прочія должностныя лица имѣли свое пребываніе въ городахъ. Въ каждой области главный городъ служилъ образцомъ для устройства прочихъ пригородовъ, а тамъ, гдѣ существовало вѣчевое устройство, тамъ малые города въ своихъ распоряженіяхъ руководились постановленіемъ главнаго города, подобно тому, какъ было въ новгородской области, что на чемъ станетъ Новгородъ, на томъ стоятъ и пригороды. Подобно этому и въ прочихъ областяхъ существовала органическая связь между главнымъ городомъ и пригородами. Раздѣленіе городскихъ жителей такимъ образомъ вездѣ во всѣхъ городахъ является на три степени: на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ. Затѣмъ раздѣленіе городскихъ людей на тяглыхъ, черныхъ людей съ подраздѣленіемъ на сотни и вездѣ является выборное начало. Каждый классъ горожанъ выбираетъ своего старшину. Эти выборныя лица участвуютъ на вѣчѣ въ главномъ городѣ и такимъ образомъ поддерживается постоянная связь между пригородами и городами. Каждый пригородъ въ свой чередъ увеличиваясь въ населеніи старался завести свой пригородъ. Отсюда происходило то, что въ недальнемъ разстояніи отъ города образовывались про-

мышленныя и торговыя слободы, которыя иногда мало-по-малу обращались въ самые города. Названіе слободы произошло оттого, что жители этихъ мѣстъ на первое время, необходимое для постройки дома, освобождались отъ платежа тягла на нѣкоторое число лѣтъ, были слободны, какъ выражается лѣтопись, отъ всякой городской службы, тягла и повинностей. Но когда проходили льготные года, тогда они примыкали къ составу города. Такимъ образомъ число городовъ увеличивалось и масса городскаго и промышленнаго населенія сдѣлалась въ послѣдствіи значительнымъ элементомъ въ составѣ цѣлаго населенія. Такимъ образомъ въ устройствѣ земщинъ произошло слѣдующее капитальное видоизмѣненіе. Сначала до увеличенія числа городовъ преобладаетъ только одинъ классъ бояръ. Кромѣ этаго класса есть остальная масса сельскаго населенія. Но съ устройствомъ и увеличеніемъ числа городовъ является значительный классъ населенія промышленнаго, которымъ князья дорожатъ постепенно все болѣе и болѣе, потому что этотъ классъ населенія отличается своими особенными отношеніями, выгодными для князя, а именно: высшій классъ не имѣлъ осѣдлости; князьямъ во многихъ мѣстностяхъ было излишне опираться на дружину; во многихъ мѣстностяхъ князья опирались на привязанность народа и относились непосредственно къ земщинѣ. Но здѣсь былъ еще классъ землевладѣльцевъ не богатыхъ и средній классъ, которымъ князья начинали дорожить все болѣе и болѣе. Города представляли большой источникъ дохода князю и средство размѣщенія отрядовъ княжескихъ, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ городскіе жители были дороги для княжеской власти. Такимъ образомъ, мало-по-малу, преимущество, которое распространялось только на высшій классъ лицъ, постепенно распространяется и на средній классъ, т. е. на классъ городскихъ лицъ. Сельскіе жители получаютъ мало-по-малу устройство подобное городскимъ, т. е. раздѣляются также на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ черныхъ людей смотря по своимъ достаткамъ, смотря по количеству исполненія тягольныхъ повинностей. Такъ какъ положеніе городское не было

одинаково съ положеніемъ сельскаго класса и такъ какъ въ интересахъ князя было, чтобы какъ можно болѣе лицъ переходило изъ селъ въ города и наоборотъ, какъ можно менѣе переходило изъ городовъ въ села, то мы видимъ, что князья съ одной стороны стараются привлекать сельскихъ жителей въ города, даруя льготы поселяться безплатно на городской землѣ и назначая имъ различныя преимущества. Съ другой стороны князья старались запретить изъ городовъ переходить въ сельскій классъ населенія. Такимъ образомъ классъ городскихъ жителей дѣлается мало-по-малу закрѣпленнымъ въ томъ смыслѣ, что нѣтъ возможности переходить изъ городскаго званія въ какое либо другое званіе. Дѣйствительно, горожане не могутъ перейти въ высшій классъ, потому что княжеская служба считалась доступною только боярамъ и лицамъ служащимъ. Только сынъ или потомокъ служилаго человѣка можетъ поступить на службу княжескую. Родовитость происхожденія считалась необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія права на службу и это понятіе дѣлалось все болѣе и болѣе сильно, такъ что подъ конецъ оно образовало особый обычай, въ силу котораго, чѣмъ выше было то служебное мѣсто или званіе, которое занималъ отецъ, тѣмъ скорѣе давалось и сыну служебное назначеніе. Итакъ мы видимъ, что служба была доступна только на основаніи родоваго происхожденія. Горожанинъ не могъ слѣдовательно перейти въ высшее сословіе, а также не могъ перейти и въ низшій классъ населенія, т. е. онъ не могъ сдѣлаться сельскимъ обывателемъ, потому что, разъ вступивши на городскую тяглую землю онъ обязывался никогда не сходить съ этой земли и давалъ обязательство не только за себя, но и за свое потомство. Такимъ образомъ закрѣпленіе городскаго сословія является гораздо раньше другихъ классовъ населенія. Это закрѣпленіе было тѣмъ болѣе значительно, что городъ считался построеннымъ на землѣ, собственно принадлежащей князю, и всѣ городскія земли, какъ собственность княжеская, были тягловыми. Свободный человѣкъ, поселяясь на такой землѣ, долженъ былъ платить князю опредѣленную повинность. Таково было

значеніе городовъ и городскаго населенія, которые сформировались въ теченіи удѣльнаго періода окончательно. Обратимся теперь къ селеніямъ. Селенія въ настоящую эпоху раздѣляются на различные виды подъ разными наименованіями. Большая часть селъ носитъ наименованіе черныхъ, т. е. подлежащихъ сборамъ и пошлинамъ въ пользу доходовъ княжескихъ. Отъ черныхъ селъ отличаются княжескія въ томъ смыслѣ, что они составляютъ частную собственность князя. Въ этихъ то княжескихъ селахъ нѣтъ общихъ должностныхъ чиновниковъ, а управленіе домашнее, какъ имущество принадлежащее князю, тутъ напримѣръ, нѣтъ княжескихъ тіуновъ въ смыслѣ чиновниковъ, а тутъ есть частные управители. Земли эти могли принадлежать или самому князю или княжескимъ сыновьямъ, или его родственнику. Князь умирая раздѣлялъ свой удѣлъ на части въ государственномъ значеніи этого слова и кромѣ того оставлялъ завѣщаніе на счетъ своихъ княжескихъ селъ въ пользу дѣтей въ смыслѣ частнаго имущества. Затѣмъ села церковныя и монастырскія и наконецъ села, принадлежащія отдѣльнымъ частнымъ владѣльцамъ. Въ каждомъ изъ этихъ селеній, не исключая и церковныхъ земель было общинное устройство; въ черныхъ селахъ подобно городамъ было однообразное общинное устройство. Это общинное устройство заключалось въ томъ, что земля, какъ въ городахъ, такъ и въ черныхъ селахъ, раздѣлялась на особые участки, которые раздавались въ пользованіе каждому свободному человѣку, каждому обывателю, котораго община принимала въ свой составъ съ тѣмъ, чтобы каждый, получающій участокъ, отправлялъ бы за это опредѣленныя повинности въ пользу общины. Повинности эти могли увеличиваться или уменьшаться, смотря по тому увеличивался или уменьшался участокъ. Онъ могъ увеличиться тогда, когда семья увеличивалась и когда съ согласія общины прикидывалась извѣстная полоса земли; напротивъ того могъ уменьшиться, когда семья уменьшалась, когда въ ней оставалось меньшее число людей, или когда нѣкоторые изъ семьи переселялись изъ селъ въ городскіе жители. Для того, чтобы подобное расчи-

сленіе тягольныхъ повинностей было справедливымъ каждая община избирала своихъ лучшихъ людей, которые и дѣлали подобный разметъ кому, какъ и насколько тянуть, т. е. исполнять повинности. Общинное устройство не было однообразнымъ въ земляхъ помѣстныхъ, потому что земли помѣстныя выдѣлялись изъ земель княжескихъ, потому помѣстныя земли представляютъ собою населеніе несвободныхъ людей, зависящихъ отъ помѣщика, которому дано помѣстье вмѣсто извѣстной уплаты за исполнѣніе служебной обязанности. Эта служебная повинность въ своемъ родѣ была тягольная повинность, но только въ другомъ значеніи слова: подобно тому, какъ городъ долженъ былъ тянуть тягло за то, что онъ могъ пользоваться правомъ торговли, подобно тому, какъ черный человѣкъ изъ черныхъ селъ долженъ былъ тянуть тягло за то, что онъ пользовался общинною полосою земли—помѣщикъ долженъ былъ отправлять служебную повинность, смотря по объему данной ему земли. Этотъ объемъ былъ различенъ: чѣмъ выше было званіе служебнаго лица, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ привести въ составъ войска людей, пріученыхъ къ ратному дѣлу, тѣмъ болѣе была и награда ему помѣстьемъ. Владѣнія монастырскія и церковныя представляютъ также иное устройство: въ этихъ владѣніяхъ своего рода тягольныя повинности и помѣстное раздѣленіе, потому что земли церковныя представляютъ частныя владѣнія, въ которыхъ заведенъ совершенно особый порядокъ, въ которыхъ не усматривается общей княжеской администраціи. Здѣсь управленіе зависитъ отъ *высшихъ* духовныхъ властей. Такъ монастырь назначаетъ тіуновъ, своихъ сборщиковъ дани, своихъ посельскихъ. Какова эта дань, въ какомъ количествѣ, за какіе предметы она взымалась, это мы увидимъ. Происходило не такъ, какъ въ остальныхъ во всѣхъ княжествахъ, а такъ какъ это считалъ необходимымъ монастырь, слѣдовательно и особое раздѣленіе земель и особыя условія за пользованіе землею и особый порядокъ суда и особая система финансовъ, все здѣсь своеобразно, потому что это владѣніе частное, а не государственное. Такимъ образомъ мы видимъ изъ этого объясненія, что положеніе сельскаго населенія не

представляетъ той однородности, которую представляютъ классы городскаго населенія. Совершенно противоположно городамъ, которые сформировались подъ вліяніемъ извѣстныхъ причинъ, села и сельскіе классы населенія продолжаютъ удерживать свое различное устройство и только одни черныя села, въ смыслѣ государственныхъ селъ, имѣютъ свое однообразное общинное устройство; въ остальныхъ видахъ сельскаго населенія существуетъ разнообразіе. Наконецъ земли, принадлежащія частнымъ владѣльцамъ, представляютъ тотъ особый характеръ, что на нихъ могли жить, какъ несвободныя лица, такъ и лица свободныя, которыя по частному договору, найму или условію съ боярами и владѣльцами могли опредѣлить свои взаимныя отношенія. Это объясняетъ намъ то различіе сборовъ, пошлинъ и податей, которое развивалось въ теченіи этого періода.

XVII ЛЕКЦІЯ.

Обратимъ теперь вниманіе на княжескіе доходы въ теченіи разсматриваемаго періода. Финансовое устройство или доходы казны великокняжеской получили въ теченіи разсматриваемаго періода большую опредѣленность. Доходы раздѣлялись на два главныхъ разряда. Къ первому можно отнести сборы съ племенъ и вообще съ областей покоренныхъ. За тѣмъ различныя подати, пошлины, которыя въ особенности выработались и развились въ теченіи удѣльнаго періода. Уставныя грамоты по преимуществу знакомятъ насъ съ различными источниками финансовыхъ сборовъ. Замѣтимъ, что самая система сборовъ была не однообразна, а различна: иногда сборы собирались непосредственно самими князьями, иногда сборы предоставлялись княжескимъ чиновникамъ; иногда доходы поступали въ казну княжескую посредствомъ откупа, т. е.

когда право собиранія извѣстной, постановленной пошлины или сбора предоставлялось отъ князя частному лицу за извѣстную сумму. Подобнымъ-же образомъ отдавался иногда на откупъ сборъ съ нѣкоторыхъ земель, принадлежащихъ князю, напримѣръ съ рыбной ловли, съ добыванія соли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Иногда же сборъ опредѣленной пошлины и денежныхъ доходовъ за разные предметы предоставлялся отъ князя не одному какому-нибудь лицу, а цѣлой общинѣ, такъ что община пріобрѣтала право взыскивать въ опредѣленныхъ случаяхъ различные денежные доходы. Частью эти доходы взыскивались въ видѣ виръ за преступленія, частью за право торговли, за различные промыслы, за различныя судебныя дѣйствія, вообще за случаи, опредѣленные законами тогдашняго времени. Кромѣ того у князей были еще значительные склады, амбары для помѣщенія естественныхъ произведеній, напримѣръ склады хлѣба, который они собирали также отчасти въ числѣ своихъ доходовъ. Изъ этихъ значительныхъ складовъ они иногда продавали, иногда сами вели торговлю и потому были особенные гости и купцы, которымъ князья поручали производить торговлю. Изъ этого мы видимъ, что финансовая часть удѣльныхъ княжествъ не имѣла однообразнаго устройства. Въ такомъ положеніи она находилась до эпохи монгольской. Показавъ это общее значеніе княжескихъ доходовъ, мы должны показать источники доходовъ князя тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ является въ древнемъ законѣ съ особымъ наименованіемъ, съ особымъ значеніемъ, съ особымъ характеромъ. Нѣкоторые изъ этихъ сборовъ уже намъ извѣстны изъ предъидущихъ изслѣдованій, но кромѣ того встрѣчаются и многіе новые. Такъ виры составляютъ значительную часть доходовъ великокняжескихъ и княжескихъ въ теченіи удѣльнаго періода. Мы уже знаемъ, что на основаніи Русской Правды, опредѣлялись различныя виры: полная въ 80 гривенъ и полъ виры въ 40 гривенъ. Вира собиралась или съ общины, или съ самаго убійцы, и для этаго сбора были особые княжескіе чиновники. Если община откупала, т. е. брала на себя уплату князю всѣхъ доходовъ, въ такомъ случаѣ и вира взыскива-

лась въ пользу общины. Затѣмъ встрѣчается сборъ подъ названіемъ продажи. Продажею называлась пеня, которая взыскивалась за разныя оскорбленія, въ большей части случаевъ воровства, и была различна, смотря по степени преступленія; иногда она доходила до 12 гривенъ, иногда болѣе или менѣе. Затѣмъ денежный сборъ подъ именемъ судебного или *пересуда*. Сборъ этотъ взимался на судѣ въ дѣлахъ уголовныхъ и въ дѣлахъ гражданскихъ. Русская Правда упоминаетъ нѣкоторыя изъ подобныхъ судебныхъ пошлинъ, именно уроцы судебные, опредѣляя ихъ въ различныхъ величинахъ: въ 9 кунъ, въ 30 кунъ, иногда въ 4 куны, напримѣръ при спорѣ о землѣ, или о нарушеніи границъ земли. Если была доказана порча бортнаго дерева, въ такомъ случаѣ урокъ взыскивался въ 30 кунъ, а если разсматривалось обыкновенное уголовное преступленіе, то 9 кунъ. Затѣмъ сборъ подъ именемъ ротныхъ уроковъ. Подъ ротными уроками разумѣлись пошлины, которыя взыскивались при совершеніи какихъ либо актовъ или письменныхъ документовъ, напримѣръ, когда составлялась запись о продажѣ или о покупкѣ земли, или когда составлялась запись объ обмѣнѣ одного имущества на другое, или когда составлялась запись о раздѣлѣ имущества между наслѣдниками. Во всѣхъ этихъ случаяхъ писались грамоты и къ нимъ прикладывали подпись при свидѣтеляхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимали присягу, что дѣйствительно сдѣлка законна. Такъ что при продажѣ или покупкѣ должно было приносить удостовѣреніе въ томъ, что имущество продано или уступлено за такую-то цѣну. Затѣмъ сборъ подъ названіемъ *желѣзной* пошлины. Она взыскивалась въ томъ случаѣ, если при разбирательствѣ дѣла на судѣ одна сторона требовала, чтобы другая представила доказательства посредствомъ испытанія желѣзомъ. Тогда судъ производилъ испытаніе и за производство этого испытанія судъ бралъ извѣстную пошлину. Подъ этимъ же названіемъ разумѣлся сборъ въ томъ случаѣ, когда нужно было преступника или подсудимаго заковать въ желѣзо и держать его подъ стражею; тогда за это рас-

поряженіе суда взыскивалось изъ имущества виновнаго или лица, находящагося подъ стражей желѣзная пошлина. Затѣмъ различнаго рода торговыя пошлины. Они встрѣчаются въ уставныхъ грамотахъ подъ слѣдующими наименованіями: пошлина гостиная, пошлина торговая, пошлина помѣрная, тятло, мытъ, полувѣсъ и корчмита. Значеніе каждой изъ этихъ пошлинъ опредѣляется изъ различныхъ уставныхъ грамотъ и по лѣтописи. Такъ подъ именемъ гостиной пошлины называлась пошлина, которая бралась съ гостей и вообще съ торговцевъ, пріѣзжающихъ съ товаромъ изъ другихъ городовъ. Эта пошлина взималась не вдругъ, а какъ-бы по частямъ и въ слѣдующей постепенности: когда гость или купецъ въѣзжалъ съ своимъ товаромъ въ городъ, то первоначально взыскивалась часть пошлины за право проѣзда и эта пошлина именовалась поворотная отъ воротъ. Затѣмъ когда товары были ввезены на дворъ или въ городъ, тогда по правиламъ тогдашняго времени, купецъ не могъ сложить ихъ въ особомъ домѣ, а въ амбарѣ города и при подобномъ складѣ взыскивалась вторая пошлина подъ названіемъ *свальни* амбарной или вообще товарная пошлина; затѣмъ, когда часть товара уже продавалась, то продажа могла происходить тоже не иначе, какъ на гостиномъ дворѣ въ присутствіи княжескихъ чиновниковъ, а впослѣдствіи и выборныхъ отъ самихъ жителей и при этомъ за продажу товара взыскивалась остальная часть пошлины. Эта пошлина носила уже различныя наименованія: вѣсчаго, т. е. пошлина съ количества вѣса, помѣрная взымалась въ томъ случаѣ, когда товаръ продавался извѣстной мѣрой и т. д. Что касается вѣсчей пошлины, то она имѣетъ свое особое значеніе по слѣдующему обстоятельству. Вѣсы и мѣры должны были находиться въ церкви, какъ образцы. Съ этими образцами должны были свѣрять прочія торговыя мѣры. На площади города были особые вѣсы, гири, которые должны были быть вѣрны съ образцами. Такой же порядокъ соблюдался въ Византіи, на основаніи римскихъ и византійскихъ документовъ духовенству принадлежалъ надзоръ за мѣрами и вѣсами. Тоже самое было и у насъ, но такъ

какъ при взвѣшиваніи товара собиралась пошлина въ пользу казны княжеской и такъ какъ этимъ взвѣшиваніемъ завѣдывали особые княжескіе чиновники, то за самое дѣйствіе подобнаго рода взымалась вѣсчая пошлина.

Если оказывалось при этомъ преступленіе и тѣмъ болѣе умышленное, то законъ тогдашняго времени относился съ чрезвычайною строгостью, вѣщикъ подвергается смертной казни за обманъ; все имущество его должно быть раздѣлено на три части: одну отдать св. Софіи, другую обманутому; третью часть отдать сотскимъ и городскимъ жителямъ. Затѣмъ пошлина подъ именемъ *перемѣръ* или помѣрной. Подобнымъ же образомъ на городской площади должны были находиться особыя мѣры для измѣренія товаровъ жидкихъ и сыпучихъ. Это были бочки, кадки, четверти, осмины и т. п. За подобный промѣръ взыскивалась опредѣленная пошлина. Затѣмъ сборъ подъ именемъ *пятна*. Это была пошлина съ клейменія лошадей. При продажѣ ихъ пошлина эта собиралась особыми сборщиками, которые именовались пятенщиками, и которые при каждой продажѣ клали на нихъ клеймо или пятно. Впослѣдствіи времени это вышло изъ употребленія и было замѣнено особой книгой, въ которой замѣчались примѣты проданной или купленной лошади. Кто покупалъ лошадей безъ клейма, тотъ считался незаконнымъ владѣтелемъ лошади и всякій могъ у него отнять; поэтому за приложеніе печати взыскивалась извѣстная пошлина. Сборъ этой пошлины былъ довольно значителенъ, потому что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдавался князьемъ на откупъ за опредѣленную сумму; иногда частное лицо брало его на откупъ, иногда сборъ былъ предоставленъ самой общинѣ. Затѣмъ сборъ подъ именемъ *мыта* или перевоза. Это была собственно пошлина за проѣздъ, которая бралась при перевозѣ товаровъ изъ одного города въ другой. Не нужно смѣшивать *мыта* съ *гостиной* пошлиной, о которой мы говорили: та пошлина взымалась при въѣздѣ въ городъ, мытъ-же собирался на разстояніи между городами, также при увозѣ товаровъ, вообще она была пошлина загородная. Такимъ образомъ торговля была обставлена многими

сборами. Это значительно стѣсняло ея обороты. Что касается до *мыта*, то онъ держался долго до самаго Петра Великаго: онъ отмѣнилъ подобные сборы. Для сбора мыта были особые княжескіе чиновники подъ названіемъ мытниковъ. Они собирали пошлины не только съ товаровъ провозимыхъ по сухому пути, но и съ барокъ, судовъ и лодокъ, которыя приставали къ пристани. При этомъ пошлина эта была весьма точно опредѣлена, такъ наприм., если суда или ладьи имѣли двѣ палубы, то пошлина взыскивалась двойная противъ судовъ съ одной палубой. Затѣмъ собиралась пошлина подъ именемъ мыта сообразно величинѣ ладьи и барки, за право причаливанія къ берегу сообразно тому, сколько мѣста у пристани занимала ладья. За тѣмъ на сколько она была погружена, изъ какой земли былъ товаръ. Подъ именемъ перевоза разумѣлась плата и сборъ, который постановлялъ не только князь, но и каждый частный владѣлецъ. Наконецъ пошлина подъ именемъ корчемной, пошлина за право варенія пива и меду и за продажу ихъ. Сначала эта пошлина была только принадлежностію княжескаго дохода, потомъ каждый владѣлецъ земли могъ собирать у себя пошлину подобнаго рода. Кромѣ этихъ какъ-бы частныхъ сборовъ встрѣчаются еще сборы и за общіе особые случаи. Сюда прежде всего относится дань. Дань собиралась сначала съ каждаго дома, съ каждаго двора, поэтому она носила иногда названіе подымной подати, но впослѣдствіи времени князья увидѣли, что собирать сборъ подобнымъ образомъ не всегда удобно и выгодно, такъ какъ дворъ могъ опустѣть. Такимъ образомъ число дворовъ не всегда могло опредѣлить правильно количество дохода, вслѣдствіи того они устроили собираніе дани, съ самаго округа или общины. Такимъ образомъ дань перешла отъ первоначальной подымной къ окружной. Затѣмъ сборъ, который нужно отличать отъ дани подъ именемъ *полюдья*. Это былъ сборъ, который собирали сами князья при объѣздѣ своихъ владѣній и притомъ сборъ не принужденный. Подобное же назначеніе имѣютъ уроки. Такъ упоминается въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наприм.: и иде Ольга въ Новгородъ и ставъ на Мстѣ, а на людей положи уроки. Оброки отличались

еще несколько отъ уроковъ тѣмъ, что подъ оброками разумѣлся не только сборъ предметами, но и отправленіе какихъ-нибудь работъ. Кромѣ дани и кромѣ полюдья къ этимъ сборамъ присоединялась иногда какъ-бы прибавка, которая зависѣла уже совершенно отъ воли самихъ жителей, тогда какъ дань была обязанностью. Эта прибавка называлась почестью. Дань съ почестью и полюдье съ почестью означало обыкновенно количество дани, на которую обыватель прибавлялъ еще, что-нибудь отъ себя, желая тѣмъ выразить свою особенную привязанность къ князю и желая сдѣлать ему подарокъ. Это почестье существовало весьма долго: оно существовало въ теченіи всего удѣльнаго періода и даже удержалось въ первое время единодержавія московскаго. Нужно замѣтить, что подъ именемъ этого почестья разумѣлась не только прибавка дани, но вообще всякаго рода прибавка. Обычай до такой степени былъ распространенъ въ народѣ, что, если продающій условливается въ цѣнѣ и покупщикъ доволенъ продавцемъ, то сверхъ условной цѣны за продажу и покупку, онъ надбавлялъ еще отъ себя. Иной сборъ подъ именемъ вѣна. Подъ именемъ вѣна разумѣлась пошлина отъ брачныхъ союзовъ, съ лицъ вступающихъ въ бракъ. Обычай сбора этой пошлины былъ повсемѣстенъ. Сборъ взимался какъ съ жениха, такъ и съ невѣсты и онъ былъ тѣмъ болѣе, если невѣста для этого брака выходила въ другую волость, а не оставалась въ той же самой. Если же при томъ невѣста по причинѣ брака должна была выдти не только въ другую волость, но и въ другую область, то этотъ сборъ увеличивался въ трое, а во второмъ случаѣ еще въ трое. Сначала вѣно собиралось самыми простыми, незначительными предметами, не имѣющими особеннаго значенія, напр. первоначальный видъ вѣна является въ формѣ сбора полотенца отсюда вѣно иногда называлось убрусной пошлиной. Затѣмъ встрѣчается сборъ подъ именемъ повоза. Это не сборъ пошлины, но обязанность жителей давать подводы при провозѣ какихъ-либо предметовъ принадлежащихъ князю или княжескимъ чиновникамъ, наприм. повозъ припасовъ съѣстныхъ и

сельскихъ произведеній, провозъ оружія, провозъ пойманныхъ и тому подобное. Изъ подобныхъ различныхъ сборовъ составлялась казна великокняжеская и казна каждаго удѣльнаго князя. Какъ ни значительны были эти сборы пошлинъ съ торговли, какъ ни подробно они были опредѣлены, однако же ихъ все-таки было недостаточно для расходовъ тогдашняго времени и потому для того чтобы дополнить эти доходы, князья прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ; они отдаютъ нѣкоторыя изъ княжескихъ своихъ угодій, приносящихъ доходы на откупъ. Такъ встрѣчаются княжескія земли, княжескіе лѣса, рыбныя ловли и другія угодья, отданныя на откупъ за опредѣленную сумму. Кромѣ того князья пользовались нѣкоторыми угодьями въ отдѣльныхъ областяхъ. Князья отдавали ихъ на откупъ гостямъ. Сверхъ того они поручали гостямъ и торговцамъ продавать и вообще совершать торговые обороты. Такъ запасы княжескихъ сельскихъ произведеній хранились въ значительномъ количествѣ въ разныхъ амбарахъ. Кромѣ того часть расходовъ они старались пополнить назначеніемъ различныхъ другихъ сборовъ. Такъ въ этотъ періодъ развилось такъ называемое кормленіе. Подъ именемъ кормленія разумѣлось право, которое предоставлялось на основаніи постановленія грамоты княжескимъ чиновникамъ дѣлать извѣстные поборы съ жителей села въ опредѣленное время, въ опредѣленномъ количествѣ. Кормленіе, какъ показываютъ уставныя грамоты былъ сборъ, опредѣленный закономъ и считавшійся какъ-бы вознагражденіемъ служащаго лица за отправленіе его обязанностей. Съ другой стороны нужно замѣтить, что лица, которымъ назначалось кормленіе, пользовались этимъ правомъ не постоянно, а короткое время: они смѣнялись черезъ годъ, черезъ два. Къ этому князья были побуждаемы тѣмъ, что такихъ городовъ или такихъ областей было не много. Съ другой стороны нужно было наградить за службу другое лицо и потому кормленщики знали, что они находятся въ подобномъ положеніи короткое время и прибѣгали къ злоупотребленію при производствѣ подобныхъ сборовъ. Однимъ словомъ историческое изслѣдо-

ваніе показываетъ, что кормленіе было сборомъ опредѣленнымъ закономъ, и что кормленіе по смыслу закона не могло быть орудіемъ притѣсненія со стороны княжескихъ чиновниковъ для самихъ жителей но что конечно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ кормленіе употреблялось въ злоупотребленіе; оно могло быть и дѣйствительно было, какъ доказываютъ просьбы и жалобы жителей области о томъ, чтобы смѣнить намѣстниковъ или вирниковъ. Но это были частные случаи, которые по отношенію къ общему значенію кормленія было нарушеніемъ закона. Наконецъ упоминается кромѣ кормленія, какъ способъ вознагражденія за службу, княжеское жалованье, т. е. выдача денегъ за отправленіе обязанностей служебныхъ. Но такъ какъ денежныхъ доходовъ было мало, то случай подобныхъ расходовъ встрѣчается не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Нужно замѣтить, что вся система финансовъ совершенно преобразовалась во второй половинѣ удѣльнаго періода, именно со времени эпохи монгольской оставившей замѣтные слѣды не столько въ законахъ, сколько въ администраціи. Въ особенности вліяніе выразилось въ финансовомъ отношеніи и мы должны показать общія послѣдствія его въ древней Руси въ теченіи удѣльнаго періода. Эти послѣдствія мы видимъ въ отношеніи къ различнымъ предметамъ и прежде всего по отношенію къ самой удѣльной системѣ. Удѣльная система въ эпоху монгольскую образуетъ уже нѣсколько в. княженій, которыя представляютъ собою болѣе или менѣе прочные союзы. Въ каждомъ изъ подобныхъ союзовъ есть свой центръ, есть главный городъ. Эта система нѣсколько видоизмѣнена. Сначала по вліянію монгольскому надъ всею Русью и надъ всѣми князьями назначался одинъ старшій. Впослѣдствіи это положеніе измѣнилось: различные удѣльные князья получаютъ доступъ къ господству, вырабатываютъ сами себѣ различныя отношенія, начинаютъ распространять свое вліяніе по отношенію къ прочимъ князьямъ, является слѣдовательно новый центръ, новые поводы сближенія князей между собою, но основанные уже на новыхъ началахъ. Затѣмъ мон-

голы на первый разъ выражаютъ свое вліяніе ограничивающееся собираніемъ дани. Они мало-по-малу отступаютъ отъ вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія и предоставляютъ эти дѣла внутренняго управленія самимъ князьямъ и такимъ образомъ эпоха монгольская не произвела значительной и существенной перемѣны ни въ государственномъ устройствѣ княженій, ни въ отношеніяхъ князей между собою, ни въ учрежденіяхъ, которыя выработались до этого времени, ни въ самомъ законодательствѣ. Единственнымъ образомъ это вліяніе отразилось въ денежномъ вопросѣ, такъ какъ это было главною цѣлью всего владычества монголовъ. Главною заботою хана было, чтобы дань вполнѣ была доставляема въ орду. Для достиженія этой цѣли, потребовались извѣстныя распоряженія: появились посланные отъ хана, подъ названіемъ баскаковъ и различныхъ другихъ лицъ, которые дѣлали раскладки различныхъ сборовъ и повинностей жителей, составляя новыя переписи земель, обложивъ новыми различными сборами и данью каждый городъ, каждую землю и каждый промыселъ, и такимъ образомъ преобразовали прежнюю финансовую систему. Это было первое и самое существенное вліяніе, которое однако не этимъ и ограничилось. Не коснувшись элементовъ народной жизни, оно не перемѣнило ни національныхъ народныхъ обычаевъ, ни тѣхъ учрежденій, которыя выработались въ прежнее время. Тѣмъ менѣе монгольское вліяніе могло коснуться перемѣнъ въ законодательномъ отношеніи: за всю эпоху монгольскаго владычества мы имѣемъ нѣсколько узаконеній подъ названіемъ ханскихъ ярлыковъ. Затѣмъ замѣтно нѣкоторое вліяніе въ отношеніи къ управленію и, наконецъ, вліяніе въ установленіи нѣкоторыхъ мѣръ взысканій и наказаній. Вотъ весь результатъ, который произвело монгольское владычество на древнюю Русь. Теперь мы остановимся на болѣе важномъ вліяніи, именно на финансовомъ.

XVIII ЛЕКЦІЯ.

Подъ вліяніемъ сбора дани монголы сдѣлали новыя переписи всѣхъ земель древней Руси и ввели новую систему сбора. Разсмотримъ ее, потому что она имѣла значеніе не только во время монгольскаго владычества, но удержалась долгое время и послѣ его, такъ что эта система встрѣчается и въ областяхъ великаго княжества московскаго. Всѣ земли были переписаны и раздѣлены на такъ называемыя чети и сохи, на выти и на кости. Сохою назывался самый большой участокъ земли, который признавался главною мѣрою при раскладкѣ податей и повинностей. Количество сохи принималось въ соображеніе не только при раскладкѣ податей, но и при раскладкѣ всякихъ другихъ сборовъ. Сначала, при распредѣленіи земель на сохи, обращалось вниманіе на самое качество почвы земли и, сообразно этому, земли низшаго качества зачислялись въ сохи большаго объема, т. е. соха такихъ земель была больше по пространству. Затѣмъ приблизительно къ сохамъ обложены были повинностями и сборами и прочіе участки земли. Такіе участки земли встрѣчаются подъ именемъ четей или четвертей. Четверть составляла часть сохи, такъ что въ сохѣ было нѣсколько четвертей. Обжа составляла также часть сохи, но принималось при этомъ въ соображеніе не только мѣра, но и самое качество земли или однородность по одному и тому-же промыслу, такъ что земли, принадлежащія къ одному разряду по обработкѣ на основаніи этого распредѣлялись различнымъ образомъ: сохи въ земляхъ сельскихъ и сохи въ земляхъ городскихъ. Такъ сохи земель городскихъ и посадскихъ измѣрялись не количествомъ четвертей, а количествомъ дворовъ. Здѣсь не было одинаковой и постоянной мѣры, такъ что количество городскихъ сохъ было различно въ разныхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ соха городская состоитъ изъ *62* дворовъ, въ другихъ изъ *392* дворовъ, въ нѣкоторыхъ встрѣчается *160* дворовъ притомъ съ различіемъ количества дворовъ лучшихъ

людей отъ количества дворовъ людей среднихъ. Разнообразіе въ раздѣленіи городскихъ сохъ основывалось на различіи торговомъ и промышленномъ и въ особенности оно основывалось на различіи капитала. На этомъ основаніи городскія сохи различались на сохи лучшихъ людей и на сохи среднихъ людей, такъ что соха среднихъ людей равнялась половинѣ сохи лучшихъ людей. Затѣмъ слѣдовали сохи молодчихъ людей, которыя приравнивались къ $^{1}/_{4}$ сохи лучшихъ людей и, наконецъ, были сохи бобылей, т. е. такихъ людей, которые не платили еще прямыхъ городскихъ повинностей. Двадцать четыре двора такихъ бобылей приравнивались къ одному двору лучшаго городскаго человѣка. Такимъ образомъ распредѣленіе на сохи было распредѣленіемъ точнымъ съ установленнымъ отношеніемъ и пропорціональнымъ извѣстному сбору. При назначеніи такимъ образомъ городскихъ и посадскихъ сохъ принималась также въ соображеніе и зажиточность самихъ лицъ, въ которомъ такимъ образомъ основаніе распредѣленія заключалось въ денежномъ капиталѣ, въ зажиточности, торговлѣ и промышленности. Въ селахъ основаніе подобнаго распредѣленія заключалось въ извѣстномъ объемѣ земли, въ извѣстномъ качествѣ и, наконецъ, въ однородности занятій. Изъ этого происходило слѣдующее. Такъ какъ земли не могли представлять такого большаго и крупнаго различія въ цѣнности, какъ разнообразіе торговли и промышленныхъ занятій, то отъ этого и распредѣленіе сохъ въ селахъ было гораздо легче сдѣлать, нежели распредѣленіе въ городахъ. Въ городѣ нужно было до распредѣленія сообразить, какой промыселъ равенъ въ доходѣ съ другимъ промысломъ, сколько лицъ занимается однороднымъ промысломъ, каковы достатки этихъ лицъ, для того, чтобы можно было этихъ лицъ распредѣлить на категоріи лучшихъ, среднихъ и молодчихъ. Такимъ образомъ раскладка и распредѣленіе на сохи является не однообразною, а чрезвычайно сложною и разнообразною, притомъ она производилась весьма часто: послѣ первой дѣлались поправки, возникали жалобы, за которыми слѣдовали новыя перемѣны на сохи. Сна-

чала всѣ эти перемѣны происходили отъ монгольскихъ или ханскихъ чиновниковъ, впослѣдствіи они производились особыми княжескими чиновниками. Кромѣ этихъ крупныхъ дѣленій сохи, четверти, были еще и другія финансовыя раздѣленія, на которыя разбивалась пахатная земля со всѣми угодьями и съ которыхъ взыскивались извѣстныя подати и повинности. Такими прочими финансовыми единицами были въ московскомъ владѣніи выть, а въ Новгородѣ *обжи* и *коробьи*. Выти, подобно сохамъ, не имѣли одинаковой и постоянной мѣры. Величина эта измѣнялась. Эти перемѣны происходили въ разное время, иногда отъ различія качества земли, иногда отъ однородности сборовъ. Такимъ образомъ и число четвертей полагалось въ разныхъ земляхъ иное, напримѣръ, въ дворцовыхъ земляхъ иное, нежели въ черныхъ и монастырскихъ. Сообразуясь съ качествомъ земли, точно такимъ образомъ, какъ и въ распредѣленіи на сохи, отношеніе этихъ единицъ финансовое было слѣдующее: *выть* заключала въ себѣ отъ 14 до 16 четвертей, а иногда заключала въ себѣ менѣе 16 до 12. Это зависѣло отъ качества земли. Такъ, если земля была хорошаго качества, то *выть* составлялась изъ *12* четвертей, средняго качества изъ *14*, а худшаго качества изъ *16* четвертей. Подобнымъ же образомъ и значеніе обжи было не одинаково, хотя эта мѣра была общеупотребительна въ новгородской области. Какъ *соха*, такъ и *выть* имѣли еще подраздѣленія, которыя назывались *костями*. Но кость отличалась отъ четверти слѣдующими особенностями: она обозначала не столько пространство и объемъ участка, сколько одинаковое положеніе лицъ, живущихъ въ извѣстномъ мѣстѣ, которыя должны были нести однообразное тягло. Поэтому, напримѣръ, раздѣлить землю можно было на четверти, но раздѣлить землю на кости можно было такую, на которой были постоянно жители, обязанные извѣстнымъ тягломъ и однообразными повинностями. Распредѣлить въ кость, значило тогда—приписать къ извѣстной повинности лицъ, живущихъ въ извѣстной части какого нибудь участка земли. Отсюда мы поймемъ смыслъ выраженія, когда городскіе и сель-

скіе жители приносять просьбы о томъ, чтобы ихъ записывали съ смежными жителями въ одну кость для удобства раскладки, т. е. они просятъ, чтобы въ отношеніи податнаго сбора были записаны въ одинъ разрядъ. Такимъ образомъ села раздѣлялись еще на кости, принимая въ соображеніе однообразіе сборовъ или повинностей. При этомъ распредѣленіи, чиновники или сборщики податей дѣлали такимъ образомъ, что земледѣльцевъ записывали въ одну кость, рыболововъ въ другую и точно такимъ же образомъ дѣлали различіе по отношенію и къ другимъ занятіямъ. Распредѣленіе на кость имѣло еще то важное преимущество, что каждая кость вносила слѣдующіе сборы въ свои опредѣленные сроки, а эти сроки были соображаемы съ такимъ временемъ года, когда земледѣльцу удобнѣе всего заплатить подать, когда рыболову удобнѣе принести слѣдующіе съ него повинности. Такія распредѣленія давали возможность точно опредѣлить количество достатка капитала и вообще средства лица. Мало-по-малу это посошное распредѣленіе, основанное главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что платить не лицо, а извѣстный достатокъ лица, извѣстный трудъ и капиталъ, переходитъ и на различныя городскія промышленныя занятія, такъ что, напримѣръ, лавка, амбаръ или кузница обращаются въ извѣстную часть сохи, напримѣръ лавка, приравнивается къ половинѣ сохи, $^1/_4$ и т. д. Разбирая наши древніе законы, мы встрѣчаемъ подобное дробное распредѣленіе: иногда участокъ величиною въ полъ-сохи, полъ-кости, и т. д., но эти выраженія показываютъ намъ уже извѣстную финансовую систему, особенность которой мы теперь и объяснили. Установивши подобную систему, ханы требовали опредѣленной дани со всей земли русской, и распредѣленіе по сохамъ давало возможность, какъ бы велико не было требованіе, распредѣлить дань между жителями соотвѣтственно ихъ достатку, соотвѣтственно ихъ занятію. Согласно древнему обычаю, въ народѣ всякій сборъ основывался на томъ соображеніи, сколько кто можетъ доставить по своимъ средствамъ; но для того, чтобы это не зависѣло отъ произвола сборщика, было

введено подробное письменное распредѣленіе. Посмотримъ теперь на значеніе ханскихъ чиновниковъ, которые сдѣлали въ Россіи такую перемѣну въ отношеніи финансовомъ, въ отношеніи сбора. Первоначально ханы для этого назначали только самыхъ высшихъ сановниковъ; они носили у насъ различныя наименованія: были баскаки, которые, пріѣзжая въ княжества, заявляли требованія хана, а князья должны были позаботиться о томъ, чтобы сборъ дани произведенъ былъ скорѣе, и иногда сами пріѣзжали къ хану. Сначала сборъ дани былъ общій со всей земли русской и старѣйшіе князья должны были отвѣчать за правильное доставленіе сбора. Въ послѣдствіи, однакожъ, по проискамъ и стремленіямъ самихъ князей, ханы уполномочивали каждаго отдѣльнаго князя собирать дань съ извѣстной части и отправлять въ орду. Они нашли это болѣе выгоднымъ для себя, нежели сборъ дани со всей земли русской. Отъ этого произошло то, что князья болѣе зажиточные, владѣнія которыхъ были болѣе обширны, успѣли стать посредниками между ханомъ и прочими менѣе значительными князьями и, какъ отвѣтственныя лица за доставленіи дани не только отъ себя, но и отъ прочихъ князей, они получили тѣмъ самымъ извѣстную степень власти надъ прочими князьями. Такъ исторія намъ указываетъ, что подобными мѣрами возвысилось великое княжество московское надъ прочими. Затѣмъ весьма важное значеніе и вліяніе, въ продолженіи монгольской эпохи, пріобрѣтаетъ духовенство. Оно пользуется особымъ почетомъ и покровительствомъ хана въ продолженіи всего періода. Въ своихъ ярлыкахъ ханъ говоритъ: смертная казнь тому, кто осмѣлится нарушить какое-нибудь право, принадлежащее церкви или духовенству, напримѣръ: если кто завладѣетъ монастырскою или церковною землею. Пользуясь такими распоряженіями духовенство долго служило посредникомъ при отдѣльныхъ спорахъ князей, когда въ ордѣ происходилъ дѣлежъ княжествъ въ случаѣ другихъ споровъ и такъ какъ тамъ вообще рѣшались важнѣйшіе государственные вопросы этого времени, то духовенство оказывало большую услугу, употребляя свое вліяніе на то, чтобы оградить

интересы древнихъ русскихъ княжествъ и предупредить всякій раздоръ. Духовенство склоняло князей, въ подобную годину бѣдствій, на союзъ между собою и, подъ вліяніемъ духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ общихъ интересовъ, они стараются сблизиться между собою и заключить договорныя грамоты въ отношеніи другъ къ другу. Такимъ образомъ договорныя грамоты, принадлежащія къ удѣльному періоду, различаются по времени и по содержанію. Иное значеніе онѣ имѣютъ въ эпоху монгольскаго владычества, иное до этого времени. Въ этихъ послѣдующихъ договорныхъ грамотахъ подтверждаются однако - же по прежнему обычаю, нѣкоторыя отношенія князей. Такъ упоминается старѣйшинство одного князя передъ другимъ, упоминаются отношенія родства и обязанность, въ силу которой князь болѣе сильный долженъ помогать болѣе слабому князю, обязанность не судить людей, принадлежащихъ другому князю, не распоряжаться въ его владѣніи, беречь служилыхъ людей, запрещать имъ переходъ въ другое княжество, помогать другъ другу во время войнъ, уплачивать совокупными силами ордынскій выходъ, т. е. дань. Кромѣ этихъ предметовъ, о которыхъ князья договаривались, въ договорныхъ грамотахъ встрѣчаются и нѣкоторыя другія постановленія о боярахъ и другихъ лицахъ. Содержаніе этихъ грамотъ мы разсмотримъ въ отдѣлѣ внѣшней исторіи этаго періода. Здѣсь, во внутреннемъ обозрѣніи, для насъ важно отношеніе самыхъ князей другъ къ другу. Эти отношенія, главнымъ образомъ, выражались въ слѣдующемъ во время монгольскаго владычества: не смотря на старѣйшинство данное первоначально Ярославу Всеволодовичу, котораго ханъ хотѣлъ поставить главою всѣхъ прочихъ князей Руси образуется нѣсколько великихъ княженій: Рязанское, Тверское, Нижегородское, Смоленское, Ростовское, Московское и Ярославское. Каждое изъ этихъ княженій имѣетъ своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей. Окружающія великое княженіе эти группы являются какъ-бы особыми государствами и, по отношенію къ другимъ группамъ, часто враждуютъ, иногда-же сближаются и за-

ключаютъ союзы, какъ отдѣльныя самостоятельныя владѣнія. Между самими великими князьями или главами этихъ отдѣльныхъ группъ возникаютъ также понятія относительно старшинства или преимущества. Большая часть преимуществъ признается за Владимірскимъ великимъ княженіемъ, такъ какъ оно доставалось большею частію всегда сильнѣйшему и болѣе могущественному великому князю, который могъ поддерживать подобное свое значеніе и какъ-бы первенство передъ прочими князьями. Такимъ образомъ старѣйшинство, въ эту эпоху удѣльнаго періода, опредѣляется не родовыми какими-нибудь преимуществами, не старинными какими-либо правами престолонаслѣдія, а просто силою и большею степенью власти въ сравненіи съ другими великими князьями. Не забудемъ, что всѣ прочіе великіе князья ни сколько не зависѣли отъ этаго болѣе сильнаго, но, при всей своей отдѣльности и независимости, эти группы княженій понимаютъ, что единство интересовъ древней Руси въ подобную тяжкую эпоху требуетъ, чтобы онѣ постоянно, по возможности, находились между собою въ союзѣ, и вотъ начинаются сношенія этихъ князей между собою. При этомъ прочіе удѣльные князья уже имѣютъ значеніе совершенно второстепенное: было-бы, напримѣръ, преступленіемъ, если бы одинъ удѣльный князь, помимо своего великаго князя вступилъ въ переговоры съ другимъ великимъ княземъ, потому что удѣльныя князья уже вполнѣ зависятъ отъ великаго. Такимъ образомъ важнѣйшія дѣла обсуждаются и рѣшаются великими князьями по взаимному соглашенію ихъ между собою. Интересы, касающіеся не цѣлой Руси, а отдѣльнаго какаго нибудь участка, разрѣшаются самимъ великимъ княземъ по согласію съ удѣльными князьями. Вотъ форма княжеской власти въ теченіи этого періода. Изъ подобной формы весьма легко могла наконецъ развиться и форма единодержавной власти когда, съ низверженіемъ зависимости монгольской, великіе князья московскіе сдѣлались первенствующими князьями, когда отдѣльныя группы великихъ княженій прекратились и когда онѣ вошли въ составъ московскаго великаго княженія, а всѣ остальные удѣльные князья потеряли уже преж-